ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru 2026 №1

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 1
2026

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
2026 № 1
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д. филол. н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (профессор РАН, д. филол. н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д. филол. н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный редактор номера
И.И. Челышева (д. филол. н., Институт языкознания РАН)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к. филол. н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., Махачкала, Российская Федерация
Лувсандоржийн Болд	акад. Монгольской академии наук, проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., Абакан, Российская Федерация
Н.Б. Вахтин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Российская Федерация
Моника Вингендер	проф., Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Российская Федерация
Л. Гренобль	проф., Чикаго, Соединенные Штаты Америки
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., Улан-Удэ, Российская Федерация
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Российская Федерация
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Российская Федерация
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Российская Федерация
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Российская Федерация
А.А. Кибрик	член-корр. РАН, д. филол. н., Москва, Российская Федерация
Ли Юймин	проф., Пекин, Китайская Народная Республика
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., Москва, Российская Федерация
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., Набережные Челны, Российская Федерация
М.Р. Овхадов	д. филол. н., Грозный, Российская Федерация
Тьерри Поншон	проф., Реймс, Франция
Мишель Тамин	проф., Реймс, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., Уфа, Российская Федерация
Араи Юкиясу	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., Москва, Российская Федерация
Нгуен Ван Хьеп	проф., Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	проф., Шанхай, Китайская Народная Республика
Чжао Шицзюй	проф., Ухань, Китайская Народная Республика

© Институт языкознания Российской академии наук, 2026
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2026

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGUISTICS

No. 1
2026

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal
2026 No. 1
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive editor of the issue
Irina I. Chelysheva (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russian Federation
Luvsandorjiin Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russian Federation
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russian Federation
Monika Wingender	Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russian Federation
Lenore Grenoble	Professor, Chicago, United States of America
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russian Federation
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russian Federation
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russian Federation
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russian Federation
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russian Federation
A.A. Kibrik	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Moscow, Russian Federation
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russian Federation
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russian Federation
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Grozny, Russian Federation
Tierry Ponchon	Professor, Reims, France
Michel Tamin	Professor, Reims, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Ufa, Russian Federation
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Moscow, Russian Federation
Nguyen Van Hiep	Professor, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	Professor, Shanghai, China
Zhao Shiju	Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2026
© Orel State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

И.И. Челышева. Языковые острова: история, типология, языковое законодательство. 10

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Е.А. Невежина. Языковая политика Франции по отношению к гендерно-нейтральному письму 31

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Е.Б. Яковенко. Конфессиональная, этническая и национальная самоидентификация парагвайских немцев-меннонитов (на материале современных этнотекстов). 49

С.В. Кириленко. Языковые идеологии вежливости в современном письменном английском: метапрагматические оценки в условиях цифровой коммуникации. 63

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

А.А. Ануфриев. Употребление наклонений в конструкциях с предикатами внутреннего состояния в галисийском языке: социолингвистический аспект 82

В.И. Карпов. Социолингвистические и диалектологические аспекты изучения феномена народного целительства в немецкоязычной Швейцарии 102

В.А. Нуриев. От русского многоточия к французскому: к вопросу о межъязыковой вариативности 119

М.В. Попова. Иноязычный акцент как структурный фактор социальной стратификации в условиях современной миграции (на материале германских языков) 142

IN VARIA

А.А. Артамонов, Э.В. Хилханова. Языковые установки, идеологии и практики носителей миноритарных языков: опыт нарративно-дискурсивного анализа. 159

Р.П. Иванова. Актуализация когнитивно-семиотических моделей слуховой перцепции в якутском языке (на материале произведения Ивана Дьячковского «кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой»)) 181

Айщиринь Жумабай, Цзэн Цзяфу. Подходы российских СМИ к конструированию образа Хайнаньского порта свободной торговли: дискурсивный анализ (2018–2025) 203

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Казакова. Рецензия на монографию «Эритажный русский как естественный ресурс мягкой силы России». 239

Требования и рекомендации к оформлению статей 248

CONTENTS

Editorial preface. 8

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

Irina I. Chelysheva. Language islands: formation, typology, language legislation. 10

LANGUAGE POLICY

Elizaveta A. Nevezhina. Language policy in France towards inclusive or gender-neutral language 31

LANGUAGE AND IDENTITY

Yekaterina B. Yakovenko. Confessional, ethnic and national self-identification of Paraguayan German Mennonites(based on contemporary ethnotexts 49

Svetlana V. Kirilennko. Linguistic ideologies of politeness in contemporary written English: metapragmatic evaluations in the context of digital communication 63

LANGUAGE PROCESSES

Alexander A. Anufriev. The use of moods in constructions with inner state predicates in Galician: a sociolinguistic aspect 82

Vladimir I. Karpov. Sociolinguistic and dialectological aspects of the study of the phenomenon of traditional healing in German-speaking Switzerland 102

Vitaly A. Nuriev. From Russian to French ellipsis marks: a cross-linguistic perspective on punctuation variability 119

Marianna V. Popova. Foreign accent as a structural factor of social stratification in contemporary migration context (based on Germanic languages) 142

IN VARIA

Alexander A. Artamonov, Erzhen V. Khilkhanova. Language attitudes, ideologies, and practices of minority language speakers: the experience of narrative-discursive analysis 159

Raisa P. Ivanova. Actualization of cognitive-semiotic models of auditory perception in the Yakut language (based on the work of Ivan Dyachkovsky “kustugu sitterbien” (“Running for the rainbow”)). 181

Ayixiren Jumabayi, Zeng Jiafu. Russian media in constructing the image of the Hainan free trade port: a discourse study (2018–2025) 203

REVIEWS

Anna Yu. Kazakova. [Review] Heritage Russian as a natural resource of Russia's soft power. . . . 239

Style sheet 248

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Основу этого номера составляют статьи, написанные на материале европейских языков – германских и романских, включая языки миноритарные, национальные варианты, диалекты и говоры. Кроме того, выпуск дополнен двумя статьями на материале языков Азии (китайский и якутский). Спектр проблем, которые затрагиваются в этом выпуске журнала достаточно широк: ареальная лингвистика в социолингвистическом аспекте, этнолингвистика, языковая политика, прагмалингвистическая проблематика и др. Одной из тем номера является проблема языковых островов – ограниченных ареалов, окруженных территорией другого языка. Языковые острова имеют разную историю формирования, образуют типологически разнообразные ареалы и в разной мере поддерживаются языковым законодательством. Особую форму языковые острова обретают в Новом Свете: в номере представлен малоизвестный материал, посвященный парагвайским немцам-меннонитам.

В выпуске рассматриваются актуальные проблемы современных языков, связанные с языковой политикой, в том числе и в связи с внедряемыми языковыми изменениями, чей статус остается дискуссионным, в частности, проблематика гендерно-нейтрального языка, особенности политического дискурса в сопоставительном аспекте (на материале русского и американского английского). Широкая языковая вариативность находит свое отражение и в культурно-языковых традициях национальных вариантов языков Европы (немецко-швейцарский).

В статьях, входящих в номер, уделено внимание варьированию языковых структур в связи с социолингвистической стратификацией языка: использование времен и наклонений, особенности пунктуации в сопоставительном ключе; социолингвистические характеристики фонетических акцентов.

Оригинальным подходом отличаются и статьи, посвященные азиатской тематике.

Мы надеемся, что публикуемые статьи будут интересны широкому кругу читателей.

И.И. Челышева

Институт языкознания Российской академии наук

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

EDITORIAL PREFACE

The present issue is primarily composed of articles based on data from European languages, including Germanic and Romance languages, as well as minority languages, national varieties, dialects, and regional vernaculars. In addition, the volume features two contributions devoted to Asian languages, namely Chinese and Yakut.

The range of topics addressed in this issue is broad and encompasses areal linguistics from a sociolinguistic perspective, ethnolinguistics, language policy, pragmalinguistics, and related fields. One of the central themes of the volume is the phenomenon of language islands – geographically limited linguistic enclaves surrounded by the territory of another language. Language islands differ considerably in their historical development, represent typologically diverse linguistic areas, and receive varying degrees of support through language legislation. In the New World, language islands have assumed particularly distinctive forms; this issue includes little-known material on Paraguayan German Mennonite communities.

The volume also examines a number of pressing issues affecting contemporary languages in connection with language policy and ongoing linguistic change, the status of which often remains contested. Among these are questions related to gender-neutral language and comparative aspects of political discourse, analyzed through data from Russian and American English. Linguistic variation is further reflected in the cultural and linguistic traditions of European national language varieties, as exemplified by Swiss German.

The articles included in this issue pay particular attention to the variation of linguistic structures in relation to the sociolinguistic stratification of language. Topics explored include the use of tense and mood, comparative perspectives on punctuation, and the sociolinguistic characteristics of phonetic accents.

The contributions devoted to Asian languages are likewise distinguished by their original methodological approaches and innovative perspectives.

We hope that the articles published in this issue will be of interest to a wide readership.

Irina I. Chelysheva
Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ
THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-01

ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА: ФОРМИРОВАНИЕ, ТИПОЛОГИЯ, ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

УДК 81`27

Ирина И. Челышева
Институт языкознания Российской академии наук
Москва,
Российская Федерация

Примечание
Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025 0008 Интегративное изучение индоевропейских языков в диахронии и синхронии: филология и лингвистика.

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам формирования и существования «языковых островов» – относительно небольших территорий или отдельных поселений, жители которых принадлежат к этническому меньшинству в стране проживания, используют в своей среде иной язык и исторически связаны с другим, более крупным языковым ареалом. В статье, преимущественно на материале романских языков и языков стран романского ареала, исследуются причины возникновения языковых островов, рассматриваются типы таких ареалов и анализируются особенности языкового законодательства, регулирующего статус и функции островных идиомов.

В качестве особого типа языкового острова рассматривается столица Бельгии – Брюссель; также представлены небольшие языковые острова, образующие своеобразный «архипелаг» (германские поселения на севере Италии, итало-албанские общины), а также иноязычные города-острова. Особый случай представляет монегаскский язык в Монако, поддерживаемый на государственном уровне. На современном этапе большинство подобных территорий являются двуязычными, причем родной язык лингвистического меньшинства постепенно утрачивает свои позиции под влиянием регионального, официального или государственного языка.

Языковое законодательство, как правило, не наделяя такие идиомы официальным статусом, направлено на поддержку и развитие языков меньшинств, однако не всегда достигает реального результата. Наиболее устойчиво язык сохраняется в тех случаях, когда языковые острова окружены территорией крупного лингвистического меньшинства (например, окситанский Валь-д'Аран в Каталонии).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковые острова, языковые контакты, миноритарные языки и диалекты, языковое законодательство

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ирина И. Челышева, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-01

LANGUAGE ISLANDS: FORMATION, TYPOLOGY, LANGUAGE LEGISLATION

UDC 81 27

Irina I. Chelysheva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow,
Russian Federation

Abstract

The article addresses several aspects related to the formation and existence of "language islands" – relatively small territories or individual settlements whose inhabitants belong to an ethnic minority within their country of residence, use a different language within their community, and are historically connected to another, larger linguistic area. Drawing primarily on data from Romance languages and languages spoken in Romance-speaking countries, the article examines the factors that have contributed to the emergence of language islands, discusses the different types of such areas, and analyses the features of language legislation regulating the status and functions of insular idioms.

Brussels, the capital of Belgium, is examined as a specific type of language island; the study also considers small language islands forming a kind of "archipelago" (such as German-speaking settlements in northern Italy and Italo-Albanian communities), as well as foreign-language island cities. A particular case is represented by the Monégasque language in Monaco, which is supported at the state level. At present, most of these territories are bilingual, while the native language of the linguistic minority is gradually losing ground under the influence of the regional, official, or state language.

Although language legislation generally does not grant such idioms official status, it is aimed at supporting and promoting minority languages, albeit not always with tangible results. Language maintenance appears to be most successful when language islands are surrounded by the territory of a large linguistic minority, as in the case of the Occitan-speaking Val d'Aran in Catalonia.

KEYWORDS:
language islands, language contacts, minority languages and dialects, linguistic legislation

Aknowledgements
The study was conducted within the framework of the project FMNE-2025-0008 "Integrative Diachronic and Synchronic Study of Indo-European Languages: Philology and Linguistics".

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Irina I. Chelysheva, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Термин «языковые острова» (англ. *linguistic island*, нем. *Sprachinsel*, франц. *île linguistique*) распространен в современном языкознании довольно широко. Во франкоязычных и англоязычных работах часто прибегают к его синониму «языковой анклав» (англ. *linguistic enclave*, франц. *enclave linguistique*). Введение этого термина в научный оборот связано с работами по германской диалектологии, что вполне объяснимо, поскольку носители германских наречий широко расселились по всему миру, сохраняя в иноязычном окружении родной язык (о формировании понятия и особенностях его толкования см. [Фурцев, 2017], [Mattheier, 1994]). В.М. Жирмунский, акцентируя внимание именно на этой стороне ситуации, вписывал языковые острова в проблематику «переселенческой диалектологии» [Жирмунский: 1976].

Построенный на метафоре, этот термин приложим к очень широкому кругу языковых ареалов разного происхождения, состава и масштаба. В это понятие включаются и реликты языка переселенцев, обосновавшихся в Европе на иноязычной территории с раннего Средневековья, и поселения потомков колонистов Нового Света, чей язык отличался от языка окружающего большинства, и кварталы больших городов, где сосредоточены мигранты, как давно обосновавшиеся в стране, так и недавно прибывшие и продолжающие прибывать. Наша статья посвящена ситуации в Европе как в исторической динамике, так и на современном этапе. Основу исследования составил лингвистический материал стран романской речи, однако описанные закономерности приложимы и к другим языковым ареалам.

Не углубляясь в частности отдельных дефиниций, отметим, что три характеристики островного ареала оказываются базовыми: во-первых, речь идет о языковом меньшинстве; во-вторых, это меньшинство проживает в иноязычном окружении; в-третьих, островной языковой ареал соотносится с расположенной удаленно от него более крупной территорией носителей того же (или близкого) идиома. Эти характеристики вариативно реализуются в каждом конкретном случае. На сегодняшний день европейские островные лингвистические меньшинства уже не изолированы иноязычным окружением, а языковые острова уже не однородны этнически и лингвистически. Исторически родной язык сдает свои позиции, а носители переходят на доминирующие в данном ареале языки.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Соотношение с «материнским» языковым ареалом

С точки зрения формирования можно разделить языковые острова на две неравные группы. В первую входят такие ареалы, которые точечно сохранились после того, как основная часть населения, пережив ассимиляцию, перешла на другой язык; это своего рода свидетели прошедших эпох. Так можно определить сохранившиеся острова славянской речи в Германии: серболужицкий язык в Верхней Лужице (федеральная земля Саксония) и Нижней Лужице (федеральная земля Бранденбург). В этом случае острова соотносятся лишь с исторически удаленным, исчезнувшим ареалом. К этой группе, с определенными оговорками, можно отнести и гэлтахты (gaeltacht) Ирландии – отдельные районы, имеющие особый статус, где ирландский сохранился как живой родной язык жителей. Лингвистическая обособленность гэлтахтов достаточно условна. Речь идет именно о специфике сферы использования языка, так как ирландский – государственный язык Ирландии, изучается в школах, имеет устойчивую письменную традицию, но территории, где он используется в живом, бытовом общении очень ограничены.

Ко второй группе можно отнести языковые острова, которые появились в результате переселения групп носителей на новую территорию; именно такие ареалы и воплощают в полной мере идею языкового острова.

Языковой остров, образуя анклав в иноязычном ареале, является эксклавом по отношению к основной территории распространения идиома. Однако связь между ними оказывается неоднозначной. В «Словаре социолингвистических терминов» есть определение для понятия «островной диалект», где эта связь рассматривается в рамках дихотомии «язык/диалект» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. А. И. Домашнев, изучавший немецкую диалектологию, считал, что к языковым островам можно, во-первых, отнести «окраинные» ареалы, сохраняющие территориальную связь с основной территорией, а во-вторых, удаленные языковые области, образовавшиеся в результате переселения групп носителей на новые территории [Домашнев, 1983: 11].

Окраинные ареалы могут примыкать к основной территории как ее этническое и лингвистическое продолжение за пределами государственной границы. Так «продолжают» Австрию и Словению в Италии тирольцы в области Трентино-Альто Адидже и словенцы в области Фриули-Венеция Джулия. Понятие островного лингвистического ареала к этим группам итальянского населения вряд ли применимо. Для сравнения упомянем словенцев-резьян в провинции Удине (Фриули), оторванных от остальных славян и проживающих в высокогорной долине. Резьяне образуют отдельный языковой остров с собственным

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

резьянским вариантом словенского языка, сохранившим архаичные черты, но серьёзно изменившимся под влиянием романских (фриульского и итальянского) языков. В славистике к резьянскому применяют определение «микроязык», в котором сочетается и указание на очень ограниченный и постоянно сужающийся круг носителей, и указание на структурную автономность идиома [Федорова, 2023].

В Европе языковые острова сложились достаточно давно, так что языковая ситуация, в рамках которой носители существовали до переселения на территорию современного места жительства, значительно изменилась. Особенно это заметно в том случае, когда основной язык как полноценный литературный и государственный сформировался уже после выселения части носителей за пределы территории распространения этого языка.

Так, германоязычные анклавы в северной Италии: поселения цимбров, мокенов и вальсеров – возникли до формирования современного немецкого языка и развивались вне его влияния. Цимбры (итал. cimbri) представляют собой потомков переселенцев X–XII вв., мигрировавших из районов на границе Баварии, Швабии и западного Тироля. Их язык определяется как один из вариантов верхненемецкого, близкого к средневековому состоянию германских наречий. Для носителей современного немецкого язык цимбров, по утверждению автора цимбрской грамматики, непонимаем [Panieri, 2022: 17]. Еще одна группа итальянских германцев – мокены, или мохены (*Mochen*) в провинции Тренто области Трентино-Альто Адидже, мигрировавшие в XIII в. из Баварии. Родственное языку цимбров, наречие мокенов менее итальянизировано и ближе баварскому диалекту Германии. В Пьемонте и Валь д'Аосте на северо-западе Италии точечно сохраняются деревни говорящих на аллеманском диалекте вальсеров (*Walser*), переселившихся из швейцарского кантона Валле в XIII в. и сохранивших в названии своего языка – *Titsch*, *Töitschu*, *Titzschu* – связь со Швейцарией (ср. название швейцарского аллеманского диалекта *Dütsch*, *Tüütsch*). В области Фриули-Венеция Джулия сохранились отдельные коммуны (Тимау, Саурис, Саппада), наречия которых относятся к германским диалектам Каринтии, т.е. соотносятся с современной территорией Австрии.

В итальянском законе об исторических языковых меньшинствах [Legge 15.12.1999] носители германских наречий обозначены как *popolazioni germaniche* «германоязычные группы населения» [Legge 15.12.1999]. Формулировка закона никак не связывает это население с немецким языком, который по-итальянски именуется *tedesco*, что исторически вполне обосновано. Соответственно, автохтонные германские идиомы рассматриваются не как диалекты немецкого, а, скорее, как отдельные языки. Таким образом, если считать необходимой характеристикой языковых островов наличие родственных связей с более

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

крупным ареалом, то можно утверждать, что языки германцев Италии имеют генетическую связь с верхненемецким ареалом в его архаической форме, но не соотносятся непосредственно с немецким литературным языком.

В некоторых случаях вообще нет возможности точно установить исходный ареал. При этом такая характеристика, как расположение лингвистического анклава и основного языкового ареала на территории разных стран, оказывается необязательной. В восточной части Сицилии в нескольких коммунах (около 60 тыс. говорящих) распространены северные галло-итальянские говоры, до сих пор являющиеся важной частью идентичности жителей этих коммун. Точное происхождение носителей этих говоров неизвестно: речь идет о выходцах из северной Италии, которые переселялись на остров с момента норманнского завоевания (конец XI в.), вытесняя мусульманское население. В Средневековье политическая и административная карта Италии выглядела, естественно, совершенно иначе, чем сейчас. Значение имела не столько государственная принадлежность, сколько приверженность династии и служба правителю. Диалектологи считают, что на Сицилии прослеживаются следы и ломбардских, и пьемонтских, и лигурских диалектов Италии [Trovato, 1988: 539][1]. Таким образом, в классификацию современных северных галло-итальянских диалектов, где перечисленные диалектные группы имеют свою структуру, сицилийские говоры не встраиваются, а лишь плюсуются к этой галло-итальянской языковой общности как отдельные элементы.

Нелинейная история носителей идиома осложняет его связи с основным лингвистическим ареалом. На двух небольших островах Сан-Пьетро и Сант-Антиокко у побережья Сардинии проживает около 10 тысяч носителей табаркинского, исходно одного из говоров североитальянского лигурского диалекта, которые переселились в XVI в. на остров Табарка у побережья Туниса, а затем переместились в середине XVIII в. к берегам Сардинии. Историческая диалектология, безусловно, признает табаркинский частью лигурского диалектного ареала. Подробные исследования показали, что большую часть переселенцев на остров Табарка составляли жители Пельи (Pegli), рыбацкого поселения к западу от Генуи. Но годы проживания далеко за пределами Лигурии, а затем в сардинском окружении и, позднее, «под крышей» итальянского литературного языка сформировали у носителей этого варианта

[1] Диалекты Италии представляют собой самостоятельное развитие народной латыни на разных субстратных основах. Они отличаются структурным своеобразием и часто имеют собственную письменно-литературную традицию. Диалекты не являются вариантами итальянского литературного языка.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

осознание оригинальности и отдельности собственного идиома, который устойчиво именуется табаркинским.

3 | К типологии языковых островов

3.1. Брюссель – город с двумя языками

Часто в качестве примера языкового острова приводят столицу Бельгии Брюссель, мотивируя это тем, что франкоязычный Брюссель окружен нидерландоязычными территориями Фландрии (брабантский диалект). Но Брюссель никогда не был ни полностью французским, ни полностью нидерландоязычным. В XV в. Брабант, где расположен Брюссель, вошел в состав Бургундского герцогства, объединявшего территории с французским и с нидерландским языком (о соотношении языков до формирования государства Бельгия см. [Челышева, 2022]). Доминирование французского в столице утвердилось с образованием отдельного Бельгийского государства в 1830 г., когда французский стал единственным официальным языком страны. Если реликтовые языковые острова представляют собой отдельные районы, язык которых устоял при ассимиляции окружающей территории, то лингвистическую историю Брюсселя можно описать как противоположный процесс: произошел переход города на авторитетный, социально и культурно престижный французский язык при сохранении нидерландского на окружающей территории.

Встречается утверждение, что коренной брюсселец – это человек с фламандской фамилией и с родным французским языком. Это, конечно, далеко не всегда так, но выходцев из фламандской среды, чьи предки перешли на французский среди брюссельцев, много. По современным данным, французским свободно владеют около 95 % жителей, а нидерландским – более 33% [Janssens]. Если число брюссельцев, использующих в быту только нидерландский, сокращается, то число тех, кто говорит на двух языках, растет. Социолингвистическое анкетирование показывает, что жители столицы не считают себя ни частью нидерландоязычной Фландрии, ни частью франкоязычной Валлонии.

3.2. Остров или «архипелаг» островов?

При описании языковых островов обычно подчеркивается их изолированность от исходного ареала, но эта изолированность не означает гомогенности, территориального единства и существования сколько-нибудь протяженного ареала. В качестве примера можно привести ситуацию с целым «архипелагом» упомянутых выше германоязычных поселений, разбросанных по северу Италии. Цимбры проживают в 13 коммунах провинции Верона и в 7 коммунах провинции Виченца в области Венето. К ним можно добавить цимбров,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

проживающих на плато Кансилья на границе провинций Белунно и Тревизо в Венето. Отдельный островок проживания цимбров – коммуна Лузерна в провинции Тренто в области Трентино-Альто Адидже. Таким образом, в настоящий момент сохранились четыре территориально изолированных ареала, раздробленных внутри по коммунам, причем наречия этих ареалов различаются между собой. Так, новая грамматика цимбрского имеет заголовок «De Zimbrische Zunga von Siban Komaün» ‘Цимбрский язык семи коммун’ [Panieri, 2002], т.е. это описание цимбрской провинции Виченца, а не языка в целом. Мокены достаточно компактно проживают в долине Валле Ферсина, но в трех коммунах этой долины обнаруживаются три разных говора. В области Валь д’Аоста есть три отдельных ареала, где расположены деревни вальсеров с населением в несколько сотен человек. Сегодня наречия германских поселенцев в северной Италии находятся на грани исчезновения и реальное число говорящих установить достаточно сложно.

По всей южной Италии (области Молизе, Калабрия, Базиликата, Апулия, Сицилия) разбросаны деревни и городки, где проживает албанское по происхождению население (около 50 коммун, 100 тыс. жителей). Арбереши (самоназвание *arbëreshë*), переселялись в XV–XVIII вв. на Апеннины из Греции и Албании. Они сохраняют в быту албанский язык, архаичный по сравнению со стандартным албанским, отмеченный греческим влиянием и многочисленными заимствованиями из итальянского и южных диалектов Италии. Арбереши осознают свою отдельную этноязыковую идентичность, считая себя частью итало-албанской общности, именуемой *Arbëria*. Отношение арберешей к многочисленным недавним мигрантам из Албании, которые с 90-х гг. XX в. стали перебираться в Италию, достаточно неоднозначное и, по нашим наблюдениям, они не всегда находят общий язык, несмотря на этническое родство. Не находят полного одобрения и попытки «исправить» язык арберешей, приблизив его к стандартному албанскому. [Di Maggio, 2022].

Возникает вопрос: как определять такие лингвистические ареалы, как германский и албанский в Италии? Следует ли их считать лингвистическими островами или это диаспора? На наш взгляд, первая дефиниция подходит больше. В современном мире диаспоры воспринимаются не только в социолингвистическом, но и в культурно-политическом аспекте. В диаспоре присутствует общее этническое самосознание, остается устойчивая связь со страной происхождения, сохраняются семейные связи с родственниками. Германцы же северной Италии и арбереши южной Италии не рассматривают себя как часть современной Германии, Швейцарии или Албании, оставаясь именно «архипелагом» этнических, культурных и языковых островков. В случае с островными языковыми ареалами

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

воссоединение с давно покинутой родиной иногда происходит вынужденно, из-за политических и экономических причин, которые не оставляют населению выбора. Так, в XX в. резко сократилось число германоязычных жителей Румынии (саксы в Трансильвании, швабы в Банате и Марамуреше): с 745 тысяч в 1930 г. до 60 тысяч в 2002 г.) [Mărculeţ, Mărculeţ, 2009: 137].

3.2. Языковой остров на острове

Изолированность языкового ареала может определяться физической географией, то есть речь идет об островах как таковых, причем о такой ситуации, когда население острова говорит не на том языке, на котором коммуницирует основная часть суши, к которой этот остров относится с государственно-административной точки зрения. Это не анклавы в географическом смысле, так как они не окружены иноязычной территорией непосредственно. Примером такого ареала можно считать потомков нормандского диалекта французского языка на принадлежащих Великобритании Нормандских островах в проливе Ла-Манш: dgèrnésiais – гернсийский на острове Гернси и jèrriais – джерсийский на острове Джерси. Оторванность от основного нормандского ареала и многовековое сосуществование с государственным английским языком наложили отпечаток на эти достаточно архаичные идиомы [Jones, 2001]. Показательно, что на Гернси и Джерси бытуют хотя и близкие, но разные варианты исходного нормандского диалекта, т.е. в лингвистическом смысле сложился своего рода языковой «архипелаг», в который вписывается и практически исчезнувший говор острова Сарк, относившийся к джерсийскому. Если соотнести эти варианты с представленным выше разделением языковых островов на «старые», сохранившиеся после ассимиляции основного ареала, и «новые», возникшие в результате переселения носителей, то гернсийский и джерсийский ближе к первому типу. С раннего Средневековья нормандский диалект французского языка, во-первых, был распространен по всей Нормандии, а, во-вторых, лег в основу англо-нормандского, варианта французского, бытовавшего в Англии в XII–XIV вв. как литературный язык и язык правящей верхушки. Англо-нормандский угас в XV в. Диалект Нормандии сегодня причисляется к списку *langues d'oïl*, языков северной и центральной Франции, но современная сфера его использования, несмотря на попытки возрождения, очень ограничена. Как полноценная языковая система нормандский Франции описывается скорее исторически, с обращением к текстам и свидетельствам прошлого. На этом фоне джерсийский, утвержденный в 2019 г. местными властями как третий (после английского и французского) официальный язык острова Джерси, несмотря на угрожающе малое число говорящих,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

выглядит, благодаря своей островной обособленности, как языковое образование с более устойчивыми структурами.

3.3. Языковой остров или языковой полуостров?

Базовая характеристика, которая дает основание отнести территорию к языковому острову, это, как уже было сказано, иноязычное окружение. Но не всегда языковой остров полностью территориально отрезан от основного ареала распространения языка. Если речь идет об островах «окраинного» типа в терминологии А. И. Домашнева, складываются очертания, скорее, полуострова, чем острова. В таком положении находится долина Арана (Валь д'Аран) в Пиренеях, с испанской стороны горного хребта. Языком коренных жителей Валь д'Арана является вариант гасконского, именуемый в Испании *aranès*. Гасконский включается в окситанский языковой ареал, но структурное своеобразие этого идиома противопоставляет его остальным окситанским диалектам [Гулыга, 2023]. В Испании аранский окружен каталаноязычными территориями, а с севера проходит граница с Францией, за которой и расположена Гасконь. Аранский, таким образом, отделен от основного языкового ареала государственной границей, но в лингвогеографическом плане соприкасается с ним непосредственно. Конечно, принадлежность к другому государству и горный характер местности ослабляют связь между аранским и гасконским Франции, но классически изолированным языковым островом аранский не является.

Идея полуострова применима и к монегаскскому, языку коренных жителей Монако, хотя и на иных, чем для аранского, основаниях. С точки зрения формирования монегаскский – это наречие переселенцев, перебиравшихся на Скалу (La Rocca – так называется самая древняя, центральная часть Монако) с конца XIII в. из Лигурии. Монегаскский сохранил характеристики самого западного, интемельского варианта лигурского диалекта Италии. Между Монако и итальянской Лигурией вклинивается территория Франции – город Ментона (Ментон) и его окрестности, где исторически распространен ментонский диалект (франц. *mentonnais*, *mentonasque*). Этот диалект относится к окситанскому языку, но соединяет в себе окситанские и лигурские черты. В. Форнер назвал статью, посвященную морфологии ментонского, «Le mentonnais entre toutes les chaises?» 'Ментонский на всех стульях?', иронически преобразовав высказывание «сидеть на двух стульях» [Forner, 2001]. Такая формулировка хорошо передает гибридный, переходный характер этого диалекта.

Таким образом, ареал ментонского служит своего рода перешейком, присоединяя монегаскский к лигурскому. Кроме того, княжество Монако постоянно сохраняло устойчивые связи всех уровней с ближайшим крупным портом Вентимильей, городом на западе

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

итальянской Лигурии. В языковом плане отмечается влияние Вентимильи на наречие Монако, что еще больше укрепляет упомянутый «перешеек» Монако-Лигурия.

3.4. Город как языковой остров

Особая лингвистическая ситуация складывается тогда, когда иноязычным вкраплением оказывается отдельный город и языковой остров формировался, в основном, *intra muros*, т.е. внутри городских стен. В этом случае возникновение лингвистического анклава во многом определялось административно-политической волей верховной власти. Формирование таких городов в романском мире относится к Средним векам, и своим возникновением они обязаны результатам завоевательных войн и переделу территорий, оформлявшимися декретами властей. Местное население при этом вынуждали выехать из города. В результате складывался особый городской диалект, сохранение и развитие которого поддерживалось привилегиями и преференциями, которыми были наделены новые горожане. Так сформировался каталаноязычный анклав на Сардинии – город Альгеро (в настоящее время 45 тыс. жителей). В течение XIV в. Арагонское королевство, в состав которого входила Каталония, подчинило себе Сардинию, и каталанский язык распространился по всему острову. В 1353 г. король Петр IV Арагонский, отбив город у генуэзцев и стремясь создать на восточном побережье Сардинии форпост своего королевства, распорядился выселить местное население, заменив его уроженцами Каталонии. В XVI в., с уходом арагоно-каталонской династии, каталанский язык на Сардинии утратил свои позиции, но в городе Альгеро он остался до наших дней.

Город не мог жить, замыкаясь в собственных стенах, поэтому альгерский каталанский отмечен глубоким влиянием сардинского, а с XVIII в. и итальянского. Показательно, что это влияние не ограничивалось только вполне предсказуемыми многочисленными лексическими заимствованиями. Под влиянием сардинского оказалась изменена фонетическая структура языка. Упомянем многочисленные метатезы, которые очень характерны для сардинского, ротацизм и позиционное варьирование согласных: ср. каталанск. *pobre* ‘бедный’ > альгерск. *probe*, каталанск. *culpa* ‘вина’ > альгерск. *curpa*, каталанск. *vida* ‘жизнь’ > альгерск. *vira* [Звонарева, 2009: 162–163]. Альгерский также оказался в стороне от инноваций, которые произошли в Каталонии под влиянием испанского языка. В результате сложилась довольно специфическая языковая форма, вызывающая, по наблюдениям автора этой статьи, некоторое недоумение (а иногда и улыбку) у тех, кто привык к каталанскому в его пиренейских вариантах.

Еще одним примером формирования городского лингвистического острова является *bunifazzin*, генуэзский говор города Бонифаччо на принадлежащем ныне Франции острове Корсика. Бонифаччо расположен на скалистом выступе на южной оконечности Корсики.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Корсика до 1768 г. принадлежала морской республике Генуя. Бонифаччо был стратегически важен для морских путей, поэтому местные жители, как и в Альгеро, были вытеснены, а город, заселенный новыми горожанами-генуэзцами, получил особый статус, который, модифицируясь, сохранялся до XVIII в. Бонифаччо был своего рода городом-государством, который имел право чеканить свою монету, был освобожден от части налогов и вел активную торговлю. Ф. Тозо, много занимавшийся историей генуэзского наречия за пределами Генуи, считает, что в Бонифаччо хорошо сохранились черты средневекового генуэзского, а изменения XVI–XIX вв., наложившие отпечаток на диалект Генуи, до Бонифаччо не дошли [Toso, 2008: 16]. В целом, в отличие от каталанского Альгеро, генуэзский в Бонифаччо на протяжении веков демонстрировал редкую устойчивость оригинальной языковой структуры. Вероятно, этому способствовала относительная изоляция города со стороны суши: Бонифаччо расположен на скалистом мысе и был окружен обширными малозаселенными пустошами [Di Meglio, 2022: 16]. При этом устойчивость языковых структур не повлияла на устойчивость узуса: сейчас в Бонифаччо около 3300 жителей и *bunifazzin* реально жив лишь у лиц старшего поколения.

И в Альгеро, и в Бонифаччо местные наречия находятся на стадии исчезновения. Их территория исходно была довольно ограниченной. Каталанский Альгеро был окружен сельскими районами, где говорили на логудорском варианте сардинского языка, а генуэзский Бонифаччо существовал в окружении корсиканских говоров. Компактное городское население постоянно подпитывалось переселенцами из сельских районов, что размывало устойчивое одноязычие горожан. Генуэзский Бонифаччо сосуществовал не только с корсиканскими говорами, но и с итальянским языком, который на Корсике традиционно использовался как литературный. С историческими изменениями, а именно с включением Корсики в состав Франции в 1768 г. и с вхождением Сардинии в единую Италию (1860 г.), языковая ситуация в этих городах, которая уже была достаточно сложной, дополнилась французским и итальянским, языками государственными и престижными.

Стоит обратить внимание на то, что города, образующие лингвистические анклавы, в отличие от сельских поселений, расположены на морском побережье. К Альгеро и Бонифаччо можно добавить Сеуту и Мелилью, окруженные арабоязычными территориями автономные испанские города на североафриканском побережье, которыми Испания владеет с XVI в. Но в этих городах не сложилось устойчивое двуязычие; официальным языком является испанский; европейское по происхождению население владеет только им, а арабское население двуязычно частично (в Мелилье к испанскому и арабскому добавляется рифский язык берберов).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

4 | Языковые острова и проблемы языкового законодательства

Языковое законодательство не обходит вниманием языковые острова: само их наличие создает многоязычную ситуацию в стране, что предполагает определенное законодательное регулирование. Общим является то, что речь всегда идет о законодательстве для неодноязычных территорий и о законодательстве для языковых меньшинств.

Брюссель, как было отмечено, не является классическим образцом языкового острова. Это единственный регион Бельгии с двумя официально признанными языками – французским и нидерландским. Построенное на «праве почвы» языковое законодательство Бельгии признает за остальными частями страны только один официальный язык – французский в Валлонии, нидерландский во Фландрии и немецкий в округах Эйпен и Сен-Витт. Французский язык в Брюсселе преобладает. Более того, отмечается сокращение числа брюссельцев, для которых основным языком является нидерландский [Janssens]. Иностранцы, доля которых в населении столицы Бельгии очень значительна, также предпочитают французский. Тем не менее, согласно законодательству, которое соблюдается достаточно строго, доля нидерландского в Брюсселе в официальной сфере коммуникации поддерживается на том же уровне, что и доля французского. Дети нынешнего короля Бельгии Филиппа стали первым поколением королевской семьи, получившим в XXI в. школьное образование на нидерландском (до этого королевские отпрыски обучались на французском), хотя королевская семья франкоязычна. Полностью уравнивающее два языка законодательство не отражает реальную языковую ситуацию в Брюсселе и распределение языков в коммуникативной сфере в бельгийской столице. Но оно создает определенное равновесие в восприятии языков в бельгийском обществе и является важной частью лингвистической идентификации брюссельцев.

Как уже отмечалось, в двуязычных («островной» идиом / государственный язык) или более многокомпонентных («островной» идиом / региональный язык / государственный язык) ситуациях, образующие лингвистические острова языковые формы в современной Европе оказываются в уязвимом положении, часто на грани исчезновения. Общей тенденцией является защита этих идиомов и стремление (по крайней мере, декларируемое) обеспечить их сохранение и развитие.

Островные ареалы могут учитываться в общегосударственных законах, а более подробное описание их законодательного статуса определяется законами региональными. Так, общеитальянский закон, принятый в 1999 г., декларирует защиту языка и культуры исторических языковых меньшинств, в том числе и тех, расселение которых имеет островной

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

характер: албанцы, греки, хорваты, германцы [Legge, 15.12.1999]. На уровне региональных законов более подробно рассматриваются отдельные аспекты защиты и витализации языков таких меньшинств. В Италии речь идет о сохранении языков как этнического наследия и культурного достояния, без каких-либо обязательств официализации. При этом учитываются особенности этнического менталитета и культуры. Например, региональный закон южно-итальянской области Калабрия объявляет культурным достоянием «язык; литературное, историческое и документное наследие; религиозные обряды; песни, музыку, народные танцы; изобразительное искусство; градостроительные, архитектурные и монументальные особенности; исторические поселения; образовательные традиции; народные костюмы; продукцию народных ремесел; традиционные сельскохозяйственные продукты питания и местную гастрономию» языковых меньшинств [Legge 30.10.2003]. Обращает на себя внимание упоминание религиозных обрядов, что далеко не случайно. К языковым меньшинствам Калабрии относятся упомянутые выше албанцы-арбереши, малочисленные греки Калабрии и потомки окситаноязычных вальденсов в коммуне Гуардиа Пьемонтезе. Арбереши исходно были православными; в настоящее время они исповедуют католицизм, но сохранили греко-византийскую обрядность богослужения, которая составляет важную часть их этнической идентичности. Частично сохранили православие итальянские греки. Законодательные гарантии сохранения религиозных традиций для этого населения очень важны.

Достаточно часто островной ареал выглядит как «остров внутри острова», т.е. оказывается на территории крупного языкового меньшинства. В этом случае идиомы получают поддержку на уровне региональных законов, основным объектом которых является язык этого крупного меньшинства. Такая ситуация сложилась с упомянутым выше гасконским в Валь д’Аране, распространенном на территории, которая входит в состав Автономного Сообщества Каталонии со столицей в Барселоне. Число носителей аранского очень невелико: согласно официальной статистике в Валь д’Аране на 2025 г. проживало 10651 человек. При этом 80,7% населения понимает аранский, 55,6% говорит на нем, но лишь 17,6% использует его постоянно *(llengua habitual*) [Idescat]. Таким образом, число говорящих на аранском не превышает 6–8 тысяч.

Официализация аранского происходила постепенно: в Конституции Автономного Сообщества Каталония 1979 г. указывалось лишь, что «аранский должен стать объектом преподавания и пользоваться особым уважением и защитой» [Magaldi, 2022: 19]. При этом аранский определялся как *habla*, производным от *hablar* ‘говорить’, что позволяло обойти проблему «язык или диалект». Но уже в 1983 г. закон о языках Каталонии именует аранский

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

«lengua propia del Valle de Arán» ‘собственный язык Валь д’Арана’ и признает право жителей использовать его в общении и в официальных актах на этой территории [Magaldi, 2022: 20]. Статут Каталонии (2006) гласит: «La llengua occitana, denominada aranès a l'Aran, és la llengua pròpia d'aquest territori i és oficial a Catalunya…» ‘Окситанский язык, именуемый в Аране аранским, это собственный язык этой территории и официальный язык в Каталонии…’ [Estatut 2006]. В 2006–2015 гг. в ряде законодательных документов аранский был признан официальным языком долины Арана с использованием лингвонима *l’occità aranès* ‘аранский окситанский’ со всеми правами, соответствующими этому статусу, включая его использование в школьном образовании как языка, на котором ведется преподавание. В 2015 г. аранский был объявлен третьим официальным языком всего Автономного Сообщества Каталонии наряду с каталанским и испанским. Но его официальный статус на уровне всей Каталонии ограничен: им могут пользоваться жители Валь д’Арана при обращении в государственные структуры и, соответственно, имеют право на получение ответа на родном языке. Это напоминает ситуацию с ретороманским (руманшским), четвертым официальным языком Швейцарии, который также на общегосударственном уровне закреплен для общения носителей ретороманского с властями Швейцарии. Для аранского выработаны собственные языковые нормы, документы местных коммунальных советов обязательно составляются в аранском варианте, есть местная пресса.

Определенный эффект от такого постоянного внимания к языку в Валь д’Аране ощущается: хотя общее количество носителей аранского в XXI в. несколько уменьшилось, однако среди молодежи возросло число тех, кто умеет на нем не только говорить, но и писать. Этому явно способствовало включение аранского в школьную программу и выработка нормы для этого варианта окситанского [Idescat].

Практическая необходимость официального статуса аранского и насущная потребность в его официальном использовании минимальны: на сегодняшний момент едва ли не все носители владеют испанским, а многие и каталанским языками. Но, поддерживая и продвигая аранский, Барселона демонстрирует Мадриду, т.е. центральной власти, с которой у Каталонии отношения сложные, как следует обращаться с языковым меньшинством.

Для описанного выше «архипелага» германских наречий северной Италии также прослеживается подобная закономерность. В областях, имеющих автономный статус, который определяется наличием крупного языкового меньшинства, законодательство лучше защищает мелкие языковые острова, и витальность этих вариантов выше, чем в областях, не обладающих подобным статусом. В Италии часть автономной области Трентино-Альто Адидже (Южный Тироль) представляет собой лингвистическое продолжение Австрии. Для более чем 300 тысяч

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

жителей, живущих в Южном Тироле и говорящих на немецком языке, действует детально разработанное языковое законодательство, которое, помимо регулирования ситуации с этим языком, имеющим статус официального в провинции Больцано/Бользен, включает и статьи, посвященные более мелким языковым группам: ладинам, мокенам и цимбрам. Автономные области в Италии получают некоторые финансовые вливания, направленные на развитие языковых сообществ. Там применительно к крупному языковому меньшинству разработаны меры по сохранению и защите миноритарного языка, которые, естественно, с определенными ограничениями, могут быть приложены и к идиомам лингвистических островов. На сегодняшний день 84 % цимбров автономной области Трентино-Альто Адидже используют в повседневном общении родной язык [Migliori, 2018: 3]. У цимбров в соседней, не автономной, области Венето лишь несколько десятков лиц старшего поколения говорят в быту на германском наречии, хотя в Венето исторически больше коммун, коренное население которых принадлежит к этому германоязычному меньшинству.

Также построен и региональный закон о языках в Сардинии. Его главный объект – это сардинский язык, но наряду с ним к языковому наследию Сардинии отнесены и каталанский Альгеро, и табаркинский островов Сан-Пьетро и Сант-Антиокко.

В Монако монегаскский не фигурирует в законодательных актах. Есть лишь постановления, регламентирующие его введение в школьное образование. Единственным официальным языком, согласно Конституции государства, является французский. Но *de facto* монегаскский определяется и воспринимается как национальный язык, поскольку составляет важную и в XXI в. высоко оцениваемую часть идентичности коренных жителей этого карликового государства. Это определение постоянно фигурирует и в лингвистических трудах, и в научно-популярных статьях, и в прессе. Добавим, что монегаскский пользуется поддержкой правящей княжеской династии Гримальди. Монегаскский при очень ограниченном числе носителей (8 тысяч, около 20 % населения Монако) стал достаточно престижен, введен в школы, для него разработана грамматика. В результате этот «осколок» лигурского диалекта получил больше прав, чем диалект Лигурии в его основном ареале распространения. Социолингвисты отмечают, что монегаскский может рассматриваться как своего рода пример и модель для лигурского диалекта в целом [Lusito, 2024].

5 | Заключение

Языковые острова в современной Европе на сегодняшний день имеют смешанное по происхождению население и часто не связываются напрямую с «материнскими»

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

территориями. Эти связи неоднозначны и, в некоторых случаях, почти утрачены. Однако этническая и лингвистическая изолированность может удерживаться веками, сохраняя некоторую витальность языка (упомянутая коммуна Саппада во Фриули возникла в результате переселения германцев Каринтии в IX–X вв.!). Население этих островных ареалов владеет государственным языком, сохраняя родной язык преимущественно в бытовом общении. Они не образуют единых, протяженных ареалов, а часто предстают в виде «языковых архипелагов». Лингвистическая история Брюсселя совершенно особая и во многом основана на процессах, противоположных типичным путям формирования языковых островов.

Однако следует отметить, что местные наречия при очень ограниченном числе носителей воспринимаются в современном мире как часть исторически унаследованного достояния, ценность которого достаточно высока.

Языковое законодательство в романоязычных странах Европы рассматривает островные идиомы как часть языкового наследия страны или отдельного региона. В некоторых случаях конкретные островные ареалы получают больше прав и больше поддержки, чем идиомы на основной территории распространения (гасконский в Валь д'Аране и монегаскский в Монако по сравнению с гасконским Франции и лигурским Италии).

ЛИТЕРАТУРА

Гулыга О.А. (2023) О типологическом и социолингвистическом своеобразии гасконского языка // Язык как он есть. Сборник статей к 60-летию А. А. Кибрика. М.: Буки-Веди. С. 307–311.

Домашнев А.И. (1983) «Языковой остров» как тип ареала распространения языка и объект лингвистического исследования (на материале немецкого языка) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л.: Наука. С. 11–18

Жирмунский В.М. (1976) Проблемы переселенческой диалектологии // Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука. С. 491–516

Звонарева А.Е. (2009) Языковые контакты на Сардинии: «островной» каталанский диалект города Альгеро // Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов. М.: Тезаурус. С. 156–175.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Фёдорова Л.Л. (2023) Резьянский микроязык: славянский язык Италии под угрозой исчезновения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 119–130 DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-119-130

Фурцев Р.В. (2017) К вопросу об определении понятия «языковой остров» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (76), ч. 2. С. 167–170

Челышева И.И. (2022) Романский мир и нидерландский язык: к проблеме лингвистических контактов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. № 2. С. 91–102. DOI: 10.37892/2218-1393-2022-17-2-91-102.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Argenter J.A. (2008) L'Alguer (Alghero), a Catalan linguistic enclave in Sardinia // International Journal of the Sociology of Language. N. 193/194. P. 205-217. DOI: https://doi.org/10.1515/IJSL.2008.056

Estatut d'Autonomia de Catalunya de 2006. Available at: http://web.gencat.cat/ca/generalitat/estatut/estatut2006/ (Accessed: 23.2.2026).

Di Meglio A. (2022) Le bonifacien: un ligure hors normes ? // Entr'Actes 2022. Académie des Langues dialectales. Monaco : Editions EGC. P. 15-26.

Di Maggio M. (2022) L' arberesh di Sicilia. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363795748_L%27arberesh_di_sicilia Accessed: 12.02.2026.

Forner W. (2001) Le mentonnais entre toutes les chaises? Regards comparatifs sur quelques mécanismes morphologiques // Lexique français-mentonnais. Menton : SAHM. P. 11-23.

Janssens R. L'usage des langues à Bruxelles et la place du néerlandais // Brussels Studies. № 13. Available at : http://journals.openedition.org/brussels/518 (Accessed 08.01.2026). DOI: https://doi.org/10.4000/brussels.518.

Jones M.C. (2001) Jersey Norman French. A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect. Oxford: Blackwell Publishing. 239 p.

Legge 15.12.1999 n. 482. Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche. Available at: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1999; 482. (Accessed: 14.03.2026).

Legge 30.10.2003 n. 15. Norme per la tutela e la valorizzazione della lingua e del patrimonio culturale delle minoranze linguistiche e storiche di Calabria. Available at: https://www.consiglioregionale.calabria.it/bdf/api/BDF?numero=15&anno=2003. (Accessed: 13.01.2026).

Lusito S. (2024) Il caso del monegasco fra prerogative istituzionali, normazione linguistica e didattica: un possibile modello per le parlate liguri? // Atti del Convegno internazionale di studio e riflessione sul patrimonio linguistico della regione Intemelia. Ventimiglia 3 ottobre 2024. / A c. di S. Lusito. Monaco: Editions ESG. P. 137-172.

Magaldi N. (2022) Lengua y derechos lingüísticos en Arán: régimen jurídico de la oficialidad del aranés Language and linguistic rights in Aran: legal regime of the official status of the Aranese language // Revista de Estudios de la Administración Local y Autonómica. Nueva época. N 18. P. 56-76.

Mărculeţ I., Mărculeţ C. (2009) Germans in Romania between the 1930s and the 2002s – geographical aspects // Forum Geografic. Studii şi cercetări de geografie şi protecţia mediului. Year 8, N. 8. pp. 146- 151.

Migliori M. (2018) Introduction to the German Language Islands in Italy: A Historical and Legal Overview // Acta Humana. N 6. P. 31-37.

Mattheier K.J. (1994) Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // N. Berend, K. J. Mattheier (Hrsg.). Sprachinselforschung / Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Frankfurt am Main: Lang. Pp. 333–348.

Panieri L. (2022) De Zimbrische Zunga von Siban Komaün. Grammatica della lingua cimbra dei Sette Comuni. Roana: Istituto di cultura Cimbra. 350 p.

Toso F. (2021) La langue monégasque, son origine et sa typologie Available at : https://www.ald-monaco.org/langues-monegasque/la-langue-monegasque-son-origine-et-sa-typologie-6 (Accessed: 24.03.2026).

Toso F. (2008) Linguistica di aree laterali ed estreme. Contatto, interferenza, colonie linguistiche e 'isole' culturali nel Mediterraneo occidentale. Recco: Le Mani - Microart's edizioni. 335 pp.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Trovato S. (1988) Galloitalische Sprachkolonien. I dialetti galloitalici della Sicilia // Lexikon der Romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, C. Schmitt. Vol. 7. Tübingen: Niemayer. P. 538-559.

REFERENCES

Argenter, J.A. (2008) *L'Alguer (Alghero), a Catalan linguistic enclave in Sardinia*, *International Journal of the Sociology of Language*, no. 193–194, pp. 205–217. DOI: https://doi.org/10.1515/IJSL.2008.056.

Chelysheva, I.I. (2022) *Romanski mir i niderlandski yazyk* [The Romance World and the Dutch Language], *Lingvistika i metodika*, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.37892/2218-1393-2022-17-2-91-102. (In Russian).

Domashnev, A.I. (1983) *«Yazykovoj ostrov» kak tip areala rasprostraneniya yazyka i ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale nemeckogo yazyka)* [«Language Island» as a Type of Language Area and an Object of Linguistic Research (Based on German Material)]. In: *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos)*. Leningrad: Nauka, pp. 11–18. (In Russian).

Fedorova, L.L. (2023) *Rez'yanskij mikroyazyk: slavyanskij yazyk Italii pod ugrozoj ischeznoveniya* [Resian Microlanguage: the Endangered Slavic Language of Italy], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 2, pp. 119–130. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-119-130. (In Russian).

Furtsev, R.V. (2017) *K voprosu ob opredelenii ponyatiya «yazykovoj ostrov»* [On the Question of Defining the Concept of a «Language Island»], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10(76), part 2, pp. 167–170. (In Russian).

Gulyga, O.A. *O tipologicheskom i sociolingvisticheskom svoeobrazii gaskonskogo yazyka* [On the Typological and Sociolinguistic Originality of the Gascon Language]. In: *Yazyk kak on est'. Sbornik statej k 60-letiyu A.A. Kibrika*. Moscow: Buki Vedi, pp. 307–311. (In Russian).

Janssens, R. *L'usage des langues à Bruxelles et la place du néerlandais* [The Use of Languages in Brussels and the Place of Dutch], *Brussels Studies*, no. 13. Available at: http://journals.openedition.org/brussels/518 (Accessed: 8 January 2026). DOI: https://doi.org/10.4000/brussels.518. (In French).

Jones, M.C. (2001) *Jersey Norman French: A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect*. Oxford: Blackwell Publishing.

Legge 15.12.1999 n. 482. *Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche* [Rules on the Protection of Historical Linguistic Minorities]. Available at: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1999;482 (Accessed: 3 February 2026). (In Italian).

Legge 30.10.2003 n. 15. *Norme per la tutela e la valorizzazione della lingua e del patrimonio culturale delle minoranze linguistiche e storiche di Calabria* [Norms for the Protection and Enhancement of the Language and Cultural Heritage of the Linguistic and Historical Minorities of Calabria]. Available at: https://www.consiglioregionale.calabria.it/bdf/api/BDF?numero=15&anno=2003 (Accessed: 3 February 2026). (In Italian).

Lusito, S. (2024) *Il caso del monegasco fra prerogative istituzionali, normazione linguistica e didattica: un possibile modello per le parlate liguri?* [The Case of Monegasque between Institutional Prerogatives, Linguistic Standardization and Didactics: a Possible Model for Ligurian Varieties]. In: *Atti del Convegno internazionale di studio e riflessione sul patrimonio linguistico della regione Intemelia*. Ventimiglia, 3 October 2024. Monaco: Editions ESG, pp. 137–172. (In Italian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Magaldi, N. (2022) *Lengua y derechos lingüísticos en Arán: régimen jurídico de la oficialidad del aranés* [Language and Linguistic Rights in Aran: Legal Regime of the Official Status of Aranese], *Revista de Estudios de la Administración Local y Autonómica. Nueva época*, no. 18, pp. 56–76. (In Spanish).

Mărculeţ, I. and Mărculeţ, C. (2009) *Germans in Romania between the 1930s and the 2002s – geographical aspects*, *Forum Geografic. Studii şi cercetări de geografie şi protecţia mediului*, vol. 8, no. 8, pp. 146–151.

Migliori, M. (2018) *Introduction to the German Language Islands in Italy: A Historical and Legal Overview*, *Acta Humana*, no. 6, pp. 31–37.

Mattheier, K.J. (1994) *Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen* [Theory of the Language Island. Prerequisites and Structuring]. In: Berend, N. and Mattheier, K.J. (eds.) *Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig*. Frankfurt am Main: Lang, pp. 333–348. (In German).

Panieri, L. (2022) *De Zimbrische Zunga von Siban Komaün. Grammatica della lingua cimbra dei Sette Comuni*. Roana: Istituto di cultura Cimbra. (In Italian).

Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. (2006) Edited by V.Yu. Mikhalchenko. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russian).

Toso, F. (2008) *Linguistica di aree laterali ed estreme. Contatto, interferenza, colonie linguistiche e 'isole' culturali nel Mediterraneo occidentale* [Linguistics of Lateral and Extreme Areas. Contact, Interference, Language Colonies and Cultural 'Islands' in the Western Mediterranean]. Recco: Le Mani – Microart's Edizioni. (In Italian).

Toso, F. (2021) *La langue monégasque, son origine et sa typologie* [The Monegasque Language, its Origin and its Typology]. Available at: https://www.ald-monaco.org/langues-monegasque/la-langue-monegasque-son-origine-et-sa-typologie-6 (Accessed: 24 March 2026). (In Italian).

Trovato, S. (1998) *Galloitalische Sprachkolonien. I dialetti galloitalici della Sicilia* [Gallo-Italian Language Colonies. The Gallo-Italic Dialects of Sicily]. In: Holtus, G., Metzeltin, M. and Schmitt, C. (eds.) *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Vol. 7. Tübingen: Niemeyer, pp. 538–559. (In Italian).

Zhirmunskij, V.M. (1976) *Problemy pereselencheskoj dialektologii* [Problems of Migrant Dialectology]. In: *Obshchee i germanskoe yazykoznanie*. Leningrad: Nauka. (In Russian).

Zvonareva, A.E. (2009) *Yazykovye kontakty na Sardinii: «ostrovnoj» katalanskij dialekt goroda Al'gero* [Language Contacts in Sardinia: the "Island" Catalan Dialect of Alghero]. In: *Minoritarnye yazyki Evrazii. Problemy yazykovyh kontaktov*. Moscow: Tezaurus, pp. 156–175. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Челышева Ирина Игоревна
Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: chelysheva@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974

Irina I. Chelysheva
Doctor of Philology, Professor, Chief Scientific Officer,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: chelysheva@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-4467-4974

Для цитирования: *Челышева И.И.* Языковые острова: формирование, типология, языковое законодательство // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 10–30. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-01

For citation: *Chelysheva I.I.* Language islands: formation, typology, language legislation // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 10–30. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-01

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.10.2025;
approved after reviewing 30.10.2025;
accepted for publication 26.05.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-02

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНОМУ ПИСЬМУ

УДК 321.01:81’272

Елизавета А. Невежина
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Предметом исследования в данной статье является внедрение гендерно-нейтрального, или инклюзивного, письма в речь на примере французского языка Франции. Под инклюзивным письмом подразумеваются грамматические и графические средства выражения категории рода. Сторонники инклюзивного текста ставят цель способствовать толерантности, открытости общества. Однако ведутся споры о целесообразности и практичности его использования в повседневной коммуникации. Цель исследования – оценка актуального состояния инклюзивного письма во французском языке во Франции. Материалом исследования послужили законодательные акты, нормативные документы, проекты законов, медиатексты Франции, толковые словари французского языка, практические рекомендации по внедрению в речь приемов гендерной нейтральности, объявления о поиске работы, эпилингвистический, политический дискурс. Теоретической базой стали работы франкоязычных, англоязычных и русскоязычных исследователей.

За полувековую историю существования инклюзивного письма отмечены тенденции сначала к признанию данного типа дискурса, но после 2017 г. (частичного запрета гендерно-нейтральной речи) и 2023 г. (создания законопроекта о ее полном запрете) можно говорить о стремлении к табуированию инклюзивного текста. Тем не менее, в повседневной коммуникации обнаружено девять приемов гендерно-нейтральной речи. Инклюзивный текст не обладает широким признанием в обществе, но часто используется как информационный повод для политических дебатов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гендерно-нейтральный язык, инклюзивное письмо, гендер, французский язык, языковая политика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Елизавета А. Невежина, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-02

LANGUAGE POLICY IN FRANCE TOWARDS INCLUSIVE OR GENDER-NEUTRAL LANGUAGE

UDC 321.01:81'272

Elizaveta A. Nevezhina
Moscow State University
Moscow,
Russian Federation

Abstract

The subject of this article is the implementation of gender-neutral, or inclusive, language in communication, using French as a case study. Inclusive writing refers to the grammatical and graphic means of expressing gender. Proponents of inclusive writing seek to promote tolerance and inclusivity in society. However, there is ongoing debate regarding the appropriateness and practicality of its use in everyday spoken and written communication.

The aim of this study is to assess the current state of inclusive writing in French in France. The research material includes legislative acts, regulations, draft laws, French media texts, French dictionaries, and practical recommendations for the implementation of gender-neutral language in communication, job advertisements, epilinguistic discourse, and political discourse. The theoretical framework of this study is based on the works of French-, English-, and Russian-language scholars.

Over the half-century history of inclusive writing, there have been trends toward the recognition and acceptance of this type of discourse. However, following developments in 2017 (the partial restriction of gender-neutral language) and 2023 (the introduction of a bill proposing its complete prohibition), a tendency toward the tabooization of inclusive forms has emerged. Nevertheless, nine patterns of gender-neutral language use have been identified in everyday communication. Although inclusive texts are not widely accepted in society, they are frequently employed as a vehicle for political debate.

KEYWORDS: gender-neutral language, inclusive writing, gender, French language, language policy

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Elizaveta A. Nevezhina, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Подвижность языковой нормы определяется возникновением новообразований в устной и письменной речи, которая меняется с развитием социума. Фиксация новаций в письменной речи происходит болезненно и медленно, зачастую разделяя языковое сообщество на лагери новаторов, пуристов и конформистов. Так, гендерный, или толерантный, дискурс стал предметом бурных дебатов во Франции, где языковая политика по отношению к феминитивам вполне устоялась, а поиск «нейтральности» при обозначении гендеров находится в активной фазе обсуждения на законодательном уровне. Однако гендерно-нейтральный текст применяется в интернет-дискурсе и повседневной коммуникации.

Разработка и внедрение в речь приемов гендерно-нейтрального письма является предметом научных исследований. Эта тема всесторонне изучается в США, Франции, Германии, Италии, Испании и России. Например, одной из первых об этом написала американская исследовательница Робин Лакофф в книге «Язык и место женщины» (1975 г.), где речь идет о доминировании мужского рода в языке, стереотипной негативизации женского рода [Lacoff, 1975]. Работа В. Бергвол, Дж. Бинг, Э. Фрид 1998 г. призывает к созданию новаций в языке ради гендерной нейтральности [Rethinking language and gender research: Theory and practice, 1966]. Известна и более ранняя попытка осмысления разницы между мужским и женским дискурсом, или языком, - это работа П.Х. Фёрфи, 1944 г. [Furfey, 1944], однако в ней речь не шла о поиске и применении гендерно усредненных подходов. Вопросы гендерного, в большей степени женского, дискурса интересовали и продолжают интересовать отечественных и зарубежных исследователей [Yagello, 2022; Michard, 2003/4; Ozouf, 1999; Viollet, 2002; Становая, 2012; Загрязкина, 2014; Крюкова, 2021; 2022; Губочкина, Лукин, 2019; Стрельцова, Клиновская, 2023; Ковалева, Кошмина, Власенко, 2022; Демьянова, 2024; Зарубина, 2024; Семенец, 2021; Фуфаева, 2023; Шаров, 2010]. Известно, что во французском языке, на примере которого проведено настоящее исследование, существует «асимметрия категориальной системы по признаку пола» [Загрязкина, 2014: 15], с чем связано «представление о современном западном обществе как обществе «маскулинном», т.е. характеризующемся гендерной асимметрией с выраженным мужским доминированием» [Крюкова, 2021: 147].

В данной статье фокус сосредоточен на гендерно-нейтральном аспекте речи, а вопросы феминизма, гендерной идентичности намеренно опущены. В качестве материалов исследования использованы следующие источники: законодательные и нормативные акты, проекты законов; сообщения в средствах массовой информации Франции – *Radio France*

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(2021), *Le Figaro* (2021), *Le Parisien* (2023), *France Inter* (2023), *Ouest-France* (2023), *France Info* (2024), *Le Point* (2025), *Courrier international* (2026), где представлены эпилингвистический [о термине см. Невежина, Моисеева, 2018] и политический дискурсы, в том числе в высказываниях политиков, иных публичных персон об инклюзивном тексте; толковые словари французского языка в онлайн-версиях: *Le Robert, Trésor de la langue française, Larousse,* Французский академический словарь (*Dictionnaire de l'Académie française*); практические рекомендации по использованию гендерно-нейтрального языка «*Pour une communication publique sans stéréotypes de sexe*» («О публичной коммуникации без гендерных стереотипов», 2015 г.); отчет о феминизации профессий Французской Академии 2019 г.; отчеты ассоциации «Защита французского языка» (*Défense de la langue française*) 2020-2025 гг.; рекомендации ООН; объявления о поиске работы (*France Travail, RATP*).

Термин «инклюзивное письмо» интерпретирован в предписании «*Pour une communication publique sans stéréotypes de sexe*», опубликованном Высшим Советом по вопросам Равенства между мужчинами и женщинами (*Haut Conseil à l'Égalité entre les femmes et les hommes*) в 2015 г., следующим образом: эгалитарный (или несексистский, или инклюзивный) язык относится к категории речевых приемов (лексических, синтаксических и графических), которые позволяют обеспечить равенство в восприятии идентичности[2]. Чаще всего используется термин «*écriture inclusive*», далее по-русски – «инклюзивный текст», или «инклюзивное письмо», который утвердился в обществе и, как правило, касается только письменной речи[3]. В русскоязычном сообществе частотнее термин «гендерно-нейтральный язык». В американской традиции принято использовать термин «политкорректный язык»[4], назначение которого С.Г. Тер-Минасова охарактеризовала так: «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова, 2000: 216]. Во избежание

[2] Стоит отметить, что эти предписания были подписаны в 2019 г. большинством министров, Национальной Ассамблеей, крупными ассоциациями и сообществами. В 2022 г. опубликована обновленная версия издания.

[3] Предписания Высшего Совета по вопросам Равенства между мужчинами и женщинами. – 2022. – URL: https://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/IMG/pdf/guide_egacom_sans_stereotypes-2022-versionpublique-min-2.pdf (дата обращения: 28.10.2025).

[4] См. краткий словарь: Bleifuss J. A Politically Correct Lexicon // In These Times. 2007. – URL: https://inthesetimes.com/article/a-politically-correct-lexicon (дата обращения: 28.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

концептуальных неточностей в данной статье используются термины «инклюзивное письмо/текст» и «гендерно-нейтральный язык/письмо».

2.1. Вехи языковой политики и позиции по отношению к инклюзивному тексту

Дебаты вокруг инклюзивного текста относительно применения феминитивов активизировались в 1980-е гг. Стоит отметить, что гендерно-нейтральный язык стремится учесть все гендеры, в то время как феминизация языка касается только внедрения эквивалентов, например, профессий в женском роде.

С 1984 г. существует Комиссия по терминологии, созданная женщиной-министром по правам женщин И. Руди и возглавляемая женщиной-журналистом Б. Грульт. Первым результатом работы Комиссии стало предписание от 11 марта 1986 г. о феминизации наименований профессий, функций, степеней и званий. Впоследствии выходили директивы в 1998, 2002 и 2017 гг., из которых следовало, что процесс феминизации языка привел к устойчивым результатам, и внимание переключилось на графическое оформление инклюзивного письма.

21 февраля 1990 г. Комитет Министров Совета Европы опубликовал рекомендацию по устранению проявлений сексизма в языке (Recommandation №R-90-4). В 2008 г. Совет Европы актуализировал это предписание, добавив, что язык должен отражать равенство между мужчинами и женщинами[5]: «*l'élimination du sexisme dans le langage et la promotion d'un langage reflétant le principe d'égalité entre les femmes et les hommes*» (Recommandation CM/Rec(2007)17[6]).

На региональном уровне 2 июля 2013 г. Министерством по правам женщин и крупными общественными объединениями была подписана директива: равенство между женщинами и мужчинами должно учитываться не только в государственной политике, но и в документации.

21 ноября 2017 г. в Официальный бюллетень Французской Республики (*Journal officiel de la République française*) были внесены уточнения: наименование лица, выполняющего ту или иную функцию, должно быть согласовано с гендером этого лица («*Les textes qui désignent la personne titulaire de la fonction en cause doivent être accordés au genre de cette personne*»[7]). Однако в этом же году Э. Филипп, будучи премьер-министром, запретил использование инклюзивного письма в Официальном бюллетене, поскольку, по его мнению, мужской род в полной мере выполняет функцию нейтрального, или универсального, рода. Он также отметил

[5] Здесь и далее перевод мой (Е.Н.).
[6] Предписания Высшего Совета. Указ. док.
[7] Там же; Полный текст циркуляра 21.03.2017. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000036068906 (дата обращения: 28.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

отсутствие необходимости маркировать графически оба пола в одном слове. С этих пор негативный взгляд на инклюзивное письмо ассоциируется с партиями правого толка. Так, объединение правых и консервативных профсоюзов *La Manif pour tous* (с 2023 г. Le *Syndicat de la famille*) выступило против школьного учебника уровня CE2 (для учащихся 8-9 лет) издания *Edition Hatier*, который был составлен с учетом приемов инклюзивного письма. В ответ на эти действия 314 учителей создали Манифест[8], в котором заявили, что больше не обучают тому, что во французском языке «мужской род доминирует над женским» («*le masculin l'emporte sur le féminin*»[9]). Вслед за Манифестом была опубликована Петиция, которую к началу 2026 г. подписали 35 425 человек[10].

В 2021 г. дискуссии вокруг инклюзивного письма разгорелись с новой силой. 6 мая министр национального образования Ж.-М. Бланке выпустил директиву: инклюзивное письмо должно быть исключено из сферы просвещения, в частности – из школы, а также из официальной документации министерства, поскольку оно «вредит ясности французского языка»[11].

25 октября 2023 г. Сенат внес предложение о законе, запрещающем использование инклюзивного письма с целью защиты французского языка. 221 человек проголосовали «за», 82 – «против»[12]. Через пять дней состоялось открытие Международного города французского языка (*Cité internationale de la langue française*) в Виллер-Котре, где президент Э. Макрон призвал не поддаваться веяниям времени, сохранять основы языка и не изменять язык

[8] AFEF. Manifeste pour que le masculin ne l'emporte plus sur le féminin. – 2017. – URL: https://www.afef.org/manifeste-pour-que-le-masculin-ne-lemporte-plus-sur-le-feminin (дата обращения: 28.10.2025).

[9] Упрощенное высказывание Н. Бозе, которое в оригинале звучало так: «*Le genre masculin est réputé plus noble que le féminin, à cause de la supériorité du mâle sur la femelle*» (Beauzée N. Grammaire générale. – 1767. – URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50449f.image (дата обращения: 28.10.2025)).

[10] Петиция «Nous ne voulons plus que le masculin l'emporte plus sur le féminin». – URL: https://www.change.org/p/nous-ne-voulons-plus-que-le-masculin-l-emporte-sur-le-f%C3%A9minin (дата обращения: 28.10.2025).

[11] De Kervasdoué C. L'écriture inclusive, un débat très politique // Radio France. France Culture. – 9.05.2021. – URL: https://www.radiofrance.fr/franceculture/l-ecriture-inclusive-un-debat-tres-politique-9192371#:~:text=L'%C3%A9criture%20inclusive%20doit%20%C3%AAtre,de%20l'employer (дата обращения: 28.10.2025).

[12] Ecriture inclusive : le Sénat adopte une proposition de loi pour l'interdire // Le Parisien. 31.10.2023. – URL: https://www.leparisien.fr/politique/ecriture-inclusive-le-senat-adopte-une-proposition-de-loi-pour-linterdire-31-10-2023-XDUF37N6YVGBXJ6J7N3TM24V3M.php#:~:text=Apr%C3%A8s%20des%20d%C3%A9bats%20tr%C3%A8s%20anim%C3%A9s,d%C3%A9bats%20houleux%20dans%20l'h%C3%A9micycle.&text=%C2%AB%20Il%20faut%20permettre%20%C3%A0%20cette,masqu%C3%A9e%20envers%20l'%C3%A9criture%20inclusive (дата обращения: 28.10.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

графически («*Il faut permettre à cette langue (française) de vivre (…) mais en garder aussi les fondements, les socles de sa grammaire, la force de sa syntaxe, et ne pas céder aux airs du temps… Dans cette langue, le masculin fait le neutre, on n'a pas besoin d'ajouter des points au milieu des mots, ou des tirets, ou des choses pour la rendre lisible*»[13]).

В рамках обсуждения законопроекта были приведены следующие доводы: нецелесообразно переделывать документацию (инструкции, трудовые договоры, кодексы, юридические акты и пр.), поскольку иначе они могут быть признаны недействительными; большой массив критики обрушился на местоимения «*iel*» (обобщающее личное местоимение для *il* «он» и *elle* «она») и «*celleux*» (обобщающее указательное местоимение для *ceux, celles* «те»), а также на графическую новацию, например, «*sénateur.rice.s*» (сенаторы, сенаторы-женщины – в одном слове через точку), поскольку ущемленными категориями в данном случае могут оказаться те лица, которые в силу ментальных проблем не смогут понять текст; нет четкого определения инклюзивного письма, нет выработанных правил («…*aucune définition scientifique et linguistique rigoureuse ne semble aujourd'hui se dégager pour qualifier l'écriture inclusive*…»[14]; «*un bricolage du langage dont la clarté de la communication et la compréhension ne peuvent se satisfaire*»[15]); невозможно передать приемы инклюзивного письма в устной речи; усложнение обучения французскому языку (*«l'impossibilité de transcrire à l'oral les textes recourant à ce type de graphie gêne la lecture comme la prononciation, et par conséquent les apprentissages»*[16]). Лидер ультраправой партии «Национальное объединение» Марин Ле Пен высказалась против гендерно-нейтрального письма, назвав его «угрозой и гротеском» *(«une sinistre et grotesque manifestation»*[17]); Французская Академия сравнила инклюзивный текст со «смертельной опасностью» («*péril mortel*»)[18].

---

[13] Там же.

[14] Отчет №1934 Ж.-Л. Тьерио о законопроекте, принятом Сенатом. 29.11.2023. – URL: с (дата обращения: 28.07.2025).

[15] Там же.

[16] Proposition de loi pour interdire l'écriture inclusive // France Info. – 2024. – URL: https://www.franceinfo.fr/societe/education/ecriture-inclusive/proposition-de-loi-pour-interdire-l-ecriture-inclusive-je-la-vois-tous-les-jours-dans-le-metro-sur-l-affichage-publicitaire-repondent-ses-partisans_6378046.html (дата обращения: 28.07.2025).

[17] Derdevet M. Interdiction de l'écriture inclusive votée au Sénat // France Inter. 31.10.2023. – URL: https://www.radiofrance.fr/franceinter/interdiction-de-l-ecriture-inclusive-votee-au-senat-le-gouvernement-d-accord-avec-une-part-du-texte-9913823 (дата обращения: 15.03.2026).

[18] Ecriture inclusive : le Sénat examine son inetrdiction, Macron appelle à «ne pas céder aux airs du temps» // Le Parisien. – 30.10.2023. – URL: https://www.leparisien.fr/politique/linterdiction-de-lecriture-inclusive-examinee-au-senat-pour-proteger-la-langue-francaise-30-10-2023-72UWFXE6C5FDRHOZMY3MMO66MQ.php (дата обращения: 28.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Стоит подробнее охарактеризовать позицию Французской Академии относительно инклюзивного письма. В 2019 г. организация не отрицала изменения, направленные на признание равного с мужчинами места женщин в обществе[19]. Однако в 2021 г. позиция изменилась. Так, инклюзивный текст: 1) не способствует устранению неравенства полов; 2) губителен для ясности французского языка; 3) усложнит использование языка людям с диагнозами дислексия, афазия, апраксия и пр., что приведет к недемократичности языка; 4) затруднит обучение французскому языку, следовательно, имидж языка упадет и язык потеряет потенциальных носителей[20].

Проект закона 2023 г. был раскритикован левыми партиями. Например, Ян Шантрель, сенатор-социалист, отметил, что законопроект противоречит конституции и реакционен[21]. Другие представители партий левого толка, в частности, Франсуа Мийе, руководитель научной и социальной программы в г. Кан, признается, что в своей речи сознательно использует местоимение «*iel*», новацию «*animateurices*» (ведущие-мужчины и ведущие-женщины – в одном слове) и среднюю точку[22], или интерпункт, расположенный на средней линии строки. Алисия Бир, эксперт по коммуникации, утверждает, что в образовательных учреждениях, которые посещают ее дети, педагоги намеренно используют гендерно-нейтральное письмо, несмотря на запрет Ж.-М. Бланке в 2021 г.[23] Однако защитников инклюзивного дискурса меньше, чем консерваторов и пуристов.

Существует и срединная (конформистская) позиция, которую выражает, в частности ассоциация «Защита французского языка» *(Défense de la langue française):* «ни пуризм, ни лаксизм»[24]. При анализе отчетов ассоциации с 2020 г. сделаны следующие наблюдения. В

---

[19] Отчет о феминизации наименований профессий Академии Наук. – 2019. – URL: https://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/rapport_feminisation_noms_de_metier_et_de_fonction.pdf (дата обращения: 28.10.2025).

[20] Lettre ouverte sur l'écriture inclusive par l'Académie Française. – 07.05.2021. – URL: https://www.academie-francaise.fr/actualites/lettre-ouverte-sur-lecriture-inclusive#:~:text=L'%C3%A9criture%20inclusive%20offusque%20la,la%20dysphasie%20ou%20l'apraxie. (дата обращения: 28.10.2025).

[21] Le Sénat veut interdire l'écriture inclusive // Ouest-France. – 30.10.2023. – URL: https://www.ouest-france.fr/politique/institutions/senat/le-senat-veut-interdire-l-ecriture-inclusive-860730ba-6708-40fd-b516-c1ee92ed1561 (дата обращения: 28.10.2025).

[22] Proposition de loi pour interdire l'écriture inclusive // France Info. – 2024. – URL: https://www.franceinfo.fr/societe/education/ecriture-inclusive/proposition-de-loi-pour-interdire-l-ecriture-inclusive-je-la-vois-tous-les-jours-dans-le-metro-sur-l-affichage-publicitaire-repondent-ses-partisans_6378046.html (дата обращения: 28.10.2025).

[23] Там же.

[24] Défense de la langue française. – URL: http://www.langue-francaise.org/ (дата обращения: 28.07.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

отчетах от 2020 и 2021 г. о гендерно-нейтральном тексте упомянуто в рубрике «Нам пишут» (*Nous écrire*): много вопросов поступает от пользователей сети по поводу инклюзивного письма и феминизации наименований профессий[25]. В отчете от 2023 г. изложена цель применения гендерно-нейтральной речи: не отдавать предпочтение определенному гендеру и избегать мужского рода в качестве усредненного[26]. В отчет от 2024 г.[27] включена статья об актуальном состоянии французского языка, речь в ней идет о подготовке законопроекта 2023 г., представленного Сенатом 25 октября: о запрете инклюзивного письма в сфере образования и гражданско-правовых документах, инициатором которого стал Р. Шудо (Национальное объединение, ультраправая партия). Его также поддержали П. Груни, Э. Блан (Республиканцы, правоцентристская партия) и Комиссия по культуре, образованию, коммуникации и спорту (*CULT*). В 2025 г. об инклюзивном тексте не упомянуто вовсе. Возможно, это связано с тем, что проект закона, который внес Сенат в октябре 2023 г., в 2025 г. находится все еще на этапе первого чтения Национальной Ассамблеей[28].

2.2. Функционирование гендерно-нейтрального языка

Несмотря на дискуссии вокруг инклюзивного письма некоторые приемы используются в повседневной жизни. Вслед за журналистом Л. Дазиньер выделяются две стратегии, подразумевающие различные тактики и позволяющие лингвистически учесть все гендеры[29].

«Нейтрализующая» стратегия позволяет найти «средний» (*épicène*), или нейтральный, род, при этом не мужской. Например:

А) личное местоимение «*iel*» (он/она) для обозначения человека, какова бы ни была его половая принадлежность («*Les stagiaires ont reçu les documents qu'**iels** doivent signer*»[30] – стажеры получили документы, которые они (женщины и мужчины) должны подписать);

Б) обобщающие слова, гиперонимы: «*l'équipe*» (команда) вместо «*les salariés*» (сотрудники), «*l'orchestre*» (оркестр) вместо «*les musiciens*» (музыканты), «*la population*

[25] Отчет Ассоциации Défense de la langue française. – 2021. – URL: http://www.langue-francaise.org/rapport_DGLF_2020.pdf ; http://www.langue-francaise.org/rapport_DGLF_2021.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
[26] Отчет Ассоциации Défense de la langue française. – 2023. – URL: http://www.langue-francaise.org/rapport_DGLF_2023.pdf (дата обращения: 28.10.2025). – P. 50.
[27] Отчет Ассоциации Défense de la langue française. – 2024. – Une actualité de la langue française en débat avec Pierre Ouzoulias. – URL: http://www.langue-francaise.org/rapport_DGLF_2024.pdf (дата обращения: 28.10.2025). – P. 32.
[28] Dossier législatif. – URL: https://www.senat.fr/dossier-legislatif/ppl21-404.html (дата обращения: 28.10.2025).
[29] Классификация стратегий была заимствована из статьи Л. Дазиньер [Dasinieres, 2024].
[30] Article « iel » // Le Robert. – URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/iel (дата обращения: 15.03.2026).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

étudiante» (общество студентов) вместо «*les étudiants*» (студенты), «*bonjour tout le monde*» (добрый день, все) вместо «*bonjour à tous*» («добрый день всем», *tous* – местоимение, подразумевающее мужской или оба пола), обращение «*Vous qui lisez cet article*» (вы, читающие эту статью) вместо «*Chers lecteurs*» («дорогие читатели», *chers* – форма прилагательного мужского рода множественного числа)[31];

В) пассивный залог: «*L'erreur est commise*» (совершена ошибка) вместо «*Il/Elle a commis l'erreur*» (он/она совершил/а ошибку);

Г) добавление маркировки «*H/F*» (*homme/femme* – мужчина/женщина) в объявлениях о поиске сотрудника. Например, на сайте государственной службы занятости Франции (*France Travail*) размещены более 900 000 предложений с обозначением «*H/F*»: *veilleur de nuit (H/F)* (ночной сторож М/Ж), *patissier(e) (H/F)* (кондитер М/Ж), *coiffeur (H/F)* (парикмахер М/Ж)[32];

«Феминизирующая» языковая стратегия применяется к профессиям, функциям, качествам и учитывает оба пола:

А) изменение флексий и аффиксов: «*les lecteurs de cet article*» / «*les lecteurs et les lectrices de cet article*» (вместо «читатели этой статьи» - «читатели и читательницы»), «*professeur*» / «*professeure*» (преподаватель / преподавательница[33]), «*Madame le directeur*» / «*Madame la directrice*» (госпожа директор / госпожа директриса), «*l'écrivain*» / «*l'écrivaine*» (писатель / писательница), «*les auditeurs peuvent nous écrire à cette adresse*» / «*les auditeurs et les auditrices peuvent nous écrire à cette adresse*» (слушатели могут нам писать по этому адресу / слушатели и слушательницы…)[34];

Б) специальная пунктуация – средняя точка, или интерпункт, отделяющая окончания и суффиксы: «*un·e apprenti·e*» (ученик·ца), «*un·e délégué·e de classe*» (староста-мальчик и староста-девочка), «*les ingénieur·e·s*» (инженеры-мужчины и инженеры-женщины), «*les agriculteur·rice·s*» (земледельцы-мужчины и земледельцы-женщины)[35]. В рекомендациях

[31] Примеры взяты из статьи Л. Дазиньер [Dasinieres, 2024].
[32] France Travail. Offres d'emploi. – URL: https://candidat.francetravail.fr/offres/recherche?motsCles=H%2FF&offresPartenaires=true&rayon=10&tri=0 (дата обращения: 15.03.2026).
[33] Феминитивы в русском языке не являются предметом исследования в данной статье.
[34] Примеры взяты из статьи Л. Дазиньер [Dasinieres, 2024].
[35] Le conjugueur blog // Le Figaro. – URL: https://leconjugueur.lefigaro.fr/blog/point-milieu-ecriture-inclusive/ (дата обращения: 15.03.2026).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ООН[36] в качестве графических приемов указаны также косая черта («*le/la fonctionnaire*» - чиновник), скобки («*administrateurs(trices)*» - администраторы), точки («*agent.e.s*» - агенты);

В) в устной речи, как и в письменной, упоминаются оба пола: «*Chères lectrices, chers lecteurs...chères citoyennes, chers citoyens*»[37] (дорогие читательницы, дорогие читатели… дорогие граждане, дорогие гражданки), реже – «*les lecteurices*» (читательницы), «*les auditeurices*» (слушательницы). В речи президента Французской Республики также учитываются маркеры инклюзивности. Так, 7 апреля 2025 г. на закрытии заседания по вопросам высшего образования *(Assises de l'enseignement supérieur*) он произнес: «… *Mesdames, messieurs les présidentes et présidents, Mesdames, messieurs les chercheuses, chercheurs, enseignants, étudiantes et étudiants…*»[38](Дамы, господа председательницы и председатели, Дамы, господа исследовательницы и исследователи, преподаватели, студентки и студенты…). Здесь реализована стратегия, которая учитывает оба гендера, однако упущен женский вариант в обозначении профессии педагога;

Г) аналитический способ выражения пола, при котором род существительного не меняется, например, «*femme médecin*» [Гак, 2000: 66];

Д) согласование окончаний прилагательных и причастий следует принципу соседства, например: «*Les auditeurs et les* ***auditrices*** (полужирное начертание – Е.Н.) *sont priées d'écrire à cette adresse*» («слушатели и слушательницы, просьба написать на этот адрес», причастие *priées* согласовано в женском роде), или принципу большинства: «*Les* ***éditrices*** *et l'écrivain se sont mis**es** d'accord sur le titre du livre*» («издательницы и писатель согласовали название книги», причастие *mises* согласовано в женском роде)[39].

Выбор стратегии гендерно-нейтрального письма является социокультурным маркером говорящего и/или проявлением уместности в той или иной ситуации.

Нейтрализующая стратегия не отвечает всем требованиям гендерной нейтральности. Использование «среднего» рода на письме меняет представление читателей о содержании текста. Так, два психолингвистических исследования, проведенных в 2023 и 2024 гг. под эгидой *CNRS* (Национальный центр научных исследований) [Spinelli, Chevrot, Varnet, 2023;

[36] Orientations pour un langage inclusif en français. Nations Unies. – URL: https://www.un.org/fr/gender-inclusive-language/guidelines.shtml (дата обращения: 28.10.2025).
[37] Sacrés Français // Courrier international. 15.03.2026. – URL: https://www.courrierinternational.com/article/sacres-francais-arome-de-chips-quand-les-francais-ne-tournent-pas-rond_241761 (дата обращения: 15.03.2026).
[38] Déclaration de M. Emmanuel Macron. – 7.04.2025. – URL: https://www.vie-publique.fr/discours/298128-emmanuel-macron-07042025-france-egypte (дата обращения: 28.10.2025).
[39] Примеры взяты из статьи Л. Дазиньер [Dasinieres, 2024].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Dasinieres, 2024], привели к следующим выводам. В тексте о трудовой деятельности обобщенный термин, обозначающий нестереотипную профессию, воспринимается респондентами как принадлежащий мужчинам, и в других контекстах нейтральный род воспринимается как мужской [Dasinieres, 2024]. Женщины охотнее рассматривают объявления о работе, в которых использован гендерно-нейтральный текст [Там же]. Например, на сайте *RATP* (Компания, осуществляющая пассажирские перевозки в Париже) размещены следующие вакансии: «*Devenez conducteur·rice de bus*» (станьте водителем-льницей автобуса), «*Devenez conducteur·rice de métro*»[40] (станьте машинистом·кой метро) - подобное объявление квалифицируется как более привлекательное для женщин. Использование средней точки помогает устранить «перекос» восприятия в пользу мужского рода [Spinelli, Chevrot, Varnet, 2023]. Стоит отметить, что инклюзивный текст требует больше времени для восприятия.

Можно отметить динамику легитимизации инклюзивного письма. Так, в словаре *Le Robert* зафиксированы местоимения «*iel/iels*»[41], в нём процитированы примеры контекстов с 2019 г. В 2021 г. использование этого местоимения стало информационным поводом для многих СМИ, когда в ноябре Б. Макрон заявила: «Французский такой красивый язык. Двух местоимений достаточно»[42].

На примере лексемы «*auteur*» (автор) были рассмотрены словарные дефиниции в нескольких толковых словарях французского языка: словарь *Trésor de la langue française* предлагает следующие примеры слов в женском роде: «*femme-auteur», «autrice», «auteuresse, authoresse*»[43]; в *Larousse* использованы два варианта: «*auteure*» и «*autrice*»[44]**;** Французский академический словарь формой женского рода называет также «*auteur*»: «*les formes féminines* ***autrice, auteur*** *ou, moins bien,* ***auteure*** *se rencontrent également*»[45] (используются также формы женского рода ***autrice, auteur*** и менее вероятный ***auteure***).

---

[40] RATP. Nos métiers de la conduite. – URL: https://www.ratp.fr/recrutement/metiers/nos-metiers-de-la-conduite?__cf_chl_rt_tk=KztgL0stdEBiYmyFALgvYQts4tsjKeaFApG.7Q4SGYI-1773588701-1.0.1.1-AlSpwN7MaiNuzrs0LSVqxUKQuLn3u8PWKV6eyBjGS5o (дата обращения: 15.03.2026).

[41] Iel // Le Robert. – URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/iel (дата обращения: 28.10.2025).

[42] De Gestas M. Brigitte Macron désapprouve l'entrée du pronom «iel» dans le Petit Robert // Le Figaro. – 18.11.2021. – URL: https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/brigitte-macron-desapprouve-l-entree-du-pronom-iel-dans-le-petit-robert-20211118 (дата обращения: 28.10.2025).

[43] Auteur // Trésor de la langue française. – URL: http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?11;s=1871722185;r=1;nat=;sol=0; (дата обращения: 28.10.2025).

[44] Auteur // Larousse. – URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/auteur/6555 (дата обращения: 28.10.2025).

[45] Auteur // Dictionnaire de l'Académie Française. – URL: https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9A3205 (дата обращения: 28.10.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Лингвист К. Бензитун, автор книги «*Qui veut la peau du français*» (Robert, 2021), сделал несколько наблюдений о ситуации, в которой пребывает инклюзивный текст во Франции: такой текст стал политизированным «пугалом» (*épouvantail politique*), которое используется, в том числе, для отвлечения внимания от других проблем; противники инклюзивного письма осознают, что оно не ограничивается средней точкой, настоящая трудность для изучающих французский язык – орфография; существует дисбаланс в развитии письменной и устной речи: первая развивается медленнее (новации в письменной речи редки), и это тоже является проблемой для людей, изучающих французский язык[46].

Гендерно-нейтральный язык в полной мере показал свой конфликтный потенциал: и как предмет политических дискуссий, и как лингвистический феномен. В частности, феминитивы классифицируются как узуальные конфликтогены, о чем в книге «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция» пишет И. Фуфаева: «В итоге практически любые варианты кого-то да раздражают» [Фуфаева, 2023: 16]. Окказионализмы создают «базу для лингвистического и даже психологического конфликта, если коммуниканты имеют противоречащие идеологические, ценностные установки в целом или взаимоисключающие представления о целесообразности употребления и благозвучности феминитивов в частности» [Семенец, 2021: 26].

Вопрос принятия или отмены инклюзивного письма в очередной раз доказывает, что языковая политика является частью национальной, а также подтверждает наличие противостояния между партиями правого и левого толка. В рамках классификации из Словаря социолингвистических терминов языковая политика Франции по отношению к инклюзивному тексту является «ретроспективной (ориентация на сохранение существующей языковой ситуации)» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 265].

3 | Заключение

Вопрос применения приемов инклюзивного письма сопряжен с разными аспектами: языковая, культурная и социальная политика, образование, способы самовыражения, проблемы культурной и языковой идентичности, языковая неуверенность[47]. Вокруг гендерно-нейтральной речи ведутся острые дебаты с 1980-х гг. Партии правого толка выступают против

[46] Цит.по: De Kervasdoué C. Указ.публ.
[47] Bentolila A. Le français sous le feu du wokisme // Le Point. – 08.04.2025. – URL: https://www.lepoint.fr/debats/alain-bentolila-le-francais-sous-le-feu-du-wokisme-08-04-2025-2586786_2.php#11 (дата обращения: 28.10.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

изменений, утверждая, что это вредит чистоте и статусу французского языка. Левые партии поддерживают использование приемов инклюзивного текста, видя в них важную меру борьбы с гендерным неравенством. Государственная политика во Франции до 2017 г. была направлена на постепенную адаптацию приемов гендерно-нейтрального письма в речи, однако после 2017 г. тенденция изменилась: инклюзивное письмо было предложено запретить.

Тем не менее, некоторые элементы гендерно-нейтрального письма используются в повседневной коммуникации, в цифровом пространстве и словарях, но этот процесс сопровождается значительным сопротивлением со стороны большей части говорящих, что создает конфликтную ситуацию.

В качестве перспектив исследования данной темы можно отметить следующие направления: фиксация инклюзивных новаций в словарях, учебно-методических комплексах, ономастиконе, медиатекстах; применение гендерно-нейтральных приемов в различных сферах и в вариантах французского языка в Европе и за ее пределами; сравнение инклюзивного письма на французском языке с другими языками (в лингвистическом и социолингвистическом аспектах)[48]; проблема перевода гендерно-нейтральной лексики на русский язык, в котором еще нет устоявшихся приемов инклюзивного письма. В качестве материала может быть рассмотрен эпилингвистический дискурс в виде комментариев к публикациям в СМИ и в социальных сетях.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. (2000) Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет. 832 с.

Губочкина Л.Ю., Лукин Д.С. (2019) Гендерно-функциональные особенности передачи образов антропоморфизма с английского языка на русский (на материале англоязычных сказок) // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. № 3(27). С. 95-105.

Демьянова П.И. (2024) Языковая инклюзивность в контексте эквадорского национального варианта испанского языка // Litera. № 11. С. 309-317. DOI 10.25136/2409-8698.2024.11.72253.

Загрязкина Т.Ю. (2014) Madame - Monsieur - mademoiselle: гендер и пол сквозь призму языка и культуры // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4. С. 9-37.

[48] В 2019 г. прошла конференция о гендерной нейтральности в языке на примере романских языков, однако большее внимание было уделено феминизации наименования профессий. Сайт конференции. – URL: https://www.culture.gouv.fr/fr/thematiques/langue-francaise-et-langues-de-france/prenez-la-parole-!-et-faites-entendre-votre-voix/Entre-masculin-et-feminin.-Approches-contrastives-dans-les-langues-romanes-colloque-international (дата обращения: 28.07.2025); Программа конференции. – URL: https://www.ens.psl.eu/sites/default/files/2019-10/colloque_masculin_feminin_programme_08.pdf (дата обращения: 28.10.2025).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Зарубина А.А. (2024) Об особенностях развития небинарной гендерной нейтральности как языкового феномена в современном итальянском языке и обществе // Филологический аспект. № 8(112). С. 60-71.

Ковалева Е.Д., Кошмина А.С., Власенко Н.И. (2022) Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 12. № 3. С. 68-76.

Крюкова О.А. (2021) Дискурс о женской идентичности в произведениях Кристины Пизанской // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 146-155.

Крюкова О.А. (2022) Проявления гендерного дискурса в творчестве Мари де Гурне // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 106-116.

Невежина Е.А., Моисеева Д.П. (2018) Эпилингвистический дискурс в регионах французской речи (Вале д'Аоста, Валлония и Брюссель, о. Мартиника) // Россия и Запад: диалог культур. № 17. С. 11-17.

Семенец О.П. (2021) Типы лингвистических конфликтов и их роль в речевых и психологических конфликтах // Сибирский филологический форум. Том 15. №3. С. 15-32. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-15-3-82.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Становая Л.А. (2012) “Madame le Professeur” или “Madame la Professeur”: К вопросу о феминизации титулов в современном французском языке // Проблемы лингвистических исследований и теории перевода / Отв. ред. Т.Я. Кузнецова. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова. С. 113-122.

Стрельцова В.В., Клиновская А.А. (2023) Феномен политической корректности в общественном дискурсе ФРГ // Когнитивные исследования языка. № 4(55). С. 156-159.

Тер-Минасова С.Г. (2000) Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово. 624 с.

Фуфаева И. (2023) Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus. 275 с.

Шаров К.С. (2010) На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. № 3. С. 30-43.

Dasinieres L. (2024) L’écriture inclusive par-delà le point median // CNRS Le journal. Available at: https://lejournal.cnrs.fr/articles/lecriture-inclusive-par-dela-le-point-median (Accessed: 28.10.2025).

Furfey P.H. (1994) Men's and Women's Language // The American Catholic Sociological Review. Vol. 5. № 4. P. 218-223. Oxford University Press. DOI: 10.2307/3706603

Lacoff R. (1975) Language and Woman’s Place. New York: Harper and Row. 309 p.

Michard C. (2003/4) La notion de sexe en français : attribut naturel ou marque de la classe de sexe appropriée ? // Langue et société. № 106. P. 63-80.

Ozouf M. (1999) Les mots des femmes. Essai sur la singularité française. Paris : Gallimard. 434 p.

Rethinking language and gender research: Theory and practice (1966) // Victoria L. Bergvall, Janet M. Bing, Alice F. Freed (eds). London and New York: Longman. 303 p.

Spinelli E., Chevrot J-P., Varnet L. (2023) Neutral is not fair enough: testing the efficiency of different language gender-fair strategies // Frontiers in Psychology. Vol. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1256779

Viollet C. (2002) « Femme », « Homme », « Travail » : lieux de conflits sémantiques // M.-C. Hurtig, M. Kail, H. Rouch (eds). Sexe et genre. De la hiérarchie entre les sexes. Paris : C.N.R.S. P. 159-168.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Yagello M. (2022) Les mots et les femmes: Essai d'approche sociolinguistique de la condition féminine. Lausanne : Payot. 258 p.

REFERENCES

Gak, V.G. (2000) *Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moskva: Dobrosvet. (In Russian).

Gubochkina, L.Ju., Lukin, D.S. (2019) Genderno-funkcional'nye osobennosti peredachi obrazov antropomorfizma s anglijskogo jazyka na russkij (na materiale anglojazychnyh skazok) [Gender and functional features of the transfer of images of anthropomorphism from English into Russian (based on English-language fairy tales)]. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshhestva prikladnoj lingvistiki* [Proceedings of National Association of Applied Linguistics], 3(27), pp. 95-105. (In Russian).

Dem'janova, P.I. (2024) Jazykovaja inkljuzivnost' v kontekste jekvadorskogo nacional'nogo varianta ispanskogo jazyka [Language inclusiveness in the context of the Ecuadorian national version of the Spanish language]. *Litera,* 11, pp. 309-317. DOI 10.25136/2409-8698.2024.11.72253. (In Russian).

Zagrjazkina, T.Ju. (2014) Madame - Monsieur - mademoiselle: gender i pol skvoz' prizmu jazyka i kul'tury [Madame - Monsieur - Mademoiselle: Gender and Sex through the Prism of Language and Culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 4, pp. 9-37. (In Russian).

Zarubina, A.A. (2024) Ob osobennostjah razvitija nebinarnoj gendernoj nejtral'nosti kak jazykovogo fenomena v sovremennom ital'janskom jazyke i obshhestve [On the Features of the Development of Non-Binary Gender Neutrality as a Linguistic Phenomenon in the Modern Italian Language and Society]. *Filologicheskij aspect* [Philological Aspect], 8(112), pp. 60-71. (In Russian).

Kovaleva, E.D., Koshmina, A.S., Vlasenko, N.I. (2022) Gendernaja nejtral'nost' jazyka i ee vlijanie na jazykovye normy [Gender Neutrality of Language and Its Influence on Language Norms]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika* [Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy], t. 12, no 3, pp. 68-76. (In Russian).

Krjukova, O.A. (2021) Diskurs o zhenskoj identichnosti v proizvedenijah Kristiny Pizanskoj [Discourse on Female Identity in the Works of Christina of Pisa]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2, pp. 146-155. (In Russian).

Krjukova, O.A. (2022) Projavlenija gendernogo diskursa v tvorchestve Mari de Gurne [Manifestations of Gender Discourse in the Works of Marie de Gournay]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 1, pp. 106-116. (In Russian).

Nevezhina, E.A., Moiseeva, D.P. (2018) Jepilingvisticheskij diskurs v regionah francuzskoj rechi (Vale d'Aosta, Vallonija i Brjussel', o. Martinika) [Epilinguistic Discourse in the Regions of French Speech (Vallée d'Aosta, Wallonia and Brussels, Martinique Island)]. *Rossija i Zapad: dialog kul'tur* [Russia and the West: Dialogue of Cultures], 17, pp. 11-17. (In Russian) .

Semenec, O.P. (2021) Tipy lingvisticheskih konfliktov i ih rol' v rechevyh i psihologicheskih konfliktah [Types of linguistic conflicts and their role in speech and psychological conflicts]. *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum], t. 15, no 3, pp. 15-32. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-15-3-82. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) [Dictionary of sociolinguistic terms]. Edited by V.Yu. Mikhalchenko. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russian).

Stanovaja, L.A. (2012) "Madame le Professeur" ili "Madame la Professeur": K voprosu o feminizacii titulov v sovremennom francuzskom jazyke ["Madame le Professeur" or "Madame la Professeur": On the Feminization of Titles in Modern French]. In: T.Ja. Kuznecova (ed.) *Problemy lingvisticheskih issledovanij i teorii perevoda* [Problems of Linguistic Research and Translation Theory]. Arhangel'sk: SAFU im. M.V. Lomonosova, pp. 113-122. (In Russian).

Strel'cova, V.V., Klinovskaja, A.A. (2023) Fenomen politicheskoj korrektnosti v obshhestvennom diskurse FRG [The Phenomenon of Political Correctness in the Public Discourse of the FRG]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive Studies of Language], 4(55), pp. 156-159. (In Russian).

Ter-Minasova, S.G. (2000) *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and Intercultural Communication]. Moskva: Slovo. (In Russian).

Fufaeva, I. (2023) *Kak nazyvajutsja zhenshhiny. Feminitivy: istorija, ustrojstvo, konkurencija* [How are women called. Feminitives: history, structure, competition]. Moskva: Corpus. (In Russian).

Sharov, K.S. (2010) Na temnoj storone politkorrektnosti: genderno-nejtral'nyj novojaz [On the dark side of political correctness: gender-neutral newspeak]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 3, pp. 30-43. (In Russian) .

Dasinieres, L. (2024) L'écriture inclusive par-delà le point median [Inclusive writing beyond the midpoint]. *CNRS Le journal* [CNRS The newspaper]. Available at: https://lejournal.cnrs.fr/articles/lecriture-inclusive-par-dela-le-point-median (Accessed: 28 October 2025). (In French).

Furfey, P.H. (1944) Men's and Women's Language. *The American Catholic Sociological Review*, vol. 5, no 4, pp. 218-223**.** Oxford University Press. DOI**:** 10.2307/3706603.

Lacoff, R. (1975) *Language and Woman's Place*. New York: Harper and Row..

Michard, C. (2003/4) La notion de sexe en français: attribut naturel ou marque de la classe de sexe appropriée ? [The notion of sex in French: natural attribute or marker of the appropriate sex class?] *Langue et société* [Language and Society], 106, pp. 63-80. (In French).

Ozouf, M. (1999) *Les mots des femmes. Essai sur la singularité française* [Women's Words: An Essay on French Singularity]. Paris: Gallimard. (In French).

Rethinking language and gender research: Theory and practice (1966). Edited by Victoria L. Bergvall, Janet M. Bing, Alice F. Freed. London and New York: Longman.

Spinelli, E., Chevrot, J-P., Varnet, L. (2023) Neutral is not fair enough: testing the efficiency of different language gender-fair strategies. *Frontiers in Psychology*, vol. 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1256779.

Viollet, C. (2002) « Femme », « Homme », « Travail »: lieux de conflits sémantiques ["Woman," "Man," "Work": Sites of Semantic Conflict]. In M.-C. Hurtig, M. Kail, H. Rouch (eds). *Sexe et genre. De la hiérarchie entre les sexes* [Sex and Gender: On the Hierarchy Between the Sexes]. Paris: C.N.R.S., pp. 159-168. (In French).

Yagello, M. (2022) *Les mots et les femmes: Essai d'approche sociolinguistique de la condition féminine* [Words and Women: An Essay on a Sociolinguistic Approach to the Female Condition]. Lausanne: Payot. (In French).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Елизавета Андреевна Невежина
Кандидат филологических наук, доцент,
Факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
108811, Россия,
Москва, ул. Саларьевская, д.16/3.

Эл. адрес: liza@nevezhina.ru
https://orcid.org/0000-0001-7582-7692

Elizaveta A. Nevezhina
PhD in Philology, senior lecturer,
Faculty of foreign languages and area studies,
Moscow State University,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
16/3 Salarievskaya,
Moscow 108811,
Russian Federation.

Email: liza@nevezhina.ru
https://orcid.org/0000-0001-7582-7692

Для цитирования: *Невежина Е.А.* Языковая политика Франции по отношению к гендерно-нейтральному письму // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-02

For citation: *Nevezhina E.A.* Language policy in France towards inclusive or gender-neutral language // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-02

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 22.10.2025;
approved after reviewing 14.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

LANGUAGE AND IDENTITY

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-03

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПАРАГВАЙСКИХ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОТЕКСТОВ)

УДК 81-119

Екатерина Б. Яковенко
Институт языкознания Российской академии наук,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

В работе рассматриваются современное состояние немецких меннонитских общин в Парагвае и публикуемые в этих общинах периодические издания, в которых эксплицируется конфессиональная, этническая и национальная идентичность немцев-меннонитов. Анализу подлежат материалы публицистического характера, представленные в ежегоднике “Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay”, выходящем с 2000 г. Эти сообщения, определяемые нами как этнотексты, апеллируют к истории меннонитов, пропагандируют их базовые ценности, содержат размышления о современном состоянии субэтноса и его взаимодействии с соседями. Анализ содержания вышеуказанных текстов и присутствующих в них средств выражения религиозных принципов, этнической и национальной идеи позволяет говорить о конфессиональном этнодискурсе парагвайских немцев-меннонитов, в котором оказываются неразрывно связанными религиозный, этнический и национальный компоненты, причем первый и третий являются главенствующими, а второй подчинен третьему. Самоидентификация парагвайских немцев-меннонитов, формировавшаяся в течение почти столетия, претерпела определенные изменения. По мере консолидации парагвайского общества национальный компонент самоидентификации немцев-меннонитов усиливается, а конфессиональный незначительно ослабевает. В целом потомки немецких переселенцев-меннонитов из Западной Европы и России идентифицируют себя как особую конфессионально-этническую группу в составе парагвайской нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфессиональная, этническая и национальная самоидентификация, меннониты, общины, Парагвай, стандартный немецкий язык, Plattdeutsch

Примечание

Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025 0008 Интегративное изучение индоевропейских языков в диахронии и синхронии: филология и лингвистика.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Екатерина Б. Яковенко, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-03

CONFESSIONAL, ETHNIC AND NATIONAL SELF-IDENTIFICATION OF PARAGUAYAN GERMAN MENNONITES (BASED ON CONTEMPORARY ETHNOTEXTS)

UDC 81-119

Yekaterina B. Yakovenko
Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
St. Tikhon's Orthodox University,
Moscow,
Russian Federation

Abstract

This study examines the contemporary state of German Mennonite communities in Paraguay and the periodicals published within these communities, in which the confessional, ethnic, and national identities of German Mennonites are explicitly articulated. The analysis focuses on journalistic materials published in the annual *Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten* in Paraguay (Yearbook for the History and Culture of Mennonites in Paraguay), which has been issued since 2000. These texts, which we define as ethnotexts, draw upon Mennonite history, promote core Mennonite values, and contain reflections on the current condition of this subethnic group and its interactions with neighboring communities.

An analysis of the content of these texts and the linguistic means used to express religious principles, ethnic identity, and national consciousness reveals the existence of a confessional ethnodiscourse among Paraguayan German Mennonites. Within this discourse, the religious, ethnic, and national components are inextricably interconnected, with the religious and national dimensions occupying a dominant position, while the ethnic component is subordinate to the national one.

The self-identification of Paraguayan German Mennonites, which has evolved over nearly a century, has undergone certain changes. As Paraguayan society has become increasingly consolidated, the national component of German Mennonite identity has strengthened, while the confessional component has weakened slightly. Overall, the descendants of German Mennonite settlers from Western Europe and Russia identify themselves as a distinct confessional-ethnic group within the Paraguayan nation.

KEYWORDS: confessional, ethnic, and national identity, Mennonites, communities, Paraguay, Standarddeutsch, Plattdeutsch

Aknowledgements
The study was conducted within the framework of the project FMNE-2025-0008 "Integrative Diachronic and Synchronic Study of Indo-European Languages: Philology and Linguistics".

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Yekaterina B. Yakovenko, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение. Меннонитские общины Парагвая

В Парагвае, южноамериканской стране с бурной историей и значительным этническим многообразием, доля лиц, имеющих немецкое происхождение и использующих в повседневном общении немецкий язык, остается на протяжении последних 100 лет довольно высокой. Политика открытых дверей, проводимая правительством страны, начиная с 70-х гг. XIX в. и вызванная огромными человеческими потерями в войне Тройственного союза (1864 – 1870), привлекла в страну иммигрантов из многих стран, и немцы, прибывшие из России, Германии, Канады, заняли в этом потоке значительное место. Немецкая иммиграция в Парагвай проходила в несколько этапов: конец XIX в., 20–30-е гг. XX в., послевоенные годы; она продолжается и в наши дни, но уже с гораздо меньшей интенсивностью.

Из 6 млн человек, составляющих, согласно результатам переписи 2022 г. [Paraguay. Población total por área urbana-rural y sexo, según departamento y distrito, 2022], население страны, немецкое происхождение имеют, по разным данным, от 300 000 до 400 000 человек [Establecerán nueva colonia.., 2005; Heritage, 2019], что соответствует 5–7% от общей численности жителей. Граждане Парагвая немецкого происхождения проживают в Асунсьоне или, чаще, в немецких колониях, разбросанных по всей стране. Степень владения ими немецким языком различна – от полного отказа от немецкого языка (или его пассивного освоения vs сохранения) до регулярного его использования в быту, производстве, религии и образовании, обычно наряду с государственными языками страны – испанским и гуарани.

В составе этого диффузного слоя населения выделяются компактные группы немцев-меннонитов, ограниченные колониями (поселениями преимущественно сельского типа) и образующие внутри страны языковые острова, или эксклавы. Доля этих лиц в общем числе этнических немцев Парагвая очень невелика и составляет порядка 25 000 [Heritage, 2019], 26 000 [Deutschland und Paraguay: Bilaterale Beziehungen, 2022] или 29 000 человек [Establecerán nueva colonia.., 2005]. Выявление динамики численности немцев-меннонитов затруднительно, поскольку в анкетах национальных переписей отсутствуют вопросы об этнической принадлежности. Тем не менее, существует подробная статистика населения меннонитских колоний в разные годы. Так, данные, приводимые в первом выпуске ежегодника историко-культурного объединения меннонитов Парагвая (Verein für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay), говорят о 29 045 меннонитах в стране [Jahrbuch, 2000]. Согласно данным Ассоциации меннонитских колоний Парагвая (Asociación de Colonias Menonitas del Paraguay, ACOMEPA) за 2022 г., число парагвайских меннонитов увеличилось за два последних десятилетия до 38 731 человека [Neue Zahlen, 2023]. Следует, однако, иметь в виду,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

что в это число входят несколько тысяч испаноязычных меннонитов, а также представителей коренного индейского населения, живущих на прилегающих к общинам территориях и перешедших в меннонитство. Хотя число парагвайских немцев-меннонитов не превышает одной десятой от общего числа этнических немцев в стране, именно эта группа населения активнее всего использует немецкий язык в повседневном и конфессиональном общении и стремится к его сохранению.

По данным [Jahrbuch, 2000], в начале XXI в. в стране насчитывалось 17 меннонитских колоний и община столицы. К числу колоний относятся Menno (1927, здесь и далее год основания указывается в скобках), Fernheim (1930), Friesland (1937), Neuland (1947), Volendam (1947), Bergthal (1948), Sommerfeld (1948), Reinfeld (1966), Luz y Esperanza (1967), Agua Azul (1969), Rio Verde/ Nueva México (1969), Tres Palmas (1970), Santa Clara (1972), Florida (1976), Nueva Durango (1978), La Montaña (1982), Manitoba (1983). К 2022 г. число колоний увеличилось на 3 поселения благодаря разрастанию некоторых старых колоний и отделению от них новых (Belleza, Madelon, Monte Claro, год образования не указан) [Neue Zahlen, 2023]. Из всех перечисленных колоний лишь три (Menno, Fernheim и Neuland), созданные главным образом переселенцами из России и СССР, находятся в пустыне Чако, остальные расположены к югу и востоку от столицы, в более важных и более пригодных в сельскохозяйственном и транспортном отношении районах. Тем не менее, именно три чакские колонии являются самыми многочисленными и развитыми экономически, и культурное наследие меннонитов наиболее полно представлено именно там.

В настоящее время конгломерат меннонитских общин Менно, Фернхайм и Нойланд представляет собой промышленный и аграрный центр, здесь функционируют крупные сельскохозяйственные кооперативы – лидеры молочной и мясной промышленности страны. Благодаря упорному труду немцев-меннонитов посреди пустыни Чако возник оазис, удобный для жизни и привлекательный для приезжих, что отчасти способствует расширению колоний.

Для меннонитских общин Парагвая характерен мультилингвизм: религиозная коммуникация осуществляется почти исключительно на стандартном немецком языке (Hochdeutsch, Standarddeutsch), на нем же выходят художественная литература и периодика, в том числе электронные версии изданий, в повседневной коммуникации широко распространена местная, парагвайская разновидность нижненемецкого (Plattdeutsch), принесенного в страну первыми переселенцами и сохраняющаяся исключительно в устной форме; в других сферах немцы-меннониты могут использовать официальные языки страны – испанский и гуарани. Общины не являются закрытыми и могут пополняться извне

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

принимающими меннонитство парагвайскими немцами – католиками и протестантами, испаноязычными парагвайцами и, что не является редкостью, представителями коренного (индейского) населения.

Культурное, языковое и конфессиональное единство парагвайских немцев-меннонитов – исторический феномен, который требует пристального внимания. Известно большое количество зарубежных работ, посвященных в большей степени истории немцев Парагвая и в меньшей степени их языку и его использованию [Friesen, 1987, Klassen, 2001, Ostendorf, 2017 и др.], но в отечественной германистике и социолингвистике эта тема не поднималась. Тем не менее, существует объективный интерес к этой проблеме ввиду того, что российские немцы-меннониты, потомки южнорусских колонистов, проживающие в настоящее время в национальном районе в Омской области и в Немецком национальном районе Алтайского края, также сохраняют свою культурную, религиозную и языковую идентичность, хотя и в других исторических условиях. Исключительно важно, что и парагвайские, и российские немцы-меннониты, оказавшись в изолированном культурном и языковом положении, вынуждены прикладывать определенные усилия для сохранения своих общин. Безусловно, требуется специальное исследование, которое позволило бы сопоставить историю и современное состояние немецких общин в Парагвае и России и определить языковую ситуцию в обоих регионах, использование в общинах стандартного немецкого языка и «островных» разновидностей немецкого языка, а также сохранность культурного наследия меннонитов.

Данная работа преследует цель рассмотреть специфику самоидентификации парагвайских немцев-меннонитов на материале современных этнотекстов. Тексты, в которых члены этноса говорят о самих себе, являются не единственным, но очень важным средством выражения идентичности, в которой конфессиональный, этнический и национальный компоненты оказываются, как будет показано далее, тесно переплетенными.

2 | Этнотексты парагвайских немцев-меннонитов как средство их конфессиональной, этнической и национальной самоидентификации

Понятие этнотекста было введено в научный обиход французскими лингвистами в 70-е гг. XIX в. Ж.–К. Бувье и К. Равье определили этнотекст следующим образом:

“Par ethnotextes il faut entendre avant tout des textes oraux, littéraires ou non, dialectaux ou français, ayant une valeur d’information ethnologique, historique, linguistique. Mais la notion d’ethnotexte s’applique aussi aux sources écrites des textes oraux ou à leurs versions écrites

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

éventuelles: par example, carnets de chanson, cahiers de recettes, de secrets, livres de raison, correspondence… “ [Bouvier, Ravier, 1976:7].

«Под этнотекстами следует в первую очередь понимать устные тексты, художественные или нехудожественные, созданные на диалекте или литературном французском языке и имеющие этнологическую, историческую, культурную ценность. Но понятие этнотекста применяется также к письменным источникам устных текстов или письменным вариантам последних, например, сборникам песен, рецептов, семейным дневникам, переписке…» (Здесь и далее перевод наш – Е.Я.).

Позже, развивая идею этнотекста, Ж.–К.Бувье отмечал: “[L]’ethnotexte est le discours que le groupe tient sur sa propre réalité, son histoire, son présent, les permanences de sa culture et les mutations qu’elle connaît. En un mot, c’est toujours un discours d’identité qui permet à un groupe de se définir, de s’affirmer, de se reconnaître” [Bouvier, 1992: 15].

«Этнотекст – это дискурс, в котором коллектив говорит о своем существовании, своей истории, своем настоящем, традициях культуры и изменениях, которым она подвергается. Словом, это идентификационный дискурс, который позволяет коллективу определить себя, самоутвердиться, познать себя».

Вклад в развитие теории этнотекста был внесен и Ж.-Н. Пеленом, различавшим эндотексты, предназначенные для самого коллектива, и экзотексты, используемые за его пределами [Pelen, 1992: 719]. Ф. Жутар указывал на необходимость изучения, наряду с устной речью, письменных источников, которые также должны быть отнесены к этнотекстам [Joutard 1980, 177].

В отечественной лингвистике понятие этнотекста разрабатывалось сходным образом в трудах Т.Ю. Загрязкиной [Загрязкина, 2016], З.В. Брандт [Брандт, 2001] и других исследователей, см. также [Словарь социолингвистических терминов, 2006].

В работе рассматриваются этнотексты парагвайских немцев-меннонитов, написанные на стандартном немецком языке и представленные в ежегоднике “Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay”, выходящем с 2000 г. Анализ охватывает 24 выпуска ежегодника (2000 – 2023 гг.), находящихся в настоящее время в открытом доступе. Эти тексты апеллируют к истории меннонитов, пропагандируют их базовые ценности, содержат размышления о современном состоянии субэтноса и его взаимодействии с соседями. С учетом критериев, предложенных Ж.– Н. Пеленом (см. выше), эти материалы могут быть идентифицированы в первую очередь как эндотексты, предназначенные для самого коллектива, однако их нахождение в открытом доступе дает возможность рассматривать их

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

одновременно и как экзотексты. Эта двойственность определяет уникальный характер исследуемых материалов, создающих взгляд на парагвайских немцев-меннонитов внутри общины и со стороны. Путем сплошной выборки в указанных изданиях было выявлено около 30 текстов, в которых эксплицируется самоидентификация немцев-меннонитов. Ввиду ограничений в объеме в статье приводится лишь небольшое количество выдержек из указанных изданий.

Большое количество исследуемых материалов представлено в выпуске ежегодника 2021 г., посвященном 500-летию анабаптизма (из которого в дальнейшем выросло меннонитство). Издание обращается к проблеме конфессиональной и культурной идентичности парагвайских меннонитов, в нем опубликованы рассуждения писателей, исследователей и рядовых членов общин, задающих себе вопросы: “Warum bin ich Mennonit(in)? Was heißt es für mich, Mennonit zu sein?” («Почему я меннонит(ка)? Что значит для меня быть меннонитом?»)

Ответы на эти вопросы, безусловно, вносят вклад в понимание феномена парагвайских немцев-меннонитов. Так, для К. Янцен отождествление принадлежности к общине и жизни во Христе является безусловным:

“Zur sogenannten Kultur der Mennoniten in Paraguay fühle ich mich seit Kindertagen zugehörig, weil ich in dieser Gemeinschaft aufgewachsen bin. Zum Glauben an Jesus Christus fand ich auf einer Evangelisation in meiner Teenagerzeit, und ließ mich dann mit 15 Jahren in der Mennonitengemeinde Friesland taufen. Die Taufe war für mich eine ganz bewusste Entscheidung für ein Leben in Jesu Nachfolge und ich wollte auch zu seiner Gemeinde gehören. Für mich bedeutet das echte Mennonit-Sein, zur Gemeinde zu gehören und den christlichen Glauben im Alltag zu leben. <…>

Was hat mich nun überzeugt, Mennonitin zu werden? Einer Mennonitengemeinde habe ich mich angeschlossen, weil ich in dieser Gemeinde eine Entscheidung für Christus getroffen habe und diese Christen mich im Leben begleiten. Für mich steht an erster Stelle, ein authentischer Jesus-Nachfolger zu sein. Danach bin ich ein Mennonit [Janzen, 2021:134–135].

«Я с детства чувствую свою принадлежность к так называемой культуре меннонитов в Парагвае, потому что я выросла в этой общине. Веру в Иисуса Христа я обрела при евангелизации в подростковом возрасте, а затем я крестилась в меннонитской общине Фрисланда, когда мне было 15 лет. Крещение было для меня полностью осознанным решением, чтобы жить с Иисусом, и я также хотела принадлежать к его общине. Для меня быть настоящим меннонитом – значит принадлежать к общине и жить христианской верой во все дни. <….>

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Итак, что же убедило меня стать меннониткой? Я присоединилась к меннонитской общине, потому что в этой общине я выбрала Христа, и христиане сопровождают меня в жизни. Для меня на первом месте стоит быть настоящим последователем Иисуса. Поэтому я меннонитка».

Конфессиональная основа единства парагвайских меннонитов не вызывает сомнения, но, поскольку их религиозные практики носят внутриобщинный характер и осуществляются на языке национального меньшинства, встает вопрос о взаимоотношении конфессионального, этнического, национального в культуре меннонитов.

Р. Тов, исследуя эту проблему в историческом аспекте, подчеркивает:

“Die Selbstverwaltung der mennonitischen Siedlungen ist nirgends in der Geschichte so ausgeprägt wie im paraguayischen Chaco“ [Toew, 2021:98].

«Нигде в истории самоуправление меннонитских поселений не было настолько выраженным, как в парагвайском Чако».

Однако, по мнению исследователя, деятельность колоний, регламентируемая законом 514[49], и современные представления меннонитов о самих себе – не одно и то же. Стремительно меняющий образ жизни и возможности более широкого общения с другими меннонитскими общинами, в том числе за пределами Парагвая, и со всем миром создают определенный риск секуляризации меннонитских общин, но при любых обстоятельствах главными составляющими их жизни остаются вера и традиция – содержание и форма (Inhalt und Krug), образующие единое целое. Форма может меняться в разных исторических и культурных условиях, содержание, то есть вера, остается неизменным [Ibid., 103–104].

Самоидентификация парагвайских немцев-меннонитов, представленная в этнотекстах и осуществляемая на разных основаниях, может варьироваться. У известного общественного деятеля, ученого, писателя и знатока культуры меннонитов П.П. Классена наблюдается предельно широкое понимание меннонитской идентичности, позволяющее разные истолкования:

“Mennonit ist man in Paraguay durch Geburt, Sprache, Sitte und Kultur“ [Klassen, 2001:286].

«Меннонитами в Парагвае являются по рождению, языку, обычаям и культуре» (религизный компонент не упоминается, но, очевидно, подразумевается).

[49] Закон 514 от 26 июля 1921 года, разрешающий свободу вероисповедания, самоуправления, обучение на немецком языке, возможность управления имуществом, переданным по наследству (особенно вдовам и сиротам), и освобождение от обязательной военной службы, заложил основы для последующей иммиграции меннонитов в Парагвай.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Рядовой член общины Х. Эпп, автор статьи в том же выпуске ежегодника, приводит развернутое изложение иного понимания принадлежности к меннонитской культуре:

“Einmal ist es wichtig, vom geschichtlichen Standpunkt her zu wissen, wo wir herkommen und warum wir in Paraguay sind. Sind wir Deutsche oder Mennoniten, oder beides? Wir sind in Paraguay als Mennoniten bekannt.

Allgemein werden wir für unsere wirtschaftliche Leistung und Pionierarbeit bewundert, vielleicht auch beneidet.

Unser Glaubenszeugnis hat meines Erachtens nicht ausgereicht, um uns als geistliche Gemeinschaft auszuzeichnen. Viele sehen uns <…> als Ausländer und Fremdkörper in Paraguay. Ob uns das nun gefällt oder nicht. Ich muss immer wieder beteuern, dass ich in Paraguay geboren bin und als solcher Paraguayer bin. Aber ich bin auch Deutscher und natürlich Mennonit [Epp, 2021:127].

«С исторической точки зрения важно знать, откуда мы родом и почему мы находимся в Парагвае. Мы немцы или меннониты, или и то, и другое? В Парагвае нас знают как меннонитов.

Нами обычно восхищаются, а возможно, и завидуют нашим экономическим достижениям и нашему новаторству.

Я считаю, что нашей веры недостаточно, чтобы мы могли считаться духовной общиной. Многие рассматривают нас <…> как иностранцев, как инородные тела в Парагвае, нравится нам это или нет. Я должен постоянно повторять, что я родился в Парагвае и поэтому являюсь парагвайцем. Но я также немец и, конечно же, меннонит».

Обеспокоенный ростом секуляризации, автор считает последнюю угрозой существованию общин:

An fast allen Orten leisteten die Mennoniten Pionierarbeit. <…> Sie suchten oft auch Länder und Regionen, wo sie ihren Glauben, ihre Traditionen, ihr Schulwesen und natürlich auch ihre eigene Verwaltung praktizieren konnten. Das passiert heute immer noch mit man chen traditionellen Mennoniten. Die Gefahr dieser ganzen Siedlungsgeschichte ist, dass das Säkulare das Geistliche verdrängt. Weil der Inhalt verloren gegangen ist, hält man an Formen, Traditionen und Regeln fest, die von Generation zu Generation überliefert werden. <…> Auch bei uns, den sogenannten fortschrittlichen Gemeinden, stehen wir immer wieder in der Gefahr, die äußeren Formen und Traditionen in den Vordergrund zu stellen“ [Ibid., 133].

«Почти во всех местах, где были меннониты, они были первопроходцами. <...> Они также часто искали страны и регионы, где они могли бы исповедовать свою веру, иметь свои традиции, свое образование и, конечно же, свое собственное управление. Это все еще

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

происходит с некоторыми традиционными меннонитами сегодня. Опасность всей этой истории поселений в том, что светское вытесняет духовное. Поскольку содержание утрачено, люди придерживаются форм, традиций и правил, которые передаются из поколения в поколение. <...> Даже в наших так называемых прогрессивных сообществах мы постоянно сталкиваемся с опасностью того, что на первый план выходят внешние формы и традиции».

Эти и подобные им примеры показывают, что представления парагвайских немцев-меннонитов о собственной идентичности не едины. Они меняются со временем и варьируются в рамках общин, допуская выдвижение на первый план того или иного компонента в разные периоды времени.

3 | Заключение

Этнотексты парагвайских немцев-меннонитов, создававшиеся на протяжении почти столетия, демонстрируют основополагающие принципы меннонитских общин: верность религии, коллективизм и сплоченность, сохранение литературного языка и культурного наследия. Безусловно, текстам такого рода присущ определенный субъективизм, но, предназначенные преимущественно для внутриобщинного использования, они полностью выполняют свою функцию. Религиозные установки, язык и традиции немцев-меннонитов, сформировавшиеся еще до их переезда в Южную Америку, прошедшие испытания в новых условиях, не изменились по своей сути и предопределяют идентичность данной группы; они же создают условия для сохранения общин.

Все это, вместе взятое, позволяет говорить о конфессиональном этнодискурсе парагвайских немцев-меннонитов, в котором оказываются неразрывно связанными религиозный, этнический и национальный компоненты, причем первый и третий доминируют, а второй, этнический, подчинен им обоим и находит свое отражение в языке.

Анализ исследуемых текстов, содержащих отсылки к более ранним публикациям, требующим в дальнейшем отдельного рассмотрения, показывает, что самоидентификация парагвайских немцев-меннонитов, формировавшаяся в течение почти столетия, претерпела определенные изменения. По мере консолидации парагвайского общества национальный компонент самоидентификации немцев-меннонитов усиливается, а конфессиональный незначительно ослабевает. В целом потомки немецких переселенцев-меннонитов из Западной Европы и России идентифицируют себя как особую конфессионально-этническую группу в составе парагвайской нации.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЛИТЕРАТУРА

Брандт З.В. (2001) Этнотекст как форма проявления этнокультурной памяти (на русском в французском материале). Дисс. … канд. культурологии. М.: МГУ. 230 с.

Загрязкина Т.Ю. (2016) Этнодискурс в пространстве языка и культуры // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 52–65.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Bouvier J.–C. (1992) La notion d'ethnotexte // Jean–Noël Pelen; Claude Martel. Les voies de la parole : ethnotextes et littérature orale, approches critiques. Aix, Marseille: Université de Provence. Pp. 12–21.

Bouvier J.–C., Ravier X. (1976) Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France // Le Monde alpin et rhodanien. Revue régionale d'ethnologie. n°1–2. Pp. 207–212.

Deutschland und Paraguay: Bilaterale Beziehungen (2022) 27.09.2022. Available at: https://web.archive.org/web/20221004060047/https://asuncion.diplo.de/py-de/themen/willkommen/laenderinfos/bilaterale-beziehungen (Accessed: 25.01. 2026).

Epp H. (2021) Was heißt es für mich, Mennonit zu sein? // Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay. S. 127–133. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026).

Establecerán nueva colonia de alemanes en Paraguay (2005) *ABC*. August 26, 2005. Available at: https://www.abc.com.py/edicion-impresa/economia/estableceran-nueva-colonia-de-alemanes-en-paraguay-852314.html (Accessed: 25.01.2026).

Friesen M.W. (1987) Neue Heimat in der Chacowildnis. Altona: Friesen & Sons. 502 S.

Heritage. Embassy of the Republic of Paraguay in the Republic of India. Ministry of Foreign Affairs. (2026) Available at: https://paraguayembassy.in/heritage/#:~:text=The%20country%20has%20been%20home,in%20any%20South%20American%20nation (Accessed: 25.01.2026).

Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay (2000) Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/2000// (Accessed: 25.01.2026).

Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay (2021) Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026).

Janzen K. (2021) Bin ich eine Mennonitin? Was heißt es für mich, Mennonit zu sein? // Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay. S. 127–133. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026).

Joutard P. (1980) Un projet régional de recherche sur les ethnotextes // Annales. Histoire, Sciences Sociales. № 1. Pp. 176-182.

Klassen P.P. (2001) Die Mennoniten in Paraguay: Reich Gottes und Reich dieser Welt. Band 1. 2. Aufl. Bolanden-Weierhof: Mennonitischer Geschichtsverein, 2001. 480 S.

Neue Zahlen: In Paraguay leben 38.731 Mennoniten (2023) 20.06.2023. Available at: https://www.menno-welt.net/neue-zahlen-in-paraguay-leben-38-731-mennoniten/ (Accessed: 25.01.2026).

Ostendorf K. (2017) Zwischen Plautdietsch, Hochdeutsch und Spanisch: Dreisprachigkeit von in Paraguay und Bolivien lebenden Mennoniten und ihre Auswirkung auf die spanische Lernersprache. Dissertation. Bochum: Ruhr-Universität Bochum. 302 S.

Paraguay. Población total por área urbana-rural y sexo, según departamento y distrito, 2022. Available at: https://www.ine.gov.py/publicacion/2/poblacion (Accessed: 25.01.2026).

Pelen J.–N. (1992) La recherche sur les ethnotextes, notes sur un cheminement // Actes du Congrès international de dialectologie, Iker 7, Bilbao. Pp. 709–726.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Toews R. (2021) Mennonitische Gemeinden in Paraguay: Im Spannungsfeld zwischen Glauben und Tradition // Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay. S. 91–105. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026).

Warkentin J. (2006) Bildung als Herausforderung für Gemeinde und Kolonie // Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay. S. 103–130. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/2006/ (Accessed: 25.01.2026).

REFERENCES

Bouvier J.–C. (1992) La notion d'ethnotexte. [The notion of ethnotext] *Les voies de la parole : ethnotextes et littérature orale, approches critiques*. Ed. by J.–N. Pelen; C. Martel. Aix, Marseille: Université de Provence. Pp. 12–21. (In French).

Bouvier J.–C., Ravier X. (1976) Projet de recherche interdisciplinaire sur les ethnotextes du Sud de la France [Interdisciplinary Studies of ethnotextes of South France]. *Le Monde alpin et rhodanien. Revue régionale d'ethnologie.* n°1–2. Pp. 207–212. (In French).

Brandt Z.V. (2001) *Etnotekst kak forma proyavleniya etnokul'turnoj pamyati (na russkom i francuzskom materiale).* Diss. … kand. kul'turologii. [Ethnotext a a form of cultural memory] Moscow: Moscow State University. (in Russian).

Deutschland und Paraguay: Bilaterale Beziehungen (2022) [Germany and Paraguay: Bilateral Relations] Available at: https://web.archive.org/web/20221004060047/https://asuncion.diplo.de/py-de/themen/willkommen/laenderinfos/bilaterale-beziehungen (Accessed: 25.01. 2026). (In German).

Epp H. (2021) Was heißt es für mich, Mennonit zu sein? [What does it mean for me, to be a mennonite?] *Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay*. Pp. 127-133. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Establecerán nueva colonia de alemanes en Paraguay (2005) [A new German colony to be founded in Paraguay] *ABC.* Available at: https://www.abc.com.py/edicion-impresa/economia/estableceran-nueva-colonia-de-alemanes-en-paraguay-852314.html (Accessed: 25.01.2026) (In Spanish).

Friesen M.W. (1987) *Neue Heimat in der Chacowildnis* [New Motherland in the desert Chaco] Altona: Friesen & Sons. (In German)

Heritage (2026) Embassy of the Republic of Paraguay in the Republic of India. Ministry of Foreign Affairs. Available at: https://paraguayembassy.in/heritage/#:~:text=The%20country%20has%20been%20home,in%20any%20South%20American%20nation. (Accessed: 25.01.2026).

Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay (2000) Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/2000/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay (2021) Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026) (In German)

Janzen K. (2021) Bin ich eine Mennonitin? Was heißt es für mich, Mennonit zu sein? [Am I a mennonite woman? What does it mean for me, to be a mennonite?] *Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay.* Pp. 127–133. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Joutard P. (1980) Un projet régional de recherche sur les ethnotextes [Regional studies of ethnotexts] *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. № 1. Pp. 176-182. (In French).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Klassen P.P. (2001) *Die Mennoniten in Paraguay: Reich Gottes und Reich dieser Welt* [Mennonites in Paraguay: God's Kingdom and kingdom of this world] Vol. 1. 2nd ed. Bolanden–Weierhof: Mennonitischer Geschichtsverein, 2001. (In German).

Neue Zahlen: In Paraguay leben 38.731 Mennoniten (2023) Available at: https://www.menno-welt.net/neue-zahlen-in-paraguay-leben-38-731-mennoniten/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Ostendorf K. (2017) *Zwischen Plautdietsch, Hochdeutsch und Spanisch: Dreisprachigkeit von in Paraguay und Bolivien lebenden Mennoniten und ihre Auswirkung auf die spanische Lernersprache.* PhD Dissertation. [Between Low German, High German, ans Spanish: Trilinguism of Paraguayan and Bolivian mennonites and its impact on acquisition of Spanish] Bochum: Ruhr-Universität Bochum. (In German).

Paraguay. Población total por área urbana-rural y sexo, según departamento y distrito, 2022 (2022) [Paraguay. Total urban and rural population by gender, departments and districts] Available at: https://www.ine.gov.py/publicacion/2/poblacion (Accessed: 25.01.2026). (in Spanish).

Pelen J.–N. (1992) La recherche sur les ethnotextes, notes sur un cheminement [Studies of ethnotexts: observing the process] *Actes du Congrès international de dialectologie*, Iker 7, Bilbao. Pp. 709–726. (In French).

Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Edited by V.Yu. Mikhalchenko. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russian).

Toews R. (2021) Mennonitische Gemeinden in Paraguay: Im Spannungsfeld zwischen Glauben und Tradition [Mennonite communities in Paraguay: discrepancy between faith and tradition] *Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay*. Pp. 91–105. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/jahrbuch-2021/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Warkentin J. (2006) Bildung als Herausforderung für Gemeinde und Kolonie [Education as a challenge for the community and colony] *Jahrbuch für Geschichte und Kultur der Mennoniten in Paraguay.* Pp. 103–130. Available at: https://menonitica.org/jahrbuecher/2006/ (Accessed: 25.01.2026). (In German).

Zagryazkina T.Yu. (2016) Etnodiskurs v prostranstve yazyka i kul'tury [Ethnodiscourse in the space of language and culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya.* № 2. Pp. 52–65. (In Russian).

Екатерина Борисовна Яковенко
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук,
доцент, профессор,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Адрес для корреспонденции:
125009 Москва,
Б.Кисловский переулок, д.1/1.

Эл. адрес: yakovenko@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-4372-7704

Yekaterina B. Yakovenko
Doctor of Philology, leading research fellow,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
associate professor,
St. Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russian Federation

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: yakovenko@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0003-4372-7704

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Для цитирования: *Яковенко Е.Б.* Конфессиональная, этническая и национальная самоидентификация парагвайских немцев-меннонитов (на материале современных этнотекстов) // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 49–62. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-03

For citation: *Yakovenko Ye.B.* Confessional, ethnic and national self-identification of Paraguayan German Mennonites (based on contemporary ethnotexts) // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp.49–62. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-03

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.02.2025;
approved after reviewing 10.01.2026;
accepted for publication 16.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-04

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПИСЬМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ: МЕТАПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81`27

Светлана В. Кириленко
Институт языкознания
Российской Академии Наук
Москва,
Российская Федерация

Примечание
Исследование поддержано проектом FMNE–2025–0014 «Язык и идеология в контексте полиэтнических стран мира», выполняемом в Институте языкознания РАН.

Аннотация

В статье рассматриваются языковые идеологии, определяющие представления о вежливости в современном англоязычном письменном дискурсе в контексте использования его в цифровой среде. Исследование опирается на современные социолингвистические подходы, связывающие глобализацию и развитие цифровой коммуникации с усилением тенденции к коммуникативной эффективности и большей прямоте высказывания. Вместе с тем проведенный в работе анализ показывает, что распространенное предположение о снижении роли традиционных норм вежливости требует пересмотра.

Несмотря на рост значимости прямых коммуникативных стратегий, стандартизированные формы косвенного и нейтрального выражения продолжают восприниматься как социально одобряемые, что свидетельствует о сохранении устойчивых нормативных представлений о вежливости в условиях ускоряющейся цифровизации общения. Рассматриваются метапрагматические оценки говорящих, а также роль цифровых платформ и систем искусственного интеллекта в воспроизводстве нормативных представлений о «правильном» языке. Делается вывод о том, что вежливость в современном английском языке функционирует как адаптивный механизм социального регулирования, поддерживаемый институциональными нормами и цифровыми системами. Особое значение при этом приобретают алгоритмические механизмы стандартизации коммуникации, формирующие ожидания относительно допустимых и социально приемлемых способов языкового выражения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вежливость, языковые идеологии, цифровая коммуникация, англоязычный дискурс, искусственный интеллект

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Светлана В. Кириленко, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-04

LINGUISTIC IDEOLOGIES OF POLITENESS IN CONTEMPORARY WRITTEN ENGLISH: METAPRAGMATIC EVALUATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITAL COMMUNICATION

UDC 81 27

Svetlana V. Kirilenko
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow,
Russian Federation

Acknowledgments
The study was supported by project FMNE–2025–0014 "Language and Ideology in the Context of Multiethnic Countries of the World", carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Abstract

The article examines the language ideologies that shape perceptions of politeness in contemporary English-language written discourse, particularly within digital communication environments. The study draws on current sociolinguistic approaches that associate globalization and the development of digital communication with an increasing emphasis on communicative efficiency and greater directness in expression. At the same time, the analysis suggests that the prevailing assumption regarding the declining role of traditional politeness norms requires reconsideration.

Despite the growing prominence of direct communicative strategies, standardized forms of indirect and neutral expression continue to be perceived as socially acceptable, indicating the persistence of stable normative understandings of politeness under conditions of accelerating digitalization of communication. Particular attention is paid to speakers' metapragmatic evaluations, as well as to the role of digital platforms and artificial intelligence systems in reproducing normative conceptions of "appropriate" language use. The study concludes that politeness in contemporary English functions as an adaptive mechanism of social regulation supported by both institutional norms and digital systems. In this context, algorithmic mechanisms of communicative standardization acquire particular significance, shaping expectations regarding acceptable and socially appropriate forms of linguistic expression.

KEYWORDS: politeness, language ideologies, digital communication, English-language discourse, artificial intelligence

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Svetlana V. Kirilenko, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В современных социолингвистических исследованиях англоязычного письменного дискурса все чаще высказывается предположение о том, что под влиянием глобализационных процессов, а также в связи со стремлением к повышению коммуникативной эффективности изменяются традиционные формулы вежливости, смещаясь в сторону более открытых, прямых коммуникативных стратегий. Стремление к прямоте (англ. *directness*) в коммуникации не всегда оценивается как невежливость: интерпретация зависит от контекста, норм конкретного сообщества и ожиданий участников взаимодействия [Culpeper, et al., 2017]. Дж. Лич описывает данную тенденцию как «информальность»: усиление ориентации на эффективность высказывания приводит к относительному ослаблению стратегий вежливости и, как следствие, к большей прямоте выражения [Leech, 2014]. В ряде современных коммуникативных практик, в том числе в цифровой среде, прямые высказывания могут восприниматься как предпочтительные вследствие стремления к ускорению обмена информацией среди участников коммуникации [Keith, 2025: 12]. Количество говорящих на английском языке продолжает расти в связи с процессами глобализации, значительная часть коммуникации уже переместилась в цифровую среду – все это создает новые условия реализации вежливости. Английский язык является языком международного общения, и коммуниканты, принадлежащие к различным культурным и социальным сферам, зачастую предпочитают более универсальные, а следовательно, более прямые коммуникативные стратегии. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в онлайн-среде. Виртуальное пространство задает особые условия коммуникации, в рамках которых вежливость и идентичность конструируются с использованием различных семиотических ресурсов: “the emergence of digital communication has created new contexts for the negotiation of politeness and identity through multimodal means” [Indriani, 2025: 2].

Обозначенная тенденция к эффективности в коммуникации, как правило, рассматривается в социальной лингвистике в контексте трансформации социальных условий общения, прежде всего, изменения характера межличностных связей между коммуникантами и самой структурой социальных сетей. Процессы глобализации и усиливающаяся урбанизация способствуют снижению плотности социальных связей: в ситуации общения все чаще оказываются ранее незнакомые люди: “urbanization and globalization can be accounted for in a unified way as a loosening of network ties, which promotes increased explicitness in conversational styles” [Terkourafi, 2019: 945]. В этих условиях косвенные формы выражения оказываются менее эффективными, что в свою очередь, приводит к смещению в сторону большей

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

эксплицитности ввиду отсутствия общего разделяемого контекста: “shrinking of the common ground necessary to support indirect modes of communication, resulting in a shift toward more explicitness in conversation” [Terkourafi, 2019: 932].

Вместе с тем, несмотря на обозначенную тенденцию к усилению прямоты в современном английском языке, представления о нормативности вежливого общения демонстрируют более сложную картину. Стандартизированные формы косвенного выражения продолжают восприниматься как значимые и социально одобряемые языковые средства, особенно в контекстах публичной письменной коммуникации. Это указывает на сосуществование разнонаправленных идеологических установок: с одной стороны, ориентация на эффективность и ясность высказывания, с другой – на сохранение норм, связанных с косвенностью, смягчением и регламентированностью оценочных высказываний.

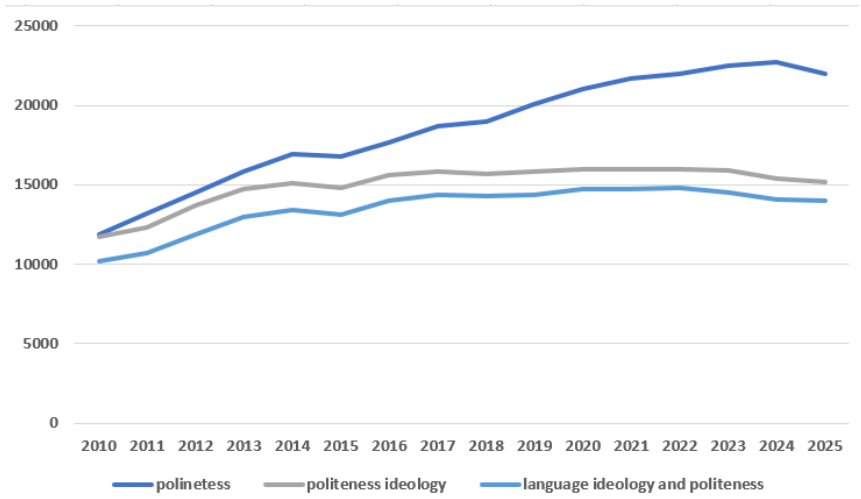
Настоящее исследование направлено на изучение существующих установок в отношении использования «правильных» и «уместных» языковых форм в современном письменном англоязычном общении, а также на исследование идеологической значимости различных стилей вежливости: рассматривается то, как дискурсивные практики оцениваются самими говорящими. Цель исследования – в анализе языковых идеологий, лежащих в основе оценок вежливости в современном письменном английском, в выявлении факторов, способствующих сохранению косвенных и стандартизированных форм выражения в условиях современной коммуникативной среды. Несмотря на распространенное на данный момент в современных исследованиях представление о смещении современного английского языка в сторону большей коммуникативной эффективности, остается неясным, каким образом данные изменения соотносятся с существующими устоявшимися формами вежливости и как это оценивается говорящими на языке. Немаловажно и то, что существующие исследования, как правило, сосредоточены на анализе самих дискурсивных практик, в то время как как идеологическое измерение вежливости, равно как и метапрагматические представления говорящих о нормативности остаются недостаточно изученными, особенно в контексте цифровой коммуникации и использования ИИ. Необходимо уточнить, что под «современным английским языком» в настоящей работе понимается не ограниченная рамками национального варианта совокупность практик его использования в онлайн-среде.

Актуальность рассматриваемой научной проблемы подкрепляется и количественными данными: по данным Google Scholar (см. график 1), за последние 15 лет наблюдается увеличение количества работ, индексируемых по запросу politeness. В то же время запросы, непосредственно связывающие вежливость с идеологическим измерением (politeness ideology,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

language ideology and politeness), показывают более умеренную динамику. Можно предположить, что проблематика вежливости постепенно осмысливается и с точки зрения идеологического подхода.

График 1. Объем публикаций, релевантных запросам “politeness”, “politeness ideology”, “language ideology and politeness” по данным Google Scholar за 2010–2025 годы.

2 | Теоретические подходы к вежливости и языковой идеологии

2.1 Вежливость как языковая идеология и нормативный ресурс

Понятие «вежливость» в настоящей работе рассматривается в рамках теории языковой идеологии, где вежливость является одним из механизмов функционирования коммуникативных практик. Как отмечает Дж. Калперер, понятие «вежливость» в современном английском языке – это, прежде всего, институционально закрепленная языковая идеология, а устоявшиеся в сообществе нормы вежливости – своего рода ресурсы, которые используются говорящими для того, чтобы их языковое поведение в процессе коммуникации являлось «уместным» (англ. *appropriate*), и регулируются они институциональными и общественными ожиданиями [Culpeper, 2012]. Нормы вежливости действуют на нескольких уровнях, коммуникативные нормы встроены в нормы языковых практик сообществ, которые, в свою очередь, включены в организационные (институциональные) нормы, а те – в общественные нормы: “interactional norms sit within community of practice norms, which sit within organisational (institutional) norms, and in turn societal norms” [Culpeper, 2012: 1131]. Понятие «вежливость» включает в себя ряд оценочных категорий, таких как доброжелательность, дружелюбие, внимательность, уважение, почтительность, дерзость, агрессивность, грубость [Spencer–

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Oatey, 2000: 97]. Такие понятия как «уместность», «профессиональный язык», «вежливая критика» – это речевые средства, с помощью которых можно выразить оценочные, т.е. идеологически обусловленные суждения о приемлемости языкового поведения. Эти формы представляют собой определенный набор средств, из которых говорящие выбирают необходимые им паттерны в соответствии с институциональными ожиданиями или «уместностью».

Нормы вежливости обладают определенной степенью устойчивости, так как то, что считается вежливым или «уместным» языком, определяется разделяемыми в сообществе культурными оценками. Вследствие этого они не могут быть легко переопределены отдельными говорящими. Несмотря на существующие тенденции к эффективности в коммуникации, обозначенные во введении, нормы вежливости не способны меняться вследствие действий отдельных индивидов: “single individuals are not so powerful as to change social reality and politeness norms just because they may resist or deviate from them once or even more regularly” [Sifianou et al., 2017: 590].

2.2 Противопоставление прямоты и косвенности

Противопоставление прямоты и косвенности занимает важное место в исследованиях теории вежливости, где обе стратегии понимаются как обусловленные идеологически закрепленными нормами. В классической модели вежливости [Brown & Levinson, 1987] разграничение между прямотой и косвенностью описывается через систему стратегий реализации речевых актов: прямота, смягчение, косвенность – все эти стратегии используются, чтобы избежать угрозы «лицу» адресата, т.е. при условии, что какие-то фразы могут создать напряжение, коммуниканты стараются выбрать такую форму их воплощения, которая минимизирует чувство неловкости или возможность возникновения конфликта: “any rational agent will seek to avoid these face-threatening acts, or will employ certain strategies to minimize the threat” [Brown et al., 1987: 68]. Стратегия конвенциональной косвенности предполагает использование распространенных, социально распознаваемых формулировок, но при этом смысл остается в определенной степени открытым для интерпретации: “linguistic realizations of off-record strategies include … all kinds of hints ... so that the meaning is to some degree negotiable” [ibid, 69]. Данная модель предполагает, что выбор между прямотой и косвенностью осуществляется как стратегическое решение говорящего. Тем не менее, в настоящей работе подобный выбор рассматривается не как индивидуальная стратегия, а как результат действия нормативных установок. Это обусловлено тем, что по мере закрепления определенных форм выражения, они перестают восприниматься как косвенные и становятся нормативными, что

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

отмечается и самими авторами теории вежливости: “once fully conventionalized … it is no longer off record” [ibid, 70]. Соответственно, возникает ситуация, когда косвенность становится распознаваемой нормой, утрачивает свою неопределенность в интерпретации и начинает функционировать как прямое высказывание, сохраняя при этом косвенную лексико-грамматическую форму. При этом косвенность применяется не как свободная стратегия, выбираемая говорящим, а как нормативно регулируемое языковое средство, подчиненное ожиданиям конкретного языкового сообщества. В этом контексте значительная часть того, что традиционно описывалось как вежливость, на практике представляет собой не стратегический выбор, а «уместное поведение»: “much of what has commonly been thought of as ‘politeness’ may in fact be… appropriate behavior” [Locher, 2005: 17]. Можно резюмировать, что выбор между прямотой и косвенностью в современном англоязычном письменном дискурсе определяется функционированием идеологически закрепленных норм «уместности» высказываний.

В этом контексте важно подчеркнуть, что не всякая косвенность является уместной: только те формы, которые соответствуют устоявшимся шаблонам (например, *Could you…, I would suggest…*), воспринимаются как «правильные» и приемлемые. Это согласуется с подходом, согласно которому косвенность определяется не столько намерениями говорящего, сколько нормами сообщества: “this kind of indirectness has more to do with community and situational norms than with the speaker’s intention” [Terkourafi, 2019: 934]. Данные формы смягчения также описываются как стандартизированные практики, регулирующие допустимые способы выражения оценки в профессиональном дискурсе и в работах по обучению академическому английскому [Hyland, 2021]. При этом оценка вежливости связана прежде всего с восприятием уместности высказывания в конкретном контексте, с интерпретациями высказываний, сформированными на основе социокультурных норм и ожиданий, а не с формальными характеристиками прямоты или косвенности [Haugh, 2015].

2.3 Вежливость в цифровой коммуникации

В условиях цифровой коммуникации в формальной и полуформальной сферах общения прямые формы практически отсутствуют, а в использовании косвенных форм предпочтение отдается устойчивым, легко распознаваемым конструкциям. Можно предположить, что косвенность применяется не как стратегия смягчения высказывания, а скорее функционирует как формализованный инструмент демонстрации социально приемлемого поведения. Косвенные и смягчающие формы активно применяются в полуформальных сферах общения, например: в отзывах о гостиницах или ресторанах, клиентских жалобах, оценках сервиса, причем большинство используемых вежливых конструкций схожи, даже скорее шаблонны.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Негативные суждения в этих контекстах также оформляются через смягчающие конструкции: *“It might be a good idea to…”, “Perhaps the staff could…”, “Unfortunately, the experience was…”*. Такие модели широко распространены, соответственно, критика не становится более прямолинейной, а напротив, превалируют косвенные модели вежливого выражения несогласия.

Диалоговое взаимодействие с ИИ, которое сейчас становится все более активно используемым в коммуникации, и в котором косвенные и смягчающие формы являются встроенной моделью, может также выступать механизмом нормализации «правильной» вежливости, закрепляя стандарты публичного английского дискурса. Согласно теории критического дискурс-анализа, дискурс – это социальная практика, обусловленная социальной или институциональной средой, в котором он возникает: “specific discursive events vary in their structural determination according to the particular social domain or institutional framework in which they are generated” [Fairclough, 1992: 64]. Следовательно, если экстраполировать этот постулат на сферу цифровой коммуникации, то получается, что существующие ИИ структуры могут задавать условия функционирования дискурса. В современном цифровом контексте онлайн-платформы все чаще берут на себя такие функции. Посредством встроенных механизмов и правил модерации они задают параметры допустимого высказывания, причем модерация контента является не второстепенной функцией платформ, а их фундаментальной характеристикой: “moderation is not an ancillary aspect… it is essential, constitutional, definitional” [Gillespie, 2018:21]. В связи с этим можно предположить, что цифровые платформы поддерживают существующие коммуникативные нормы, выступая в качестве регуляторов дискурса. Системы модерации и интерфейсные подсказки формируют представление о том, какие формы вежливости считаются допустимыми; также перед публикацией сообщения проверяются модераторами на соответствие требованиям к «уважительному» и «конструктивному» тону высказывания. Агрессивные или чрезмерно прямолинейные высказывания, как правило, блокируются: в большинстве форм обратной связи есть технические механизмы контроля, ограничивающие использование обсценной лексики, высказываний в стиле так называемой “hate speech”, а также текстов с большим количеством стилистических и орфографических отклонений. В результате вежливость превращается в утвержденную языковую норму, встроенную в архитектуру цифрового общения.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Методология

Интервью, проведенные в рамках исследования, используются как иллюстративный материал. Целью является изучение субъективных восприятий людей, проживающих в англоязычном сообществе по отношению к существующим формам вежливого общения, а именно, о прямоте высказываний и «уместном» языке, установках о «правильном» тоне в англоязычной коммуникации, их оценках влияния ИИ на коммуникативный стиль, эксплицитным и имплицитным представлениям о нормативности. Небольшой объем выборки представляется методологически оправданным, поскольку исследование носит качественный характер и позволяет проиллюстрировать обозначенные тенденции к более активному применению косвенных и смягчающих форм в общении в полуформальных и формальных сферах общения.

Всего было проведено пять полуструктурированных интервью с респондентами, длительностью 30–40 минут. Четыре респондента идентифицируют себя как билингвальные говорящие (русский и английский), один респондент владеет английским на продвинутом уровне. Участники интервью были отобраны по принципу целенаправленной выборки, с высшим образованием и релевантным коммуникативным опытом. Дополнительным критерием отбора являлся опыт длительного профессионального взаимодействия в англоязычной среде. Все участники являются специалистами высокой квалификации, работающими в профессиональных областях в Великобритании, предполагающих регулярное использование английского языка в институциональном общении (финансовый консалтинг, аудит, юридическая практика, гражданская авиация). Опыт профессиональной коммуникации на английском языке составляет от 4 до 15 лет; возраст участников – от 25 до 30 лет. Наиболее распространенными формами их письменной коммуникации являются деловая переписка, обмен сообщениями в рабочих цифровых платформах, а также общение в полуформальных сферах общения.

4 | Результаты исследования и дискуссия

4.1. Регистровая вариативность и смягчение как стратегия

Материалы проведенных интервью показывают устойчивую регистровую вариативность в речи и восприятие различных форм косвенности и смягчения как способов, повышающих эффективность взаимопонимания. Использование более формального и нейтрального тона в общении рассматривается как способ минимизации коммуникативных рисков и обеспечения корректного восприятия высказывания собеседником (см. Табл.2).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Таблица 2. Использование форм вежливости в различных коммуникативных контекстах.

Коммуникативный контекст	**Цитаты из интервью**	**Перевод**	**Выявленные особенности**
Неформальное общение	“when dealing with close colleagues or friends the tone is a lot more casual (using shorter sentences, emojis, reactions like "lol", more profanity)” (P1); “with friends and close colleagues I am much more informal… I use slang and sometimes swear words” (P3);	«При общении с близкими коллегами или друзьями тон гораздо более непринужденный (используются более короткие предложения, смайлики, реакции типа «лол», больше нецензурной лексики)» (Уч.1); «С друзьями и близкими коллегами я гораздо более неформален… Я использую сленг и иногда ругательства» (Уч.3);	Более простые синтаксические структуры; разговорная лексика, сленг, эмоционально маркированные средства (включая эмодзи), иногда обсценная лексика.
Формальное общение	“more respect and ‘niceness’ as not to offend” (P4); “the most formal language possible, so that my words cannot possibly be misinterpreted” (P5);	«больше уважения и “вежливости“, чтобы никого не обидеть» (Уч.4); «максимально формальный язык, чтобы мои слова никак не могли быть неправильно истолкованы» (Уч.5);	Ориентация на стратегии более вежливого общения, на устранение коммуникативной неоднозначности.
Необходимость использования смягчающих конструкций, таких как *perhaps, a bit, could*, в формальном общении	“avoid… a strong stance that can be interpreted as confrontational” (P1); “whenever speaking to British people I find that it helps to soften phrases” (P2); “to come off more polite and less demanding” (P3); “not come off as too overbearing or authoritative” (P5); “if you don’t use such softening	«с целью избегания… жесткой позиции, которая может быть воспринята как конфронтационная» (Уч.1); «Всякий раз, когда я разговариваю с британцами, я обнаруживаю, что это помогает [общению] смягчать фразы» (Уч.2); «Чтобы казаться более вежливым и менее требовательным» (Уч.3); «Чтобы не казаться слишком властным или авторитарным» (Уч.5);	Стремление к снижению вероятной коммуникативной напряженности; смягчающие конструкции выступают средством регулирования вежливости; адаптация к социокультурным ожиданиям.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

	words, people may think you are rude" (P4); "it's important to not come off as rude… softer language prevents clashes" (P1);	«Если вы не используете такие смягчающие слова, люди могут подумать, что вы грубы» (Уч.4); «Важно не показаться грубым… более мягкий язык предотвращает конфликты» (Уч.1);	

Наблюдаемая в ответах респондентов дифференциация регистров и необходимость смягчающих оборотов речи связаны с ожиданиями профессионального и публичного дискурса. В неформальных контекстах респонденты допускают использование разговорной лексики и различных маркеров сокращенной социальной дистанции. В более формальной среде предпочтение отдается косвенным или смягчающим языковым средствам, которые позволяют снизить риск негативной интерпретации. Это согласуется с подходом, согласно которому значительная часть того, что традиционно описывается как «вежливость», на практике представляет собой форму уместного поведения: "much of what has commonly been thought of as "politeness" may in fact be perceived by participants not as politeness, but rather as the kind of behavior appropriate to the current interaction" [Locher and Watts, 2005: 17]. Таким образом, вежливость следует рассматривать как результат интерпретации в рамках социокультурных ожиданий; ни одно языковое средство не является изначально вежливым: "no linguistic expression can be taken to be inherently polite" [Locher and Watts, 2005: 16]. При этом, оценка языкового поведения как «вежливого» или «невежливого» носит субъективный и спорный характер: "the qualifications of social acts as 'polite' or 'impolite' are highly subjective and a matter for discursive dispute" [Watts, 2003: 252]. Немаловажно и то, что вежливость не заложена в самих языковых формах, а возникает в процессе их оценки участниками коммуникации в конкретном контексте: "politeness does not reside in particular linguistic forms or behaviours, but rather in evaluations of those forms and behaviours" [Haugh, 2013: 251]. Рассмотренная теория и примеры позволяют предположить, что вежливость выполняет функцию прагматического регулирования коммуникации, способствуя управлению интерпретацией высказывания.

4.2. Вежливость, нейтральность, прямота

Представления респондентов о соотношении вежливости, нейтральности и прямоте могут быть обобщены в следующем виде (см. табл.3). Вежливая коммуникация строится на основе нейтральности используемых языковых средств и учета социокультурных ожиданий.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Прямота в английской коммуникации иногда может быть эффективной, однако, с другой стороны, чрезмерная прямота связывается с негативной социальной оценкой, особенно в профессиональной среде. Восприятие прямолинейных высказываний зависит от статуса коммуникантов и контекста: прямота может восприниматься как допустимая, если подкреплена опытом и авторитетом (например, со стороны руководства), в противном случае интерпретируется как излишняя резкость.

Таблица 3. Установки о соотношении вежливости, нейтральности и прямоты в англоязычной коммуникации.

Коммуникативный контекст	**Цитаты из интервью**	**Перевод**	**Выявленные особенности**
Вежливость	“politeness… is a standard way of communication” (P3); “politeness… it is a key part of sentence structure and communication in English” (P4); “English and British culture is based on politeness and political correctness so that is very important here” (P2); “if considering the English language in England, then politeness; this is due to the nature of the people and their way of communicating” (P5);	«Вежливость… является стандартным способом общения» (Уч. 3); «Вежливость… является ключевой частью структуры предложения и общения на английском языке» (Уч. 4); «Английская и британская культура основана на вежливости и политкорректности, поэтому это очень важно здесь» (Уч. 2); «Если рассматривать английский язык в Англии, то [самое важное по сравнению с искренностью и прямотой] это вежливость; это связано с характером людей и их способом общения» (Уч. 5);	Восприятие вежливости как компонента эффективного взаимодействия.
Нейтральность	“neutrality carries a lot of value in the English language” (P1); “it’s harder to trust [people] unless they show that they understand both sides” (P1);	«Нейтральность имеет большое значение в английском языке» (Уч. 1); «Труднее доверять [людям], если они не показывают, что понимают обе стороны» (Уч. 1);	Воспринимается как показатель объективности и сбалансированности высказывания.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Прямота и искренность	“honesty comes last, it’s not a priority” (P3); “politeness [is valued] much more than honesty” (P2); “being direct can be helpful when resolving issues” (P3); “there is a fine line between being direct and being rude” (P1); “being direct is seen as being less able to work in a team” (P2); “otherwise, it [directness] can be seen as rude and assertive” (P5); “a colleague may misunderstand you and feel offended because you are simply being direct” (P4); “however, occasionally, at work, directness may be valued and seen as “strong” and “efficient” in coming to a solution” (P3);	«Честность стоит на последнем месте, она не является приоритетом» (Уч. 3); «Вежливость [ценится] гораздо больше, чем честность» (Уч. 2); «Прямота может быть полезна при решении проблем» (Уч. 3); «Существует тонкая грань между прямотой и грубостью» (Уч. 1); «Прямолинейность воспринимается как неспособность работать в команде» (Уч. 2); «В противном случае [прямолинейность] может восприниматься как грубость и напористость» (Уч. 5); «Коллега может неправильно понять вас и обидеться, потому что вы просто говорите прямо» (Уч. 4); «Однако иногда на работе прямолинейность может цениться и восприниматься как «сила» и «эффективность» в поиске решения» (Уч. 3);	Искренность и прямота занимают вторичную позицию; связь этой установки с социокультурными ожиданиями. Отмечается амбивалентность установок – прямота может способствовать более эффективному взаимодействию, при этом существует скрытая граница в ее применении: допускается в некоторых контекстах.

Респондентам было предложено вспомнить недавнюю ситуацию, в которой им приходилось выражать негативную оценку на английском языке (например, жалоба или отзыв), описать соответствующий коммуникативный контекст и приблизительно воспроизвести содержание своего высказывания (см. Табл. 4).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Таблица 4. Стратегии выражения негативной оценки в англоязычной коммуникации.

Тип ситуации	**Цитаты из интервью**	**Перевод**	**Выявленные особенности**
Профессиональная коммуникация	“The tone of the message was to avoid finger pointing, but instead to highlight the risk, knowing that it should result in leadership chasing up the person in question in order to resolve the issue” (P1);	«Тон сообщения был направлен на то, чтобы избежать обвинений, а вместо этого подчеркнуть риски [сложившейся ситуации], понимая, что это должно побудить руководство связаться с человеком, о котором идет речь, чтобы решить проблему» (Уч.1);	Ориентация на институциональные нормы (оценивание в обезличенной и конструктивной форме).
Публичный отзыв	“the experience wasn’t great”; “overall, the communication felt too abrupt for such a sensitive treatment” (P2);	«Опыт был не очень хорошим»; «В целом, общение показалось слишком резким для такой деликатной терапии». (Уч.2);	Избегание конфронтационных или резких оценок. Использование смягчения.
Жалоба	“thanks for arranging for the led panel to be installed, however, it is faulty and I would like a replacement”; “this is now becoming completely unacceptable”; “please provide us with clear timelines as soon as possible” (P3);	«Спасибо за организацию установки светодиодной панели, однако она неисправна, и я хотел бы ее заменить»; «Это становится совершенно неприемлемым»; «Пожалуйста, предоставьте нам четкие сроки как можно скорее»; (Уч.3);	Сообщение структурированное, включает элементы вежливого обращения и сопровождается описанием проблем, что снижает степень конфликтности. Допустимость прямоты высказывания при сохранении формальной вежливости.

Описанные респондентами ситуации показывают, что они стараются смягчить критику: во всех приведенных примерах респонденты избегают прямых обвинений, предпочитая описание проблемы или указание на ее последствия. Прямота допускается к использованию, но лишь в ограниченных контекстах. Противопоставление прямоты и косвенности, наблюдаемое в установках респондентов, при которой преобладающее предпочтение отдается

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

именно косвенности, является аспектом проявления языковых установок, где приоритет отдается управлению интерпретацией высказывания.

4.3. Роль ИИ в поддержании существующих норм вежливого общения

В интервью исследовался вопрос об использовании респондентами инструментов искусственного интеллекта при написании и редактировании текстов на английском языке, а также о том, каким образом респонденты воспринимают регистр, генерируемый такими инструментами (см. Табл. 5).

Таблица 5. Аспекты взаимодействия с ИИ.

Аспект взаимодействия с ИИ	**Цитаты из интервью**	**Перевод**	**Выявленные особенности**
Смягчение	“I would usually tell them to rewrite my direct message to something more polite” (P2);	«Обычно я прошу переписать мое прямолинейное сообщение на более вежливый язык» (Уч.2);	Использование ИИ для повышения вежливости в последующей коммуникации.
Восприятие регистра, используемого ИИ	“very polite and inclusive… very respectful” (P3); “very professional and robotic… unnatural” (P5);	«очень вежливый и доброжелательный… очень уважительный» (Уч.3); «очень профессиональный и роботизированный… неестественный» (Уч.5);	Ассоциация генерируемого ИИ текста с вежливым и нейтральным стилем; отмечается клишированность используемых речевых оборотов.
Сохранение стиля пользователя	“these tools mirror the tone used by the user” (P2);	«эти инструменты отражают используемый тон» (Уч.2);	Частичная адаптация ИИ к исходному регистру пользователя при общей тенденции к его формализации.

Примеры из ответов респондентов показывают восприятие ИИ как инструмента, способствующего усилению вежливого и нейтрального регистра, при одновременном снижении индивидуальной вариативности высказывания: респондентами отмечается обезличенность и «роботизированность» сгенерированного текста. Если рассматривать ИИ как фактор, влияющий на способы языкового выражения, то есть основания предполагать, что дальнейшее расширение использования ИИ может воздействовать на языковые особенности англоязычной письменной коммуникации. Способность ИИ задавать предпочтительные модели языкового поведения может быть сопоставлена с ролью цифровых платформ,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

рассмотренных в работе Т. Гиллеспи, где в главе «Мифы о нейтральности платформ», анализируется, как существующие социальные платформы выступают инструментами, предопределяющими характер публичного дискурса: “in terms of impact on public discourse … the rules these platforms impose probably matter more than the legal restrictions under which they function” [Gillespie, 2018: 34]. В этом контексте ИИ-инструменты являются частью подобных алгоритмических систем (таких как социальные платформы), поскольку они не просто воспроизводят существующие языковые практики, а участвуют в их структурировании: “the moment they… algorithmically select some subset of [content]… they moved from delivering content… to constituting it” [Gillespie, 2018: 42]. Вместе с тем, ИИ-инструменты – это элементы существующих социокультурных практик, а используемые ими алгоритмы – их неотъемлемая часть: “algorithms are cultural … because they are composed of collective human practices” [Seaver, 2017: 5]. Соответственно, ИИ в настоящее время воспроизводит существующие представления о коммуникативной уместности, а в дальнейшем потенциально способствует их дальнейшему закреплению в языковой практике.

5 | Заключение

Рассмотренный теоретический и эмпирический материал позволяет поставить под сомнение предположения о том, что современная англоязычная коммуникация, особенно в цифровой среде, становится более прямолинейной. Нормы вежливости регламентируют представления об «уместном» языковом поведении, при этом наблюдается трансформация их форм, выражающаяся в тенденции к закреплению в виде устойчивых коммуникативных паттернов. Метапрагматические оценки, наблюдаемые в интервью, иллюстрируют то, как вежливость, нейтральность и косвенность воспринимаются приоритетными характеристиками «правильного» и профессионального языкового поведения; прямота рассматривается как контекстуально допустимая, но потенциально рискованная стратегия. В этом смысле «вежливость» может быть интерпретирована как элемент языковой идеологии, определяющей допустимые способы выражения, а также регулирующей интерпретацию высказывания со стороны адресата.

Таким образом, «вежливость» в современном англоязычном письменном дискурсе – это не только элемент коммуникации, но скорее устойчивый и адаптивный механизм социального регулирования, встроенный в институциональные нормы (например, профессиональной коммуникации) и поддерживаемый технологическими системами (такими как цифровые платформы и ИИ-инструменты), причем ИИ, вследствие массовости своего применения,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

выступает одним из агентов языковой стандартизации. Рассмотренные примеры из эмпирического материала показывают роль факторов, способствующих сохранению косвенных и стандартизированных форм выражения: ориентацию на социальные и институциональные ожидания, стремление минимизировать коммуникативные риски и неоднозначность интерпретации, а также влияние цифровых платформ и ИИ-инструментов, задающих рамки допустимого высказывания. Особую значимость в этом контексте приобретает роль систем искусственного интеллекта как медиаторов языковых идеологий, участвующих в воспроизводстве нормативных представлений о вежливом, нейтральном и профессиональном языке. Алгоритмические системы могут рассматриваться как один из механизмов стандартизации существующих коммуникативных норм, усиливающих ориентацию на социально одобряемые формы выражения.

ЛИТЕРАТУРА

Brown, P., Levinson, S. C. (1987) Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.

Culpeper, J. (2011) Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge: Cambridge University Press. 292 p.

Culpeper, J., Haugh, M. (eds.) (2017) The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness. London: Palgrave Macmillan. 899 p.

Fairclough, N. (1992) Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press. 259 p.

Gillespie, T. (2018) Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven: Yale University Press. 288 p.

Haugh, M. (2013) Understanding Politeness. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.

Haugh, M. (2015) Im/Politeness Implicatures. Berlin: De Gruyter Mouton. 357 p.

Hyland, K. (2021) Teaching and Researching Writing. 4th ed. London: Routledge. 280 p.

Indriani, R. (2025) Bridging Traditions in Politeness and Identity: From Cross-Cultural Studies to Online Discourse and Computational Approaches, Journal of Cultural Narratives in Digital Society, 1(2), pp. 1–12.

Keith, B. (2025) Speech Acts in Intercultural Communication: A Cross-Cultural Comparison of Politeness Strategies, International Journal of Linguistics, 6(2), pp. 1–16.

Leech, G. (2014) The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford University Press. 343 p.

Locher, M., Watts, R. (2005) Politeness Theory and Relational Work, Journal of Politeness Research, 1(1), pp. 9–33. DOI: 10.1515/jplr.2005.1.1.9.

Seaver, N. (2017) Algorithms as Culture: Some Tactics for the Ethnography of Algorithmic Systems, Big Data & Society, 4(2), pp. 1–12.

Sifianou, M., Blitvich, G. (2017) (Im)politeness and Cultural Variation, in: Culpeper, J., Haugh, M., Kádár, D.Z. (eds.) The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness. London: Palgrave Macmillan, pp. 571–599.

Spencer–Oatey, H. (2000) Culturally Speaking: Managing Rapport Through Talk Across Cultures. London; New York: Continuum.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Terkourafi, M. (2019) Indirectness in the Age of Globalization: A Social Network Analysis, Russian Journal of Linguistics, 23(4), pp. 930–949. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-930-949.
Watts, R. J. (2003) Politeness. Cambridge: Cambridge University Press. 304 p.

REFERENCES

Brown, P. and Levinson, S.C. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
Culpeper, J. (2011) *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge: Cambridge University Press.
Culpeper, J. and Haugh, M. (eds.) (2017) *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan.
Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press.
Gillespie, T. (2018) *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. New Haven: Yale University Press.
Haugh, M. (2013) *Understanding Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.
Haugh, M. (2015) *Im/Politeness Implicatures*. Berlin: De Gruyter Mouton.
Hyland, K. (2021) *Teaching and Researching Writing*. 4th edn. London: Routledge.
Indriani, R. (2025) Bridging traditions in politeness and identity: From cross-cultural studies to online discourse and computational approaches, *Journal of Cultural Narratives in Digital Society*, 1(2), pp. 1–12.
Keith, B. (2025) Speech acts in intercultural communication: A cross-cultural comparison of politeness strategies, *International Journal of Linguistics*, 6(2), pp. 1–16.
Leech, G. (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
Locher, M. and Watts, R. (2005) Politeness theory and relational work, *Journal of Politeness Research*, 1(1), pp. 9–33. https://doi.org/10.1515/jplr.2005.1.1.9
Seaver, N. (2017) Algorithms as culture: Some tactics for the ethnography of algorithmic systems, *Big Data & Society*, 4(2), pp. 1–12.
Sifianou, M. and Blitvich, G. (2017) (Im)politeness and cultural variation. In: Culpeper, J., Haugh, M. and Kádár, D.Z. (eds.) *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan, pp. 571–599.
Spencer-Oatey, H. (2000) *Culturally Speaking: Managing Rapport Through Talk Across Cultures*. London and New York: Continuum.
Terkourafi, M. (2019) Indirectness in the age of globalization: A social network analysis, *Russian Journal of Linguistics*, 23(4), pp. 930–949. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-930–949.
Watts, R.J. (2003) *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Светлана Владимировна Кириленко
Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009, Россия,
г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032

Svetlana V. Kirilenko
Candidate of philological sciences, associate professor, senior researcher,
Research Center on Ethnic and Language Relations,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: svetlanavk@inbox.ru
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Языковые идеологии вежливости в современном письменном английском: метапрагматические оценки в условиях цифровой коммуникации // // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 63–81. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-04

For citation: *Kirilenko S.V.* Linguistic ideologies of politeness in contemporary written English: metapragmatic evaluations in the context of digital communication // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 63–81. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-04

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 20.11.2025;
approved after reviewing 13.01.2026;
accepted for publication 21.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE PROCESSES

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-05

УПОТРЕБЛЕНИЕ НАКЛОНЕНИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДИКАТАМИ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ В ГАЛИСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 321.01:81’272

Александр А. Ануфриев
Институт языкознания
Российской академии наук
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Исследование базируется на материале галисийского языка, одного из региональных миноритарных языков Испании. В статье на корпусном материале современного галисийского языка рассматриваются конструкции с пропозициональным дополнением (creo que… ‘полагаю, что…’), где в качестве пропозициональной установки выступают наиболее употребительные предикаты внутреннего состояния (coidar ‘полагать, думать’, supoñer/supor ‘предполагать’, esperar ‘надеяться’, temer ‘бояться’ и др.). Притом, что корпусы галисийского не столь многочисленны и не так хорошо разработаны, как корпусы соседних испанского и португальского языков, они позволяют выявить наиболее явные тенденции, связанные с узусом (корпус позволяет изучить как письменный, так и разговорный дискурс) рассматриваемых оценочных конструкций.

Особое внимание уделяется употреблению наклонения (индикатива или субшунтива), являющегося основным грамматическим средством выражения субъективной оценки в романских языках. Одним из основных факторов, определяющих наряду с другими семантическими и прагматическими факторами выбор как предиката, так и наклонения, является сфера употребления рассматриваемой конструкции. Учитывая особенности актуальной языковой ситуации в Галисии, мы анализируем то, в какой мере социолингвистический фактор может определять выбор лексических и грамматических средств выражения субъективной оценки говорящим.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: галисийский язык, билингвизм, предикаты внутреннего состояния, индикатив, конъюнктив

Примечания

Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0008, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Александр А. Ануфриев, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-05

THE USE OF MOODS IN CONSTRUCTIONS WITH INNER STATE PREDICATES IN GALICIAN: A SOCIOLINGUISTIC ASPECT

UDC 321.01:81’272

Alexander A. Anufriev
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow,
Russian Federation

Acknowledgements
The study was carried out within the framework of the FMNE-2025-0008 project, supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Abstract

This study is based on data from Galician, one of the regional minority languages of Spain. Drawing on corpus data from contemporary Galician, the article examines constructions with a propositional complement (e.g., creo que... ‘I believe that...’), in which the propositional attitude is expressed by the most frequently used predicates of internal state, such as coidar ‘to think, believe’, supoñer/supor ‘to suppose’, esperar ‘to hope’, temer ‘to fear’, and others.

Although Galician corpora are less extensive and less developed than those of the neighboring Spanish and Portuguese languages, they nevertheless make it possible to identify the most salient usage-based tendencies associated with the evaluative constructions under consideration. In particular, the corpus data provide access to both written and spoken discourse.

Special attention is paid to the use of mood (indicative or subjunctive), which constitutes the principal grammatical means of expressing subjective evaluation in the Romance languages. Alongside other semantic and pragmatic factors, one of the main determinants of the choice of both the predicate and the mood is the domain of use of the construction in question. Given the specific features of the current linguistic situation in Galicia, we examine the extent to which sociolinguistic factors may influence speakers’ choice of lexical and grammatical means for expressing subjective evaluation.

KEYWORDS: Galician, bilingualism, inner state predicates, indicative, subjunctive

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Alexander A. Anufriev, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Галисийский язык относится к романским миноритарным языкам пиренейского полуострова. Он является одним из региональных языков Испании, обладая официальным статусом на территории Галисии, автономного сообщества (comunidad autónoma) на северо-западе государства. В структурном отношении галисийский представляет собой ибероромanский идиом, имеющий общие черты как с португальским, так и с испанским языками.

На сегодняшний момент романистами достаточно хорошо описаны, прежде всего, структура и социолингвистические аспекты функционирования галисийского языка. Большинство зарубежных работ, касающихся его современного состояния, посвящено описанию фонетической системы, морфологического строя, диалектных различий, проблемам формирования языковой нормы, вопросам функционирования языка в регионе Галисия и за его пределами в рамках испанского законодательства (работы Ф. Фернандеса Рея, Э. Монтеагудо и др., см. в [Гринина, Евдокимова, 2022]). В отечественной романистике можно выделить работы Б.П. Нарумова, М.С. Снетковой, Е.А. Грининой, А.А. Евдокимовой, посвящённые социолингвистической проблематике, а также сосуществованию галисийского и испанского языков и их взаимовлиянию [Нарумов, 2001; Снеткова, 2021; Гринина, Евдокимова, 2022].

По данным 2020 г. количество носителей галисийского превышает 3220000 человек [Joshua project]. Большинство из них проживает в регионе Галисия и приграничных районах (в регионах Астурия, Кастилия, Леон и Эстремадура). При этом «современная языковая ситуация характеризуется двуязычием и диглоссией» [Нарумов, 2001: 518], в принципе характерной для миноритарных языков. Подавляющее большинство населения также владеет испанским, вторым официальным языком автономии. Исходя из статистических данных, язык «не прекращает терять активных пользователей», что связано с уменьшением процента населения, усваивающего галисийский как родной, меньшим использованием в качестве основного языка в трудовой деятельности и т.д. [Снеткова, 2019: 284]. Тем не менее, по данным 2024 г. в качестве основного галисийский используют 45% населения региона [Conocimiento y uso del gallego].

Несмотря на то, что галисийский язык получил официальный статус в Галисии ещё в 1979 г., процесс выработки языковой нормы занял долгое время. Её первый вариант был выработан в 1982 г., сразу начал подвергаться критике с разных позиций и несколько раз пересматривался и дорабатывался. Последний вариант нормы был принят в 2003 г. и на сегодняшний день успешно функционирует в обществе наряду с испанским языком,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

воспринимаемым «большинством галисийцев в равной мере своим» [Снеткова, 2019: 288]. При этом естественно, что норма не учитывает диалектное варьирование и до сих пор критикуется, в частности, за ориентацию на испанский, а не на португальский язык (подобнее см. [Гринина, Евдокимова, 2022]).

Отметим, что для оценки разнообразных внутрилингвистических тенденций в современном галисийском необходим анализ языкового узуса в целом и различных типов дискурса в частности. При анализе узуса галисийского языка социолингвистический аспект обретает особую важность в связи с рядом факторов. С одной стороны, важно понимать, что нормативизация галисийского языка началась довольно поздно для романского мира, а письменная норма сформирована уже в XXI веке[50] [Снеткова, 2019: 282]. В отличие от некоторых диалектных форм, нормативный галисийский во многом близок испанскому. По этой причине принятую норму отвергают так называемые сторонники реинтеграционизма и лусизма, выступающие за сближение с португальским [Там же: 287, 289; Нарумов, 2001: 520].

С другой стороны, ещё раз нужно отметить влияние испанского языка. Будучи билингвами, лишь около 30% населения региона постоянно говорят и всего 15% обычно пишут на галисийском, в то время как испанским пользуются соответственно 26% и 84% жителей [Гринина, Евдокимова, 2022: 156].

Приходится констатировать, что как в зарубежной, так и в отечественной романистике исследования, посвящённые миноритарным языкам, в том числе и галисийскому, редко уделяют внимание морфосемантической и прагматической внутрилингвистической проблематике, помимо общего описания фокусируясь больше на истории, социолингвистическом статусе, проблемах нормирования идиомов. Отметим, что и в рамках социолингвистики мало внимания уделяется тенденциям в конкретных типах дискурса, в частности, связанным с билингвизмом носителей.

Между тем, для романских языков в целом и для иберо-романских идиомов в частности одной из актуальных областей исследования является проблематика, связанная с варьированием индикатива и косвенного наклонения в разных типах конструкций (как правило, это различные виды придаточных предложений). Так, например, испанские глаголы знания в конструкциях с придаточным дополнительным в узусе употребляются с индикативом (*sé que* ***vendrá*** ‘я знаю, что он придёт’), глаголы сомнения с субхунтивом (*dudo que* ***venga*** ‘я сомневаюсь, что он придёт’), а глагол, описывающий позитивное ожидание/надежду может

[50] На юридическом уровне норма принята и закреплена только в 2003 г.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

употребляться с обоими наклонениями в зависимости от семантических нюансов и целей говорящего (*espero que* ***vendrá/venga*** ‘я надеюсь, что он придёт’). Среди факторов, влияющих на выбор говорящим формы наклонения, могут среди прочего влиять и прагматические, а среди них непосредственно социолингвистические [Ануфриев, 2020, 2023].

Наиболее интересные тенденции употребления индикатива или косвенного наклонения (конъюнктива[51]) наблюдаются в зависимой части/диктуме конструкции с пропозициональным дополнением (конструкция типа *creo que…* ‘считаю, что…’), где в роли пропозициональной установки/эксплицитного модуса выступают оценочные предикаты внутреннего состояния (например, исп./гал. *pensar* ‘считать, полагать’, *suponer/supor* ‘предполагать’, *esperar* ‘надеяться’ и т. д.). В целом галисийские лингвисты традиционно для романистики определяют индикатив как наклонение реальности и объективности, а субшунтив как наклонение ирреальности, с помощью которого факты подаются говорящим как неочевидные, сомнительные, субъективные [Freixeiro Mato, 2000: 337, 354].

При рассмотрении данных конструкций лингвисты, как правило, фокусируются на двух проблемах. С одной стороны, это выбор говорящим одного или нескольких предикатов для наиболее точного выражения того или иного вида субъективной оценки. Как правило, выбор обусловлен рядом факторов, как семантических (семантический объем предиката, логическая совместимость лексем)[52], так и чисто прагматических (сфера употребления, иллокутивные цели говорящего, роль собеседника и т. п.). С другой стороны, это собственно вышеупомянутая проблематика, связанная с употреблением наклонения глагола зависимой части (исп. *creo que* ***vendrá/venga*** ‘считаю, что он придет’). При этом выбор наклонения либо напрямую зависит от выбора оценочного предиката в модусе конструкции, либо допускается вариативность: ряд предикатов допускают употребление обоих наклонений, и в этом случае выбор наклонения может влиять на семантику оценочного предиката и всей конструкции в целом [см. Ángeles Sastre, 1997; Gramática, 1999].

Таким образом, наибольший интерес для анализа представляют конструкции с формами ряда предикатов (как правило, это предикаты эпистемической и аксиологической оценки), после которых говорящий может употребить оба наклонения. Обычно подобная

[51] В галисийском и испанском косвенное наклонение соответственно называют субшунтив (subxuntivo) и субхунтив (subjuntivo).

[52] Семантика предикатов внутреннего состояния часто служит предметом исследования на материале языков мира в целом как пример прагматически ориентированной недескриптивной оценочной лексики [см.: Зализняк, 2006].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

вариативность, наличествующая в узусе, не фиксируется нормативными грамматиками. Если относительно наиболее распространённых романских языков данная вариативность в той или иной степени отражена в дескриптивных исследованиях, то специалисты по миноритарным языках до описываемых явлений в узусе, как правило, не доходят. Так, в наиболее авторитетных современных испанских дескриптивных грамматиках [Gramática, 1999; Nueva Gramática, 2010] рассматривается проблематика, связанная с вариативностью наклонений в конструкциях с наиболее употребительными эпистемическими и аксиологическими глаголами и предикативами, в то время как в современных галисийских грамматиках [Alvarez, Monteagudo, Regueira, 1995; Freixeiro Mato, 2000] кратко описывается нормативное употребление наклонений, в целом совпадающее с испанской нормой, зафиксированной в работах середины XX века (см. [Henríquez Ureña, Alonso, 1977])[53]. В связи с этим представляется важным изучение узуса галисийского языка с точки зрения употребления наклонений в сопоставлении с испанским узусом, что вполне оправдано соседством двух идиомов и долгим периодом развития галисийского языка «под крышей» испанского.

Собственно в социолингвистическую плоскость данную проблематику среди прочего выводит явление, часто называемое романистами «смертью конъюнктива». В общих чертах оно заключается в том, что в определённых ареалах в некоторых типах дискурса вместо нормативного конъюнктива носители всё чаще употребляют индикатив, а в некоторых областях индикатив и вовсе вытесняет сослагательное наклонение[54].

Что касается галисийского языка, то ненормативное/вариативное употребление наклонений, на наш взгляд, должно проявляться в использовании аналогичных групп предикатов и в тех же языковых сферах, что и в пиренейском варианте испанского. В связи с этим мы рассмотрим конструкции с основными галисийскими предикатами мнения, предположения, сомнения, а также предикаты, совмещающие эмотивную и эпистемическую семантику (глаголы надежды, опасения, сожаления). Можно предположить, что вариативность в большей мере проявится в имитирующем разговорную речь художественном и собственно разговорном дискурсах, так как говорящий в их рамках, как правило, максимально дистанцируется от нормы.

[53] С определёнными оговорками исключением можно считать грамматику Р. Альварес и Ш. Шове, где немного говорится о вариативности наклонений с эпистемическими глаголами [Alvarez, Xove, 2002].

[54] Прежде всего, подобные тенденции характерны для разговорной речи, например, для некоторых испаноязычных ареалов или итальянских диалектов (подробнее см. [Ануфриев, 2023]).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Сопоставление с пиренейским испанским кажется нам правомерным не столько по причине соседства языковых ареалов, сколько оттого, что в речи галисийцев наблюдается интерференция с испанским в связи с билингвизмом носителей. По словам Б.П. Нарумова, «в ситуации двуязычия на галисийский язык на всех уровнях языковой системы оказал большое влияние испанский», особенно в морфосинтаксисе [Нарумов, 2001: 521]. Хотя касательно испанского говорить о «смерти» субхунтива явно преждевременно, имеют место тенденции ненормативного употребления индикатива, нередко мотивированного семантикой данного наклонения, иногда же просто свидетельствующего о нейтрализации оппозиции индикатив/субхунтив (см. [Ануфриев, 2020].

Таким образом, прежде чем непосредственно перейти к анализу исследуемых конструкций, ещё раз отметим, что сопоставление с испанским языком представляется нам более чем правомерным.

Материалом исследования послужил корпус современного галисийского языка Corpus de Referencia do Galego Actual (CORGA). На наш взгляд, для миноритарного языка он обладает достаточным объёмом контекстов из разных языковых сфер и может дать относительно объективную статистику, позволяющую говорить о некоторых языковых тенденциях. Используя метода сплошной выборки, мы рассмотрели конструкции с наиболее употребительными грамматическими формами (формы первого лица единственного числа индикатива, безличные конструкции третьего лица единственного числа и некоторые другие[55]) основных эпистемических и аксиологических предикатов галисийского языка, испанские аналоги которых позволяют выделить примеры ненормативного употребления наклонения. В целом данный корпус похож на соответствующие базы данных Испанской Королевской Академии (CREA и COPRES) и охватывает период с 1975 г. до наших дней. Он позволяет отдельно рассмотреть разговорные контексты и письменный узус, который, в свою очередь, подразделяется на контексты из прессы, научно-популярного дискурса и художественной литературы. При этом само собой разумеется, что разговорные элементы, имитация разговорного дискурса часто используются в художественной литературе, но также могут встречаться и в других типах текстов (интервью, научно-популярные статьи etc.)

[55] В данном исследовании мы сосредоточимся на контекстах, где говорящий совпадает с субъектом оценки, т.е. выражает собственную оценку действительности.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Конструкции с предикатами эпистемической оценки

Для начала рассмотрим конструкции с наиболее употребительными эпистемическими предикатами, описывающими уверенное мнение. Прежде всего, это наиболее распространённые глаголы *crer* ‘считать, полагать’ и *pensar* ‘думать, полагать’, а также характерный именно для галисийского языка *coidar* ‘думать, полагать’. Выступая в роли пропозициональной установки, данные лексемы описывают точку зрения говорящего, не акцентирующего внимания на возможных альтернативах. В иберо-романских языках норма предписывает им исключительно употребление с индикативом [Gramática, 1999: 3231]. При этом в некоторых галисийских исследованиях несколько абстрактно говорится о возможной вариативности: употребление субшунтива возможно, если пропозиция отрицается (см. о контекстах с отрицанием ниже) или сопровождается «субъективной» оценкой [Alvarez, Xove, 2002: 273-274].

Если брать наиболее распространённые конструкции *creo que* и *penso que*, то корпус даёт действительно большое количество вхождений: более 6000 (768 разговорных) и 2790 (253 разговорных) соответственно. При этом большое количество контекстов даёт и *coido que* (2130 всего и 50 разговорных). Как и ожидалось, количество ненормативных употреблений субшунтива минимально, при этом единственный обнаруженный пример с *coidar* взят из романа:

1. **Coido** que **non poida** haber unha soa persoa que en tantos anos non faga máis ca maldades. ‘Я думаю, что не может быть ни одного человека, который за столько лет не совершал бы ничего, кроме зла’.[56]

Подобное маргинальное употребление наклонения может быть связано с семантикой диктального предиката, чья модальная семантика возможности коррелирует с формой субшунтива: говорящий описывает невозможную для него ситуацию при помощи наклонения нереальности[57]. При этом употребление субшунтива может свидетельствовать и о снижении степени уверенности гипотезы, представленной говорящим как имеющая альтернативу.

Больше ненормативных контекстов может встретиться в языке, когда предикаты мнения модифицируются отрицанием. Конструкции типа *non creo que* ‘не думаю, что’ выражают сомнение в истинности пропозиции, предпочтение говорящим альтернативы той гипотезе,

[56] Здесь и далее перевод примеров наш. Жирным выделены предикаты внутреннего состояния в модусе и форма предиката в диктуме конструкции.

[57] О ненормативном употреблении наклонения с модальными глаголами в диктуме в испанском языке см. например [Ануфриев, 2009].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

которая описана в зависимой части высказывания. По сути, они синонимичны конструкциям с предикатом сомнения типа *dubido que* ‘сомневаюсь, что’, которые в норме употребляются с субшунтивом [Alvarez, Xove, 2002: 274]. В испанском языке в подобных контекстах могут встречаться употребления индикатива, что, по мнению лингвистов, как раз указывает на нейтрализацию оппозиции. Говорящий в конструкции с отрицанием может употреблять индикатив по аналогии с утвердительными высказываниями [Gramática, 1999: 2563].

В галисийском корпусе мы находим свыше 1000 примеров с *no(n)*[58] *creo*, при этом всего несколько примеров с индикативом, принадлежащих к разговорным контекстам (2 из 30 контекстов):

2. **Non creo** que os que a eses méritos **teñen que** poñerse límites ou barreiras. ‘Я считаю, что люди, обладающие этими достоинствами, не должны устанавливать для себя ограничения или барьеры’.

3. **No creo** que **non podemos** falar de un único xénero neste libro. ‘Я не думаю, что в этой книге можно говорить только об одном жанре’.

Таким образом, вопреки ожиданиям в галисийском языке ненормативный индикатив практически не употребляется. Можно предположить, что носители ориентируются на новую для них (в отличие от испанской) письменную норму, диктующую правила, редко нарушаемые и в разговорной речи.

Форма *penso* встречается с отрицанием значительно реже: 80 контекстов письменного употребления и 5 устного, причём 2 из 5 контекстов – примеры с индикативом (приводим один из них):

4. **Non penso** que **teñen** nada que ver. ‘Я не думаю, что они как-то связаны’.

Помимо принадлежности данных примеров к разговорному дискурсу ещё раз отметим тенденцию, когда ненормативное употребление индикатива затрагивает модальные предикаты возможности и долженствования *poder* и *ter que* (примеры 2 и 3).

Здесь же рассмотрим собственно конструкции с глаголом *dubidar* ‘сомневаться’. В сравнении с вышеописанными глаголами корпус фиксирует совсем небольшое количество вхождений. Если утвердительные конструкции *dubido que* (69 контекстов) употребляются с субшунтивом и не дают исключений, то контексты с отрицанием *non dubido que*, описывающие уверенность, вызывают больший интерес. На 13 контекстов приходится 5 употреблений

[58] Нормативная галисийская форма отрицания *non* в разговорной речи до сих пор варьируется с испанизированной формой *no*.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

непрогнозируемого здесь субшунтива, что противоречит семантике модуса конструкции, но опять же вписывается в тенденцию нейтрализации оппозиции наклонений после модуса с отрицанием:

5. **Non dubido** que vostede **sexa** un gran profesional. ‘Я не сомневаюсь, что вы — отличный профессионал’.

6. Eu **non dubido** que neerlandeses e fineses **non teñan** unha literatura tan importante coma calquera outra. ‘Я не сомневаюсь, что нидерландская и финская литература не уступают по значимости литературе любой другой страны’.

Данные примеры уже представляют собой художественный (5) и публицистический (6) дискурс. Если и возможно мотивировать употребление наклонения, то, по-видимому, только семантикой самого оценочного предиката.

Далее перейдём к так называемым предикатам предположения (creadores de mundos), описывающим не столько точку зрения, связанную с уверенностью, сколько гипотезу различной степени уверенности, предполагающую альтернативу. В галисийском языке это, прежде всего, сопоставимый по употребительности с вышеописанными предикатами мнения глагол *supoñer/supor* ‘предполагать’, близкие по семантике глаголы *imaxinar* ‘воображать, предполагать’, *admitir* ‘допускать’, а также предикат подозрения *sospeitar*. Их испанские аналоги в соответствии с нормой употребляются с индикативом, но дескриптивные исследования указывают на возможность употребления субхунтива говорящим с некоторыми грамматическими формами, что позволяет корректировать степень уверенности гипотезы [Gramática, 1999: 3228; Nueva gramática, 2010: 1891–1892].

Корпус даёт достаточное количество контекстов с *supoñer* (2060, 79 разговорных) и небольшое количество вхождений *imaxinar* (305) и *admitir* (31). При этом единичные примеры с субшунтивом дают именно последние два глагола:

7. **Imaxino** que o Guerra **seipa** a súa dirección. ‘Полагаю, что война уже определила своё направление’.

8. **Admito** que **poida** resultar estraño que non fuxiramos, pero o certo é que non tiñamos mellor sitio a onde ir. ‘Допускаю, может показаться странным, что мы не сбежали, но правда в том, что нам некуда было идти’.

Данные примеры взяты из художественной литературы. В примере 7 с помощью употребления субшунтива говорящий, вероятно, эксплицирует возможность альтернативы для собственной гипотезы, снижая ассертивную силу высказывания. В ещё большей степени это можно отнести к примеру 8, где говорящий, пытаясь оправдаться, приводит аргументы в свою

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

защиту, дистанцируется от основной пропозиции двойной модальной рамкой – эпистемическим допущением и аксиологической оценкой (странностью) своего поступка. Вполне логично, что он при этом употребляет и субшунтив, и модальный глагол, смягчающий оценку.

Глагол *sospeitar*, описывающий подозрение, не слишком уверенное предположение, даёт относительно небольшое количество вхождений (140), но при этом 5 примеров ненормативного наклонения. Приводим 2 из них:

9. **Sospeito** que o caso **puidera** coller de novas a máis dun lector, aínda que o fose por hábito do galego literario. ‘Подозреваю, что этот случай мог привлечь внимание не одного читателя, даже если это было связано с галисийской литературной традицией’.

10. En moitos dos casos son enerxías perdidas e **sospeito** que, ás veces, tamén **sinta** algo de vergoña polas miñas guerras. ‘Во многих случаях это пустая трата энергии, и я подозреваю, что иногда ей даже немного стыдно за свою агрессию’.

В примере 9 из художественной литературы желание говорящего убедить собеседника предположительно вуалируется дистанцированием от собственной гипотезы, помимо субшунтива снова используется модальный предикат *poder* в зависимой части. Пример 10 взят из интернет-дискурса, предельно близкого к разговорной речи. Употребление субшунтива опять же даёт возможность говорящему лишний раз подчеркнуть низкую степень уверенности в собственной гипотезе, заложенную в семантике оценочного предиката.

В отличие от глаголов уверенного мнения семантика рассмотренных предикатов в целом не предполагает отрицательной модификации. Тем не менее, обратимся к ещё одному типу высказываний с грамматическим вариантом исходной конструкции, где в модусе употребляется форма множественного числа косвенного наклонения. В конструкциях типа *supoñamos que* ‘предположим, что’ семантический субъект оценки также совпадает с говорящим, который выносит на суд слушателей гипотезу, часто заведомо фантастическую, предельно от неё дистанцируясь.

В данных конструкциях прогнозируются употребление обоих наклонений и, в отличие от формы единственного числа, форма *supoñamos que* образует ряд контекстов (как и в испанском языке[59]) с употреблением субшунтива – 20 примеров из 100, т.е. 20 % процентов

[59] Подробнее о данном типе конструкций в испанском языке см. [Ануфриев, 2012].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

контекстов[60]. Примеры представляют собой различные типы дискурса, в основном художественный и научно-популярный:

11. Para os amantes do xadrez **supoñamos** que a situación das fichas **fose** esta (…) ‘Для любителей шахмат предположим, что расположение фигур было следующим’.

12. Por isto, dixo que cómpre investigar, xa que "**supoñamos** que estes cartos **fosen** a unha rede mafiosa que reparte cursos e que queda co imposto". ‘По этой причине он заявил о необходимости расследования, сказав: «Предположим, эти деньги попали в мафиозную сеть, которая распределяет потоки и присваивает налог»’.

13. **Supoñamos** tamén que **tiveramos** cantidades iguais de cada tipo. ‘Предположим также, что у нас было равное количество каждого вида’.

14. Finalmente, **supoñamos** que **existisen** tanto partículas que se atraen como partículas que se repelen. ‘Наконец, предположим, что существуют как притягивающие, так и отталкивающие частицы’.

15. **Supoñamos** que a sustancia **se comportase** como un gas ideal. ‘Предположим, что вещество ведёт себя как идеальный газ’.

16. **Supoñamos** que che **mandaran** calcula-lo pH dunha disolución 0,300 molar de NH4Cl. ‘Предположим, что вам поручено рассчитать pH 0,300-молярного раствора NH_4Cl’.

Пример 11 взят из романа, пример 12 – из прессы. Говорящий использует рассматриваемую конструкцию, чтобы собеседники могли отстраниться от ситуации, описанной в диктуме. Диктальная пропозиция выглядит как бы вырванной из реальности, и использование субшунтива лишний раз подчёркивает её гипотетичность.

Как мы видим, данная конструкция встречается в различных языковых сферах, но наиболее частотна в научном и научно-популярном (примеры 13–16) дискурсе (в испанском языке наблюдается та же тенденция), где говорящий для большей наглядности часто описывает зачастую заведомо нереалистичные гипотезы. Примеры 13, 14 и 15, 16 взяты из двух научно-популярных книг соответственно. При этом в каждом из этих источников встречается больше примеров данных конструкций и единичные примеры с более типичным индикативом. Употребление же именно субшунтива, на наш взгляд, помогает говорящему заострить внимание на высокой степени абстрактности гипотезы. Отметим, что в примерах 13 и 16 употребляется форма имперфекта субшунтива на *–ra*, нормативная для испанского, но не для галисийского языка. Считается, что взаимозаменяемость форм *–se* и *–ra* под влиянием

[60] Чуть меньший процент примеров с сослагательным наклонением даёт *imaxinar* – 5 на 33.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

испанского языка свойственна разговорной речи [Freixeiro Mato, 2000: 358; Sousa, González Seoane, 2025]. Тем не менее, узус показывает, такое употребление характерно и для многих типов письменного дискурса.

Наконец, приведём ещё несколько интересных примеров:

17. Pero, en todo o caso... **supoñamos** que **atopase** eses aneis. Para que lle servirían? Para que? ‘Но в любом случае… предположим, что он нашел эти кольца. Для чего они могли бы пригодиться? Для чего?’

18. **Supoñamos** que **fose** verdade. Que asasinasen a Alfredo Comesaña. Quen cre que puido facelo? ‘Предположим, что это правда. Что Альфредо Комесанья был убит. Как вы думаете, кто мог это сделать?’

19. **Imaxinemos** que **fose** ela quen acoitelou a Judith. ‘Представим, что именно она ударила Джудит ножом’.

20. **Supoñamos** que Deus, **supoñendo** que **exista**, **ten** unha lista ordenada cos mortos que vai ter que recibir no Paraíso. ‘Предположим, что у Бога, если он существует, есть упорядоченный список умерших, которых он должен принять в Рай’.

Примеры 17–19 взяты из одного детективного романа. С одной стороны, можно предположить, что употребление именно субшунтива – это особенность идиолекта конкретного автора, о чём свидетельствует и аналогичный пример с *imaxinar*. С другой, с помощью вопросов автор подчёркивает гипотетичность точки зрения, и субшунтив может использоваться для акцентирования низкой степени вероятности.

Пример 20, взятый из пьесы, интересен тем, что гипотеза о списке выглядит как более реалистичная, а в существования Бога говорящий явно сомневается. Возможно, по этой причине говорящий в одной фразе в близких по смыслу конструкциях с *supoñer* употребляет оба наклонения.

Таким образом, в базовых пропозициональных конструкциях с эпистемическими предикатами галисийский язык в целом демонстрирует похожие на испанский тенденции в употреблении наклонений. Соотношение нормативного и нетипичного употреблений в рассмотренных конструкциях в целом схоже в двух языках. При этом роль социолингвистических факторов, в первую очередь, заметна в маргинальном употреблении субшунтива в контекстах с глаголами мнения. В остальном нетипичное употребление распределяется по разным языковым сферам. Исключением можно назвать большое количество употреблений сослагательного наклонения в конструкциях с *supoñamos que* именно в научно-популярной литературе.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Конструкции с предикатами аксиологической и эпистемической семантики

Теперь коснёмся употребления предикатов *esperar* ‘надеяться’ и *temer(se)* ‘бояться’, совмещающих эпистемическую и аксиологическую оценку. Нормативным для таких предикатов исторически было употребление с косвенным наклонением, в то время как индикатив стал употребляться относительно недавно и может считаться исключением. При этом аналогичные глаголы в испанском языке всегда приводятся в пример как допускающие вариативность наклонений: при актуализации эмотивного компонента употребляется субхунтив, а когда эмоция отходит на второй план и внимание фокусируется на эпистемическом прогнозе – индикатив [Ángeles Sastre, 1997: 101–102]. При этом в испанском узусе для *esperar* более типично употребление с субхунтивом, а для *temer(se)* всё зависит от выбора возвратной или невозвратной формы. Речь идёт лишь о наиболее частотных контекстах первого лица, рассматриваемых в настоящем исследовании: невозвратный модус *temo que* чаще употребляется с субхунтивом, возвратный *me temo que* – с индикативом [Ануфриев, 2009].

В галисийском корпусе количество нетипичных употреблений у *esperar* значительно меньше. На 643 письменных употребления приходится 11 примеров с нетипичным индикативом, на 40 разговорных – 2 индикатива:

21. **Espero** que esa influencia da Europa todos **iremos** véndoa e moito máis que no 1985. ‘Я надеюсь, что мы все увидим это влияние Европы, и гораздо большее, чем в 1985 году’.

22. Eu **espero** que **saberán** perdonarme. ‘Надеюсь, они меня простят’.

Большинство нетипичных употреблений представляют собой примеры из прессы (21) и художественной литературы (22).

Более интересную статистику даёт *temer(se)*. На 213 контекстов приходится 66 употреблений субшунтива и 142 индикатива. При этом подавляющее большинство обнаруженных вхождений – это примеры с невозвратной формой: 163 *temo que* против 50 *me temo que*. Интереснее всего, что употребление индикатива не связано напрямую с выбором возвратной формы предиката модуса и наоборот:

23. **Temo** que nos **traian** desgrazas. ‘Боюсь, они принесут нам несчастье’.

24. Mais moito **me temo** que neste terreo nada se **teña feito**. ‘Но я очень боюсь, что в этой области ничего не было сделано’.

25. Moito **me temo** que esto se sigue por esta vía. ‘Я очень опасаюсь, что это будет продолжаться в том же духе’.

26. Ademais, estou un pouco achispado e **temo** que **vou** saír de aí. ‘Кроме того, я немного брезглив и боюсь, что уеду оттуда’.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В принципе в примерах 23 и 26 употребление субшунтива и индикатива соответственно вполне прогнозируемо, если исходить из общего смысла предположений. Напротив, примеры 24 и 25 похожи (в том числе интенсификатором *moito* при модусе), и, возможно, именно употребление говорящим того или иного наклонения способствует достижению его прагматических целей – сфокусировать внимание на собственной эмоции (24) или на новой информации, т.е. гипотезе, описанной в диктуме (25).

В целом в конструкциях с данными предикатами можно увидеть две основные тенденции. Во-первых, контексты с индикативом в большей степени свойственны языку СМИ, где прогнозы важнее акцента на эмоциональном состоянии говорящего. Данная тенденция является общей для ибероромансских языков. Во-вторых, большее количество контекстов с индикативом представляет собой источники последних 20 лет, в то время как контексты 70–90-х гг. XX века в основном содержат субшунтив, что также вписывается в общую тенденцию прагматического употребления индикатива вместо конъюнктива.

Наконец, рассмотрим чисто аксиологические конструкции, описывающие сожаление и в соответствии с нормой употребляющиеся исключительно с сослагательным наклонением. В испанском языке конструкции типа *lástima que* ‘жаль, что’ могут употребляться с индикативом, а в некоторых латиноамериканских ареалах нетипичных употреблений значительно больше, чем на Пиренеях [Ануфриев, 2023]. По этой причине в галисийском языке, где также существует аналогичная конструкция *(ser unha) lástima que* и более распространённая сугубо галисийская *(ser unha) mágoa que*, мы также прогнозировали наличие нетипичного индикатива.

Корпус даёт 85 вхождений *lástima* (1 инд.) и 253 контекста с *mágoa* (9 инд.), т.е. процент нетипичного употребления значительно ниже, чем, например, в аргентинском испанском. Как и в испанском, в основном индикатив встретился в прессе и в художественной литературе:

27. **Lástima** que o rapto **caíra** en desuso. ‘Жаль, что похищения вышли из моды’.

28. **Mágoa** que Ernesto **tiña** frío, e tivo que meter as mans nos petos para volver sentir as xemas dos dedos. ‘Жаль, что Эрнесто замёрз, и ему пришлось засунуть руки в карманы, чтобы снова почувствовать кончики пальцев’.

29. **Mágoa** que o referendo **se volveu** convocar; e esta vez para ser gañado. ‘Жаль, что референдум был назначен снова, и на этот раз для того, чтобы его выиграть’.

30. **Mágoa** que a foto, din os internautas, non **é** desta "manifa", senón doutra. ‘Жаль, что, как утверждают пользователи интернета, фотография сделана не на этой «демонстрации», а на другой’.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Примеры 27 и 28 взяты из романов. Вероятнее всего, индикатив употребляется авторами, чтобы сфокусировать внимание на ситуации, описываемой в диктуме, тогда как эмоция говорящего сводится к досаде и отходит на второй план. Примеры 29 и 30 взяты из прессы, где ещё чаще акцент делается на факте, который может преподноситься говорящим как новая информация. В примере 29 говорящему важна, прежде всего, реальность назначения референдума, а в последнем примере факт подаётся как новая информация из чужих рук, в то время как отношение к нему говорящего явно оказывается на семантической периферии высказывания.

Таким образом, выбор наклонения, как и в случае с глаголами надежды и опасения, часто обусловлен прагматическими факторами, как и в испанском языке, хотя тенденция к употреблению индикатива проявляется в значительно меньшей степени.

4 | Заключение

На основе проведённого исследования корпуса можно сделать несколько базовых выводов.

Исследование данного языкового материала позволило выявить наиболее употребительные в галисийском языке эпистемические глаголы, выступающие в роли пропозициональной установки (*crer, pendar, coidar, supoñer*). На наш взгляд, исходя из корпусных данных, можно говорить о некоторых тенденциях, связанных с употреблением наклонений, и в целом соотношение нормативных/типичных и ненормативных/маргинальных/нетипичных употреблений близко к соотношению в пиренейском испанском (в латиноамериканских вариантах испанского процент «нетипичного» обычно выше). Подобные тенденции могут быть связаны как с непосредственным влиянием испанского, «под крышей» которого галисийский существовал долгое время, так и с поздней нормативизацией галисийского.

Большинство основных предикатов внутреннего состояния допускают употребление ненормативного наклонения – субшунтива для эпистемических глаголов (индикатива при отрицании) или индикатива для глаголов и предикативов, совмещающих аксиологическую и эпистемическую оценку. В последнем случае вовсе не приходится говорить о смерти конъюнктива, так как использования индикатива представляется скорее прагматически обусловленным исключением. Особняком стоит случай с глаголом *temer(se)*: здесь можно говорить лишь о более или менее типичном употреблении, но не о норме и исключениях.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

При выборе говорящим наклонения сложно разграничить влияние чисто прагматических и социолингвистических факторов. С одной стороны, именно разговорный дискурс, а также имитирующая его художественная литература и пресса (интервью) часто содержат примеры нетипичного употребления, с другой в рамках каждого типа дискурса говорящий, выбирая типичное или менее типичное наклонение, преследует чисто прагматические цели (стратегия описания гипотез в конструкциях *supoñamos que* в научно-популярных текстах). Хотя устная речь может быстрее перенимать тенденции, характерные для романского мира в целом, касательно разговорного дискурса кажется очевидным влияние испанского языка на носителей галисийского пиренейского. Ещё раз подчеркнём, что тенденция употребления индикатива вместо нормативного субшунтива во многих случаях характерна уже для галисийского XXI века, в то время как в контекстах 70–90-х гг. XX века, фиксируемых корпусом, ненормативный индикатив встречается реже.

Отметим, что корпусные данные подтверждают и тенденцию, связанную со свободным чередованием форм имперфекта субшунтива на *-se* и *–ra*. Этот фактор может затруднять анализ, так как из контекста не всегда ясно, употребляет ли говорящий субшунтив или плюсквамперфект индикатива.

Подчеркнём, что наше исследование галисийского языка находится на начальном этапе. Для получения более подробных и точных данных требуется более представительная статистическая база, подробный анализ функционирования галисийских оценочных лексем во всех формах, работа с информантами. На наш взгляд, дальнейшие исследования данной проблематики позволят как дополнить описание галисийского языка, так и осветить тенденции, характерные для романских языков в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриев А.А. (2009) Предикаты рациональной и эмоциональной оценки в испанском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 5. М.: Изд-во Московского университета. С. 173–183.

Ануфриев А.А. (2012) О некоторых особенностях употребления испанского глагола suponer // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков, № 4. М: ФГБУН ИЯз РАН. С. 3–14. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/1.pdf. Дата обращения: 06.02.2026.

Ануфриев А.А. (2020) Особенности функционирования предикатов пропозициональной установки в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков, № 13. М.: ФГБУН ИЯз РАН. С. 5–24. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2020_13_2/1.pdf. Дата обращения: 06.02.2026.

Ануфриев А.А. (2023) О некоторых особенностях употребления конструкций с семантикой сожаления в романских языках // Лингвистика и методика преподавания иностранных

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

языков, том 18, № 1. М.: ФГБУН ИЯз РАН. С. 25–49. Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2023_18_1/2.pdf. Дата обращения: 06.02.2026.

Гринина Е.А., Евдокимова А.А. (2022) Галисийский язык: история и современное состояние. М.: МГИМО-Университет. 232 с.

Зализняк А. А. (2006) Многозначность в языке и способы ее представления. — М. : Языки славянских культур. 672 с.

Нарумов Б. П. (2001) Галисийский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia. С. 517–535.

Снеткова М.С. (2019) О предпосылках выработки нормы современного галисийского языка // Вопросы иберо-романистики. Вып. 17. М.: МАКС Пресс. С. 278–292.

Снеткова М.С. (2021) Бинормативизм в галисийской лингвистике // Вопросы иберо-романистики. Вып. 18. М.: МАКС Пресс. С. 182–194.

Alvarez R., Monteagudo H., Regueira X. (1995) Gramática galega. Vigo: Galaxia. 568 p.

Alvarez R., Xove, X. (2002) Gramática de lingua galega. Vigo: Galaxia. 772 p.

Ángeles Sastre M. (1997) El subjuntivo en español. Salamanca: Colegio de España. 403 p.

Conocimiento y uso del gallego. Instituto Gallego de Estadística. Available at: https://www.ige.gal/igebdt/selector.jsp?COD=2951&idioma=es (Accessed: 11.10.2024).

CORGA Corpus de Referencia do Galego Actual. Available at: https://corpus.cirp.gal/corga/buscas (Accessed: 25.02.2026).

Freixeiro Mato X.R. (2000) Gramática de lingua galega II. Vigo: A Nosa Terra. 748 p.

Gramática descriptiva de la lengua española (1999) Madrid: Espasa. 5351 p.

Henríquez Ureña P., Alonso A. (1977) Gramática castellana. La Habana: Pueblo y Educación. 308 p

Joshua Project. Available at: https://joshuaproject.net/languages/glg (Accessed: 27.04.2020).

Nueva gramática de la lengua española (2010) Madrid: Espasa. 3885 p.

Sousa X., González Seoane E. (2025) Manual of Galician Linguistics. Berlin, Boston: Walter de Gruyter. 865 p.

REFERENCES

Anufriev, A.A. (2009) Predikaty ratsional'noj i emotsional'noj otsenki v ispanskom jazyke [Predicates of Rational and Emotional evaluation in Spanish]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 9. Filologija. № 5. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 173–183. (In Russian).

Anufriev, A.A. (2012) O nekotoryh osobennost'ah upotreblenija ispanskogo glagola *suponer* [On some of the peculiarities of the use of the Spanish verb *suponer*]. Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov, № 4. Moscow. Pp.3–14. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/1.pdf (Accessed: 06.02.2026) (In Russian).

Anufriev, A.A. (2020) Osobennosti functsionirivanija predikatov propozitsionalnoj ustanovki v latinoamerikanskih natsionalnyh variantah ispanskogo jazyka [Propositional attitude predicates in Latin American Spanish]. Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov, № 13. Moscow. Pp.5–24. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2020_13_2/1.pdf (Accessed: 06.02.2026) (In Russian).

Anufriev, A.A. (2023) O nekotoryh osobennost'ah upotreblenija konstruktsij s semantikoj sojalenija v romanskih jazykah [Semantics of regret in Romance languages: structure types, meaning, collocation restrictions]. Lingvistika i metodika prepodavanija inostrannyh jazykov, № 18. Moscow. Pp.25–49. Available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2023_18_1/2.pdf (Accessed: 06.02.2026) (In Russian).

Grinina, E.A., Evdokimova, A.A. (2022) Galisijskij jazyk: istorija i sovremennoe sostojanie [Galician language: history and current status]. M.: MGIMO-Universitet. 232 p. (In Russian).

Narumov, B.P. (2001) Galisijskij jazyk. Jazyki mira. Romanskie jazyki [Galician language. Languages of the world. Romanic languages]. M.: Academia. Pp. 517–535. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Snetkova, M.S. (2019) O predposylkah vyrabotki normy sovremennogo galisijskogo jazyka [On the prerequisites for developing a standard for the modern Galician language]. Voprosy ibero-romanistiki. Vyp. 17. M.: MAKS Press. Pp. 278–292. (In Russian).

Snetkova, M.S. (2021) Binormativizm v galisijskoj lingvistike [Double norm in Galician linguistics]. Voprosy ibero-romanistiki. Vyp. 18. M.: MAKS Press. Pp. 182–194. (In Russian).

Zalizniak, A. A. (2006) Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in language and ways of its representation]. M.: Yazyki slavianskih kultur Publ. 672 p. (In Russian).

Alvarez, R., Monteagudo, H., Regueira, X. (1995) Gramática galega [Galician grammar]. Vigo: Galaxia. 568 p. (In Galician).

Alvarez, R., Xove, X. (2002) Gramática de lingua galega [Grammar of the Galician language]. Vigo: Galaxia. 772 p. (In Galician).

Ángeles Sastre, M. (1997) El subjuntivo en español [Subjunctive in Spanish]. Salamanca: Colegio de España. 403 p. (In Spanish).

Conocimiento y uso del gallego. Instituto Gallego de Estadística. Available at: https://www.ige.gal/igebdt/selector.jsp?COD=2951&idioma=es (Accessed: 11.10.2024). (In Spanish).

CORGA — Corpus de Referencia do Galego Actual [Current Galician Reference Corpus]. Available at: https://corpus.cirp.gal/corga/buscas (Accessed: 25.02.2026). (In Galician).

Freixeiro Mato, X.R. (2000) Gramática de lingua galega [Grammar of the Galician language]. II. Vigo: A Nosa Terra. 748 p. (In Galician).

Gramática descriptiva de la lengua española [Descriptive grammar of Spanish]. (1999) Madrid: Espasa. 5351 p. (In Spanish).

Henríquez Ureña, P., Alonso, A. (1977) Gramática castellana [Spanish grammar]. La Habana: Pueblo y Educación. 308 p. (In Spanish).

Joshua Project. Available at: https://joshuaproject.net/languages/glg (Accessed: 27.04.2020).

Nueva gramática de la lengua española [New grammar of Spanish]. (2010) Madrid: Espasa. 3885 p. (In Spanish).

Sousa, X., González Seoane, E. (2025) Manual of Galician Linguistics. Berlin, Boston: Walter de Gruyter. 865 p.

Александр Александрович Ануфриев
Кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: aaanufriev@iling-ran.ru
https://orcid.org/0009-0009-3620-8202

Aleksander A. Anufriev
Candidate of philology, researcher,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: aaanufriev@iling-ran.ru
https://orcid.org/0009-0009-3620-8202

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Для цитирования: *Ануфриев А.А.* Употребление наклонений в конструкциях с предикатами внутреннего состояния в галисийском языке: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 82–101. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-05

For citation: *Anufriev A.A.* The use of moods in constructions with inner state predicates in Galician: a sociolinguistic aspect // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 82–101. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-05

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.03.2025;
approved after reviewing 10.01.2026;
accepted for publication 22.05.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-06

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ

УДК 81’26, 81’272

Владимир И. Карпов
Институт языкознания Российской академии наук
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается языковая ситуация в немецкоязычных кантонах Швейцарии на материале заговорной традиции первой трети XX в. Исследование выполнено на стыке социолингвистики, диалектологии, исторической лингвофольклористики. Цель работы – выявить влияние социолингвистических установок собирателей швейцарского фольклора на разработку методических принципов фиксации и публикации текстов вербальной магии в условиях многоязычия.

Материалом послужили опубликованные в этнографических журналах 1910–1930-х гг. методические анкеты и инструкции, а также образцы заговоров. Уже на раннем этапе был сформулирован принцип буквальной записи диалектных особенностей. В центре внимания оказывается феномен «заговорной диглоссии»: в немецкоязычной Швейцарии сеанс коммуникации строится на местном алеманнском диалекте, тогда как ядро заговора (христианские нарративы, клятвы, книжные формулы) произносится на общенемецком языке-стандарте.

Такая стратификация кодов маркирует разные источники магической силы: стандарт апеллирует к письменной традиции, диалект – к локальной бытовой магии. В статье анализируются конкретные заговорные тексты, демонстрирующие переходы между стандартом и диалектом на уровне лексики и морфологии. Утверждается, что каждый заговор представляет собой индивидуальную комбинацию кодов, где выбор языка предопределен не только ареалом фиксации, но и традицией передачи способностей к целительству и семантикой магического воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многоязычие, диглоссия, заговоры, немецкоязычная Швейцария, целительство, вербальная магия, лингвофольклористика

Примечание
Исследование поддержано проектом FMNE-2025-0008, выполняемым в Институте языкознания РАН.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Владимир И. Карпов, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-06

SOCIOLINGUISTIC AND DIALECTOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE PHENOMENON OF TRADITIONAL HEALING IN GERMAN-SPEAKING SWITZERLAND

UDC 81’26, 81’272

Vladimir I. Karpov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow,
Russian Federation

Acknowledgments
This research was supported by project FMNE-2025-0008 conducted at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Abstract

This article examines the linguistic situation in the German-speaking cantons of Switzerland on the basis of incantation traditions from the first third of the twentieth century. The study is situated at the intersection of sociolinguistics, dialectology, and historical folkloristic linguistics. Its aim is to identify the influence of the sociolinguistic attitudes of Swiss folklore collectors on the development of methodological principles for the recording and publication of verbal magic texts in a multilingual environment.

The material analyzed includes methodological questionnaires and guidelines published in ethnographic journals between the 1910s and the 1930s, as well as samples of incantation texts. At an early stage, the principle of recording dialectal features verbatim was established. Particular attention is paid to the phenomenon of “incantatory diglossia”: in German-speaking Switzerland, the communicative framework of a ritual performance is conducted in the local Alemannic dialect, whereas the core of the incantation (Christian narratives, oaths, and formulae derived from written sources) is recited in Standard German.

This stratification of linguistic codes indexes different sources of magical power: the standard language invokes the authority of the written tradition, while the dialect is associated with local folk magic. The article analyzes specific incantation texts that demonstrate shifts between Standard German and dialect at the lexical and morphological levels. It is argued that each incantation represents a unique combination of linguistic codes, in which language choice is determined not only by the area in which the text was recorded but also by traditions of transmitting healing knowledge and by the semantics of the intended magical effect
.

KEYWORDS: multilingualism, diglossia, charm, German speaking Switzerland, folk healing, verbal magic, linguafolcloristics

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Vladimir I. Karpov, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Языковая ситуация в Швейцарии, по общему мнению исследователей, изучена детально и в синхронном, и в диахроническом измерениях. Тем не менее, модель швейцарского многоязычия по-прежнему вызывает большой интерес у представителей различных научных областей «не только как гармоничный пример сосуществования языков и их подсистем, но и как феномен культурно-политической интеграции» [Смирнова, 2020: 89]. В фокусе внимания оказываются, как правило, вопросы языкового регулирования в зонах активного взаимодействия языка-стандарта и местных диалектов[61], а также факторы, влияющие на выбор того или иного идиома в различных ситуациях общения «в качестве инструмента демаркации от Германии и формирования национального самосознания немецкоязычной части населения Швейцарии» [Maslakova-Clauberg et al., 2022: 272]. В меньшей степени разработаны аспекты фольклорной диалектологии швейцарско-немецкого языкового континуума, в частности, проблемы территориальной дифференцированности языка фольклорных жанров и явление кодового переключения во время лечебных сеансов народных целителей. Между тем в современной Швейцарии, как пишет социолог и антрополог М. Женни, альтернативные методы лечения, включая целительство с использованием заговоров, по-прежнему очень востребованы (см., например, [Sharma et al., 2009]). Высокий интерес подтверждают и данные социологических исследований. Общенациональный опрос граждан Швейцарии, проведенный Федеральным агентством по статистике в 2024 г., показал, что доля респондентов, ответивших положительно на вопрос, верят ли они в существовании людей, обладающих даром целительства или ясновидения, составила 42 %; в 2019 г. этот показатель был еще выше – 45,1%[62].

Популярность целительства отчасти обусловлена историко-политическими факторами. В законодательных актах отдельных кантонов в Швейцарии закреплен принцип: «Die freie Heiltätigkeit ist gewährleistet» («Свобода врачебной деятельности гарантирована»). Данный принцип был провозглашен в 1871 г. на собрании законодателей кантона Аппенцель-

[61] Швейцарский немецкий язык (Schweizer Hochdeutsch) – стандартизированная форма, которая представляет собой отдельный национальный вариант, используемый в официальной переписке, в средствах массовой информации, в интернете и в деловой коммуникации в 17 из 26 кантонов. Кроме того, существует разговорная форма швейцарского немецкого языка, обычно называемая «Schwiitzer Dütsch», «Schwizerdütsch», «Schwiizertüütsch» и т.д. Данные обозначения являются собирательным термином для группы алеманнских диалектов Швейцарии. В нашей статье под «языковым стандартом» мы понимаем как собственно немецкий литературный язык в широком смысле (Hochdeutsch), так и его швейцарский вариант (Schweizer Hochdeutsch).

[62] https://fowid.de/meldung/religion-und-spiritualitaet-schweiz-2024

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Ауссерроден, три года спустя аналогичную формулировку одобрили депутаты в кантоне Гларус. Он означает, что каждый гражданин имеет право применять альтернативные методы лечения, соблюдая определенные условия, гарантирующие безопасность пациентов. Важным поворотным моментом стало официальное признание на уровне ЮНЕСКО швейцарского целительства в качестве нематериального культурного наследия человечества. Это решение было принято с учетом того, что такая практика глубоко укоренена в местных сообществах и вносит весомый вклад в формирование культурной идентичности швейцарцев.

Исследования ученых, посвященные феномену народного целительства в Швейцарии, носят междисциплинарный характер и направлены не только на описание лечебных практик как части культурного наследия, но и на выявление региональных различий в их языковом оформлении. При этом отмечаются определенные сложности в изучении ритуальной коммуникации: целители предпочитают открыто не демонстрировать свою деятельность, неохотно идут на контакт, поэтому собирателям фольклора приходится иметь дело «с молчанием и умолчаниями, <…> цензурой и самоцензурой, сомнением и неуверенностью» [Адоньева и др., 2023: 14] и по-особому выстраивать работу «с «невыразимым» и не сказанным напрямую» [там же]. Ситуация осложняется, с одной стороны, многоязычием в Швейцарии – наличием четырех официальных языков – с другой стороны, диглоссией на уровне взаимодействия официального языка и местного диалекта. В процессе коммуникации с пациентом и/или собирателем фольклора целитель как носитель определенного диалекта должен учитывать, какие информационные потери могут возникнуть, если общение строится на языке-стандарте[63] [Чукшис, 2023].

Цель исследования – выявить, как социолингвистические установки собирателей фольклора в немецкоязычной Швейцарии первой трети XX века повлияли на разработку основных принципов сбора и анализа вербальных магических текстов, а также охарактеризовать феномен диглоссии как особой стратификации кодов в ритуальной коммуникации. В статье анализируются методические инструкции и опросники, разработанные Эдуардом Гофманом-Крайером и его единомышленниками (1910–1930‑е гг.), в аспекте требований к фиксации диалектных особенностей заговорных текстов. На основе

[63] Ютта Дорнхайм характеризует общение этнографа с информантом как «интервью с двойным дном»: «Первостепенное значение имеют жизненные истории собеседников, связанные с обсуждаемой темой. К этому добавляются факторы межличностного взаимодействия в рамках актуальной жизненной ситуации. Иными словами, специфическая природа обсуждаемой проблемы в ее субъективном и объективном контексте, а также особенности языкового взаимодействия с ней играют решающую роль» [Dornheim, 1986: 77].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

опубликованных им образцов заговоров (от кровотечений, бородавок, ожогов, укусов и др.) описываются закономерности переключения между общенемецким стандартом и местным алеманнским диалектом и вводится понятие «заговорная диглоссия» как инструмент анализа языкового варьирования в ритуальном дискурсе. Материалом исследования послужили методические анкеты для собирателей фольклора, составленные Гофманом-Крайером, и тексты немецких заговоров и заклинаний, опубликованные в журнале «Швейцарская этнография». В качестве методов исследования использованы:

1. историко-функциональный анализ методических текстов (рассмотрение инструкций как социолингвистических нарративов);
2. лингвотекстологический анализ заговорных формул (выявление кодовых переключений на уровне лексики, морфологии и синтаксиса);
3. элементы социолингвистического моделирования (описание стратификации кодов «стандарт – диалект» в ритуальной коммуникации);
4. диалектологический комментарий (идентификация алеманнских архаизмов и редукционных процессов).

2 | История изучения немецких заговоров в Швейцарии в довоенный период

С инициативой начать широкомасштабную работу по изучению заговорно-заклинательной традиции на всем немецкоязычном пространстве выступили представители именно швейцарской школы этнографии Эдуард Гофман-Крайер (1864–1936) и Ганс Бехтольд-Штойбли (1886–1941), составители одного из наиболее полных справочников по верованиям и народной магии немцев – объемного «Словаря немецких суеверий», первый том которого увидел свет в 1927 г. Словарные статьи включали и образцы заговоров, полученных от респондентов из различных немецкоязычных регионов Европы. Гофман-Крайер еще в начале XX в. занялся составлением и рассылкой опросников, содержавших детализованную методику и длинный перечень вопросов, связанных с народной медициной и деятельностью целителей. В журнале «Швейцарская этнография» он публикует объявление с призывом присылать в редакцию тексты заговоров, защитные письма, сборники, старопечатные книги магического содержания и т.п. [Hoffmann-Krayer, 1914: 7]. К сбору и систематизации фольклорных данных присоединяется работавший в Германии этнограф Адольф Шпамер (1883–1953), благодаря которому весь полученный полевой материал удалось архивировать в одном месте – в Институте саксонской истории и этнографии в Дрездене. На сегодняшний день это

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

крупнейшее хранилище немецких заговоров и заклинаний, объем которого составляет примерно 28000 текстов, собранных в период с 1914 до 1950-е гг[64].

Подробнейший опросник, разработанный Гофманом-Крайером, был снабжен пошаговой инструкцией по сбору материала с просьбой обращать пристальное внимание на все факты, сопутствующие деятельности народных целителей. В частности, требовалось описать, как строится ритуал: в какое время и при каких условиях происходит сеанс (время суток и года, фаза луны, церковные праздники, наличие колокольного звона и т.п.), какое место выбирается знахарем (закрытое помещение, открытое пространство, водоем, костер, кладбище, деревья), в какой тональности произносится текст (крик, шепот, меняющаяся интонация), какие действия и средства при этом дополнительно используются (святая вода, травы, окуривание, животный жир и пр.), необходима ли специальная утварь для ритуала, связана ли эффективность лечения с запретами (например, не произносить определенных заклинаний, не использовать конкретные слова, отказаться от приема пищи или не носить каких-то элементов одежды), соотносятся ли заговоры с определенными молитвами (например, в каких случаях читается «Отче наш»), повторяется ли ритуал несколько раз за сутки или несколько дней подряд и т.д. Каждую запись следовало снабдить контекстными параметрами: информацией о месте фиксации, о профессии, примерном возрасте и происхождении опрашиваемого, а также выяснить, каким образом он приобрел дар целительства.

Особо оговаривалось пожелание к собирателям фиксировать заговор и сопутствующие комментарии в точности так, как они произносились самим целителем, и не вносить по своему усмотрению произвольные правки и улучшения в текст: «Запись производится буквально, со всеми ошибками касаемо языка, письма и печати. Любое отклонение от уже известного варианта имеет свою ценность. Диалектно звучащий материал записывается, как произносится. Собственные добавления, исправления или предположения допустимы только с пояснениями» [Hoffmann-Krayer, 1916: 161–162]. Еще раньше в письме к собирателю народных песен в кантоне Люцерн А.Л. Гассману от 15.11.1905 г. Гофман-Крайер уточняет: «Лучше пусть будет непонятое и непонятное слово, бессмысленный текст, произнесенный кем-то из народа, чем текст, выправленный собирателем» (цитируется по [Trümpy, 1964: 122]). Таким образом, уже на стадии разработки методических рекомендаций Гофман-Крайер с

[64] Работа прерывалась во время Второй мировой войны и была возобновлена после ее окончания, но уже на территории ГДР, поэтому для западных немцев архив долгое время оставался недоступным.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

единомышленниками, размышляя над вопросом, допустимо ли «печатать тексты с диалектными и другими особенностями или устранять их» [Новиков, 1966: 73], озвучил важнейший принцип эдиционной текстологии фольклора, который позже ляжет в основу этнографической работы в других странах. В советской этнографии В.Я. Пропп первоначально также сформулировал аналогичные требования к первичной фиксации и редактированию фольклорных текстов, правда, с допущением, что «осторожно проведенная замена некоторых или даже всех диалектальных особенностей произношения общерусскими произносительными нормами при соответствующей оговорке и мотивировке для некоторых типов изданий вполне возможна без всякого ущерба для фольклористики» [Пропп, 1956: 205]. В то же время, как добавляет Пропп, любая «обработка особенностей словоизменения, словообразования и пр. недопустима. Вмешательство редактора в этих случаях представляло бы собой уже не только языковую, но и литературную правку и обработку» [там же, 205]. К сожалению, методологическая «двойственность» такого подхода приводила порой к изъятию «из текста диалектных особенностей там, где сохранение их было необходимым для целостности и полноты передачи художественного стиля» [Новиков, 1966: 85].

Последняя серьезная попытка собрать этнографические данные о народной медицине в довоенный период была предпринята швейцарскими исследователями в начале 1930-х гг. В журнале «Швейцарский архив этнографии» была напечатана анкета, содержавшая 1579 вопросов, которые охватывали почти все области народной жизни в немецкоязычной Швейцарии, в том числе и целительство; целью опроса было «выявить некоторые ранее неизвестные обычаи, традиции или локальные особенности» [Fragebogen, 1931: 101]. Вербальная магия отдельно не рассматривалась, а заклинательные формулы и заговорные тексты запрашивались исключительно как иллюстративный материал в разделах, посвященных гаданиям и предсказаниям в определенные дни или периоды года, способам защиты домашнего хозяйства, скота и местных жителей от колдовства, сглаза, болезней, непогоды и проч. Специально были выделены разделы «Демоны, духи, ведьмы, колдуны» (вопросы №№1080–1167), «Народная медицина» (вопросы №№1403–1555) и подразделы «Вредоносное колдовство» (вопросы №№1289–1305) и «Разное» в разделе «Суеверия» (вопросы №№1318–1398), также включавшие вопросы об использовании магических средств в различных жизненных ситуациях. Однако несмотря на явный интерес исследователей к народной магии, и в этих частях опросника сакральные формулы или заговоры упоминались только в трех местах: в вопросах №1117 («Какие меры предосторожности и фразы

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

используются при встречах с духами?»), №1132 («С помощью каких знаков и фраз можно отогнать духов?») и № 1431 («Знают ли [респонденты] заговоры и заклинания от ран и болезней? Как они называются?»). Ни в одном из случаев запрос информации не сопровождался методическим комментарием относительно языковой составляющей записей.

3 | Диалектология фольклора и вопросы языкового варьирования

В опубликованном Гофманом-Крайером в 1914 г. опроснике также приведены примеры заговоров и заклинаний. Они были распределены по видам заболеваний, чтобы респондентам было понятно, о каком конкретно материале идет речь. Перечень содержал наиболее распространенные типы заговорных текстов, которые использовались знахарями в немецкоязычных кантонах Швейцарии. Важно отметить, что все языковые особенности при публикации также сохранены, что позволяет судить о практическом применении принципов фиксации этнографического материала в условиях так называемой «медиальной диглоссии», то есть при неравномерном распределении функциональных ролей диалекта и языкового стандарта в письменной и устной речи (об этом феномене подробнее см. [Копчук, 2018]). Приводимые Гофманом-Крайером тексты заговоров представляют собой пример «языковой коллизии» как характерного локального признака ритуальной коммуникации в Швейцарии: если сам сеанс общения целителя с пациентом или собирателем фольклора строится на местном диалекте, то лечебный заговор произносится, как правило, на общенемецком языке-стандарте с диалектными вкраплениями. Тексты, составленные полностью на диалекте, встречаются крайне редко. Подобная ситуация сохраняется в немецкоязычных кантонах среди народных целителей и в настоящее время (примеры см. [Inauen, 1995]). На севере Германии мы наблюдаем обратное явление – значительное число заговоров зафиксировано на нижненемецком диалекте, в то время как коммуникация производится либо на общенемецком языковом стандарте, либо на смешанном региональном варианте (регионолекте) [Карпов, 2011].

Обратимся к некоторым из примеров, которые Гофман-Крайер печатает в журнале «Швейцарская этнография» [Hoffmann-Krayer, 1914: 7–8]. Отметим, что только один из них приводится полностью на диалекте, еще один записан на общенемецком стандарте, в остальных заговорах наблюдается незначительное влияние местного диалекта на уровне лексики и морфологии. Все тексты снабжены данными о месте фиксации, но лица, приславшие их, не упоминаются.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Первым дается заговор от кровотечений, который начинается с диалектно оформленного императива, но последующие части произносятся на стандартном немецком языке:

(1) Blüt gestand, gestand,
So wahr als Einer ist,

Der kein falsches Urteil spricht

Und in seinem Herzen besser ist.

Кровь, остановись, остановись,

Так же верно, как [верен] Тот,

Кто не вынесет ложного приговора

И сердцем своим добрее других.

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Наиболее распространенной дерматологической причиной обращения к целителям были и остаются бородавки. В объявлении описывается способ избавления от них: при растущей луне необходимо встать на место, на которое падает лунный свет, повернуться к нему лицом и, поглаживая бородавку, произнести текст, записанный на общенемецком стандарте:

(2) Was im Mond ist, soll zunehmen,
Was an den Warzen ist, soll verschwinden.

Что на Луне, пусть прибывает,

Что на бородавке, пусть исчезает.

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Ожог, полученный от крапивы, можно снять, натерев пораженный участок травой под названием «марь цельнолистная» (Chenopodium bonus-henricus) и сопроводив заговором:

(3) Nomini Patri
Neßje machund Blattre

Mit Heimina ribu

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Das tüets sus vertribu.

Именем Отца

Крапива сотворила волдыри,

Я натру их марью,

Это их изгонит.

(место фиксации – г. Мерель, кантон Вале (Валлис))

Заговор начинается с латинского вступления (усеченный вариант формулы «In Nomini Patri») и продолжается уже исключительно на местном диалекте с соблюдением всех диалектных грамматических особенностей.

Отдельно упоминаются защитные заговоры от грабителей и различных опасностей, угрожающих дому и его обитателям. Для заговоров этой тематической группы характерно указание конкретного объекта или местности (в данном случае округа Виллизау и коммуны Эттисвиль в кантоне Люцерн) и ориентированность на местный диалект, поэтому текст изобилует как лексическими, так и грамматическими диалектизмами (стандарт сохраняется при упоминании сакральных имен, использовании устойчивых сочетаний и союзов):

(4) Walt Gott über öises Hus
Die liebi Frau

Und ‘s heilig Bluet vo Willisau

Und ‘s heilig Sakerment vo Ettiswil

Well Tag und Nacht bi-n-is sy.

Господь, властвуй над всем домом,

И пресвятая Дева,

И кровь святая в Виллизау,

И причастие святое в Эттисвиле.

Да будет так у нас и днем, и ночью.

(место фиксации – кантон Люцерн)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

От укуса злых (бешеных) собак, в частности, советуют, сложив пальцы правой руки в кукиш, сказать, обращаясь к животному:

(5) Hund,
Halt din Mund,

Legg e uf d'Erde.

Gott hät mich erschaffe

Un dich la werde.

Собака,

Закрой пасть,

Ложись на землю.

Бог создал меня

И от тебя избавит.

(место фиксации – коммуна Шталликон, кантон Цюрих)

Здесь мы также имеем дело со смешением диалектных элементов и языкового стандарта: все существительные и личные местоимения в винительном падеже даны по-немецки, глагольные формы, предлоги и местоимение в дательном падеже – на диалекте.

Последним в перечне приводится пример заговора от растяжения связок, для этой процедуры смешивают разогретый свиной жир с солью, затем наносят смесь на больное место и шепчут:

(6) Und als Christus ging über die Heid,
Fiel er um auf einen Stein

Und enträichte sich die Hand

Und mit Salz

Und mit Schmalz

Wusch er sie im Namen +++.

И когда Христос по роще шел,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Споткнувшись о камень, упал

И вывихнул себе руку

И солью,

И смальцем

Натер ее (рану) во имя +++.

(место фиксации – г. Лаупен, кантон Берн)

За исключением глагольной формы enträichte и орфографических особенностей, связанных, по всей видимости, с записью заговора собирателем, текст полностью составлен на немецком языковом стандарте.

В представленных выше примерах наблюдается типичная для немецкоязычной Швейцарии XIX – первой трети XX веков «заговорная диглоссия», которая проявляется в следующем:

1. Стратификация по функции: стандартный немецкий (в примерах 1, 2 и зачин 6-го) используется для библейских/христианских нарративов, клятв и книжных формул, не привязанных к локусу; здесь стандарт маркирует авторитет письменной традиции.
2. Алеманнский диалект (примеры 3, 4, 5, фрагмент 6-го) используется для прямой императивной магии (tüets vertribu), топографической привязки (vo Willisau) и обращения к духам, растениям и животным (Hund, Halt din Mund); стандарт маркирует локальную, телесную магию.
3. Языковые реликты и диалектизмы: архаичные глагольные формы в алеманнских диалектах, восходящие к средневерхненемецкому; диалектные формы инфинитива; предлог vo вместо von и элизия артикля (‘s heilig Bluet) как типичные признаки редукции в швейцарских диалектах, невозможные в стандарте.
4. Латинские вставки выполняют роль «акустического ключа»: узнаваемые звуки церковной службы активируют магическую силу и усиливают суггестивный эффект.

С точки зрения исторической лингвистики и диалектологии, данные тексты демонстрируют ситуацию, когда устная диалектная традиция в бесписьменных сообществах начинает записываться, но при этом сохраняет черты, утраченные или несвойственные для современного немецкого языкового стандарта. Таким образом, каждый заговор представляет

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

собой индивидуальную комбинацию кодов, где выбор между стандартом и диалектом определяется не только ареалом распространения или фиксации, но и предполагаемым источником магической силы. В частности, при упоминании Бога, Христа, Девы Марии или Писания требуется перейти на стандарт, а при перечислении бытовых артефактов, животных и растений, названий болезней и местных святынь достаточно знать локальный диалект.

4 | Заключение

Проведенный анализ методических принципов фиксации заговорных текстов в немецкоязычной Швейцарии первой трети XX в. и самого вербального материала позволяет сформулировать несколько выводов, значимых для современной социолингвистики и диалектологии фольклора.

Во-первых, швейцарская модель многоязычия и диглоссии не сводится к простому функциональному распределению «высокого» (стандарт) и «низкого» (диалект) кодов в ритуальной сфере. Именно в лечебной магии возникает особый тип ситуативно-смысловой стратификации, где выбор кода определяется не только степенью формальности общения, но и онтологическим статусом произносимого: обращение к сакральным персонажам и письменной традиции требует стандарта, тогда как манипуляции с телом, животными, растениями и локальными артефактами кодируются диалектом. Этот феномен, который можно обозначить как «заговорная диглоссия», не описывается в рамках классической модели Ч. Фергюсона или расширенных моделей диглоссии Дж. Фишмана, поскольку в ней отсутствует иерархия престижа в чистом виде, оба кода выполняют взаимодополняющие, но не взаимозаменяемые магические функции.

Во-вторых, обращение к архивным методическим дискуссиям начала XX века показывает, что уже в тот период европейские этнографы (в частности, швейцарцы Э. Гофман-Крайер и Г. Бехтольд-Штойбли) интуитивно пришли к принципам, которые в современной социолингвистике формулируются как требование фиксации естественной языковой вариативности без редукции под влиянием стандарта. Требование записывать «непонятое и непонятное слово» именно так, как оно было произнесено, предвосхитило подходы к документированию исчезающих и малых языков, где любое «улучшение» собирателем уничтожает уникальную социолингвистическую информацию (от фонетических особенностей до кодовых переключений, маркирующих смену дискурсивных регистров).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В-третьих, сопоставление швейцарской методической традиции с дискуссионной позицией В.Я. Проппа о допустимости «осторожной замены» диалектных особенностей выявляет принципиально различные эпистемологические установки. Швейцарская школа исходила из презумпции значимости любого отклонения, видя в диалектизме не дефект записи, а источник данных о локальной идентичности и способах конструирования магической реальности. Раннесоветский подход В.Я. Проппа, сформировавшийся под влиянием формальной школы 1920–30-х гг. и отразившийся в его более поздних публикациях, при всем уважении к аутентичности допускал выравнивание произносительных норм как возможный компромисс для определенных типов изданий. Эта дихотомия остается актуальной и сегодня – в эпоху корпусной лингвистики и оцифрованных архивов перед исследователем вновь встает вопрос: должен ли публикуемый фольклорный текст отражать реальную речевую деятельность во всей ее хаотичности или подчиняться издательским конвенциям, облегчающим чтение, но нивелирующим социолингвистические маркеры?

Наконец, анализ конкретных заговорных текстов показал, что диглоссия в Швейцарии не является статичным явлением: степень проникновения диалекта в стандартные формулы варьируется от полного диалектного текста (в редких случаях и преимущественно в записях довоенного времени) до почти чистого стандарта (наиболее частотное явление в наши дни). Это свидетельствует о континуальном характере кодового взаимодействия, где граница между идиомами не абсолютна, а представляет собой зону перманентных гибридных образований. В ритуальном дискурсе механизмы переключения кодов могут быть мотивированы не только прагматикой и ситуацией, но и глубинными семантическими оппозициями «сакральное/профанное», «письменное/устное», «универсальное/локальное». Исследование швейцарского заговорного материала начала XX в. оказывается релевантным вкладом в современную социолингвистику. Оно предлагает эмпирически обоснованную модель анализа ритуальной диглоссии, которая может быть экстраполирована на другие многоязычные сообщества, где традиционная медицина и вербальная магия продолжают функционировать как живая практика.

ЛИТЕРАТУРА

Адоньева С.Б., Алтухова А.Н., Белов М.Д. [и др.] (2023) Лингвистическая антропология // Антропологический форум. № 58. С. 12–189. DOI 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189.

Карпов В.И. (2011) К проблеме изучения феномена code-mixing на материале немецких фольклорных текстов // Вестник Новосибирского государственного университета.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 9, № 2. С. 90–95. EDN MYUDRM.

Копчук Л.Б. (2018) Проблема языкового стандарта в условиях диглоссии немецкого языка Швейцарии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11-2(89). С. 343–350. DOI 10.30853/filnauki.2018-11-2.28.

Пропп В.Я. (1956) Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. Т. 1. 346 с.

Смирнова М.А. (2020) Итальянский язык в кантоне Граубюнден (Швейцария): социолингвистические и методологические аспекты изучения. // Социолингвистика. № 4(4). С. 88–102. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-88-102

Чукшис В.А. (2023) Роль диалекта как средства идентификации швейцарской языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Том 16. Выпуск 2. С. 572–576. DOI: 10.30853/phil20230043

Dornheim J. (1986) 'Doppelbödiges Sprechen' im volkskundlichen Interview. In: Brekle, H.E., Maas, U. (eds) Sprachwissenschaft und Volkskunde. VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 77–89. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87627-0_4

Fragebogen über die schweizerische Volkskunde (1931) // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Band 31. P. 101–142

Hoffmann-Krayer E. (1914) Eine Sammlung deutscher Segens- und Beschwörungs-Formeln // Schweizer Volkskunde: Korrespondenzblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde. Band 4. Heft 2. P. 7–8

Hoffmann-Krayer E. (1916) Aufruf zur Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln. Verband deutscher Vereine für Volkskunde // Frankenland. Illustrierte Monatsschrift für Geschichte, Kunst, Kunsthandwerk, Literatur, Volkskunde und Heimatschutz in Franken. Band 3, Heft 1. P. 160–170, 213–220

Inauen R. (1995) För Hitz ond Brand. Gebetsheilerinnen und Gebetsheiler in Appenzell Innerrhoden. // Kräuter und Kräfte. Heilen im Appenzellerland. Walter Irniger (hrsg.). Herisau. P. 47–69

Maslakova-Clauberg N. I., Clauberg R. (2022) Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. № 19. С. 263–273. DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273

Sharma R., Magali J. (2009) Heilerinnen und Heiler in der Deutschschweiz: Magnetopathen, Gebetsheiler, Einrenker. Lausanne: Editions Favre. 288 p.

Trümpy H. (1964) Aus Eduard Hoffmann-Krayers Briefwechsel. // Schweizerisches Archiv für Volkskunde. Band 60. Heft 3-4. P. 113–132

REFERENCES

Adon'eva, S.B., Altukhova, A.N., Belov, M.D. et al. (2023) Lingvisticheskaya antropologiya [Linguistic anthropology], *Antropologicheskiy forum* [Anthropological Forum], no. 58, pp. 12–189. https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189 (In Russian).

Karpov, V.I. (2011) K probleme izucheniya fenomena code-mixing na materiale nemetskikh fol'klornykh tekstov [On the problem of studying the phenomenon of code-mixing on the material of German folklore texts], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], vol. 9, no. 2, pp. 90–95. (In Russian).

Kopchuk, L.B. (2018) Problema yazykovogo standarta v usloviyakh diglossii nemetskogo yazyka Shveytsarii [The problem of the language standard in the context of diglossia of the German language in Switzerland], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 11–2(89), pp. 343–350. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.28 (In Russian).

Propp, V.Ya. (1956) Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora [Textological editing of folklore records]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research], vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 346 p. (In Russian).

Smirnova, M.A. (2020) Ital'yanskiy yazyk v kantone Graubyunden (Shveytsariya): sotsiolingvisticheskie i metodologicheskie aspekty izucheniya [The Italian language in the canton of Graubünden (Switzerland): sociolinguistic and methodological aspects of study], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(4), pp. 88–102. https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-4-4-88-102 (In Russian).

Chukshis, V.A. (2023) Rol' dialekta kak sredstva identifikatsii shveytsarskoy yazykovoy lichnosti [The role of dialect as a means of identifying a Swiss linguistic persona], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], vol. 16, iss. 2, pp. 572–576. https://doi.org/10.30853/phil20230043 (In Russian).

Dornheim, J. (1986) 'Doppelbödiges Sprechen' im volkskundlichen Interview ['Double-bottomed speech' in the folkloristic interview]. In: Brekle, H.E. and Maas, U. (eds) *Sprachwissenschaft und Volkskunde* [Linguistics and Folklore]. VS Verlag für Sozialwissenschaften, pp. 77–89. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87627-0_4 (In German).

Fragebogen über die schweizerische Volkskunde [Questionnaire on Swiss folklore] (1931), *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* [Swiss Archives of Folklore], Band 31, pp. 101–142. (In German).

Hoffmann-Krayer, E. (1914) Eine Sammlung deutscher Segens- und Beschwörungs-Formeln [A collection of German blessing and incantation formulas], *Schweizer Volkskunde: Korrespondenzblatt der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde* [Swiss Folklore: Correspondence Journal of the Swiss Society for Folklore], Band 4, Heft 2, pp. 7–8. (In German).

Hoffmann-Krayer, E. (1916) Aufruf zur Sammlung der deutschen Segen- und Beschwörungsformeln. Verband deutscher Vereine für Volkskunde [Call for the collection of German blessing and incantation formulas. Association of German Societies for Folklore], *Frankenland. Illustrierte Monatsschrift für Geschichte, Kunst, Kunsthandwerk, Literatur, Volkskunde und Heimatschutz in Franken* [Franconia. Illustrated Monthly Journal for History, Art, Crafts, Literature, Folklore and Heritage Protection in Franconia], Band 3, Heft 1, pp. 160–170, 213–220. (In German).

Inauen, R. (1995) För Hitz ond Brand. Gebetsheilerinnen und Gebetsheiler in Appenzell Innerrhoden [For heat and fire. Prayer healers in Appenzell Innerrhoden]. In: Irniger, W. (hrsg.) *Kräuter und Kräfte. Heilen im Appenzellerland* [Herbs and Powers. Healing in the Appenzell Region]. Herisau, pp. 47–69. (In German).

Maslakova-Clauberg, N.I. and Clauberg, R. (2022) Schweizerdeutsch in einer Welt im Wandel [Swiss German in a changing world], *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian Germanistics: Yearbook of the Russian Union of Germanists], no. 19, pp. 263–273. https://doi.org/10.47388/2782-2605/lunn2022-19-263-273 (In German).

Sharma, R. and Magali, J. (2009) *Heilerinnen und Heiler in der Deutschschweiz: Magnetopathen, Gebetsheiler, Einrenker* [Healers in German-speaking Switzerland: Magnetopaths, Prayer Healers, Bonesetters]. Lausanne: Editions Favre, 288 p. (In German).

Trümpy, H. (1964) Aus Eduard Hoffmann-Krayers Briefwechsel [From Eduard Hoffmann-Krayer's correspondence], *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* [Swiss Archives of Folklore], Band 60, Heft 3–4, pp. 113–132. (In German).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Владимир Ильич Карпов
Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: wi.karpow@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0002-1377-1643

Vladimir I. Karpov
Doctor of Philology, leading research fellow,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: wi.karpow@iling-ran.ru
https://orcid.org/0000-0002-1377-1643

Для цитирования: *Карпов В.И.* Социолингвистические и диалектологические аспекты изучения феномена народного целительства в немецкоязычной Швейцарии // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 102–118. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-06

For citation: *Karpov V.I.* Sociolinguistic and dialectological aspects of the study of the phenomenon of traditional healing in German-speaking Switzerland // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 102–118. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-06

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.04.2025;
approved after reviewing 10.02.2026;
accepted for publication 30.05.2026.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-07

ОТ РУССКОГО МНОГОТОЧИЯ К ФРАНЦУЗСКОМУ: К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

УДК 81`27

Виталий А. Нуриев
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Представлено контрастивное корпусное исследование многоточия в русском и французском языках (в переводном направлении русский-французский). Сопоставляются функциональный потенциал пунктуационного знака и частота его употребления, выявляются зоны функциональной симметрии и асимметрии. Исследовательским инструментом служит база данных, функционирующая на основе параллельных корпусов Национального корпуса русского языка. С ее помощью установлено, что многоточие отличается большей продуктивностью в русском языке. При переводе оно может индуцировать трансформационные сдвиги (замену многоточия иными знаками препинания или его опущение), что подтверждает тезис о несовпадении «прагматических фильтров» в разных языковых культурах. Показано, что в сопоставляемых языках одной из основных функций многоточия – наряду с обозначением незаконченности, заминки, перерыва (обрыва) в речи, резкого повествовательного поворота и т.д. – является обеспечение доступа к эмоциональному подтексту. Исследование доказывает, что пунктуационная система обладает динамической устойчивостью: она способна одновременно сохранять функциональное ядро знака и адаптироваться к прагматическим нормам принимающей культуры. Социолингвистическая составляющая работы затрагивает межъязыковую вариативность пунктуации, проводя мысль о том, что многоточие – маркер письменной речи, отражающий культурно обусловленные особенности общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пунктуация, многоточие, межъязыковая асимметрия, вариативность, корпусные информационные инструменты, параллельный корпус, русский, французский

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Виталий А. Нуриев, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-07

FROM RUSSIAN TO FRENCH ELLIPSIS MARKS: A CROSS-LINGUISTIC PERSPECTIVE ON PUNCTUATION VARIABILITY

UDC 81 27

Vitaly A. Nuriev
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN)
Russian Academy of Sciences
Moscow,
Russian Federation

Abstract

This article presents a contrastive corpus-based study of the ellipsis mark in Russian and French, focusing on the Russian–French translation direction. The study compares the functional potential of this punctuation mark and its frequency of use, identifying areas of functional symmetry and asymmetry. The research is based on a database operating on the parallel corpora of the Russian National Corpus.

The analysis demonstrates that the ellipsis is more productive in Russian than in French. In translation, it may trigger transformational shifts, including its replacement by other punctuation marks or its omission altogether, thus confirming the hypothesis that different linguistic cultures employ distinct "pragmatic filters." The findings show that, in both languages, one of the principal functions of the ellipsis – alongside indicating incompleteness, hesitation, interruptions or breaks in speech, abrupt narrative shifts, and other discourse phenomena – is to provide access to emotional subtext.

The study further demonstrates that punctuation systems exhibit dynamic stability: they are capable of preserving the functional core of a punctuation mark while simultaneously adapting to the pragmatic norms of the target culture. The sociolinguistic dimension of the research addresses cross-linguistic variation in punctuation practices and argues that the ellipsis functions as a marker of written discourse that reflects culturally conditioned patterns of communication.

KEYWORDS: punctuation, ellipsis mark, cross-linguistic asymmetry, variability, corpus-based information tools, parallel corpus, Russian, French

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Vitaly A. Nuriev, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется устойчивым интересом к изучению пунктуации как динамичного, социально обусловленного ресурса письменной коммуникации. Исследовательский фокус направлен на функциональную нагрузку знаков препинания, их роль в организации дискурса и способность выступать маркером коммуникативной интенции говорящего. Этот интерес вызван тем, что в цифровую эпоху, став средством-медиатором электронного общения, знаки препинания активно меняют свои привычные функции, несмотря на регуляторную жесткость правил их постановки, обозначенных в нормирующей литературе (см. об этом [Кронгауз, 2025; Busch, 2021]).

Нашим исследовательским объектом является многоточие. Оно представляет собой один из тех знаков препинания, практика использования которых в цифровой среде претерпевает значительную функциональную трансформацию, адаптируясь к новым коммуникативным условиям [Steinsiek, Beißwenger, Zang, 2025: 89]. Это положение коррелирует с задачей настоящей статьи – выявить функциональную нагрузку многоточия, зоны функциональной симметрии и асимметрии в русском и французском языках, учитывая как нормативные предписания, так и узуальные предпочтения. В анализе эмпирического материала постановка многоточия интерпретируется как речевое действие, используемое для развертывания языковой структуры и обозначения субъектной позиции в диалоге: при формулировании правил постановки многоточия реконструируется речевая ситуация, ее прагматические характеристики, распределение коммуникативных ролей и т.д.

Социолингвистическое изучение многоточия естественным образом связано с вопросами межъязыковой вариативности и последствий этой вариативности для перевода. Как социокультурные нормы, разнящиеся от одной национальной общности к другой и опосредующие письменную коммуникацию, влияют на перевод пунктуации? Контрастивные корпусно-ориентированные исследования показывают, что использование многоточия в немецком и китайском языках, например, имеет свои специфические закономерности [Steinsiek, Beißwenger, Zang, 2025]. В этой связи отдельной исследовательской задачей стало установление частотности многоточия в двух сопоставляемых языках, а иллюстративный эмпирический материал было решено приводить в форме параллельных контекстов.

В статье три основных раздела, они выделены в соответствии с трехчастной структурой, которая сформирована с опорой на [Ström Herold, Levin, 2021; Pecorari, Longo, 2021].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Материал и метод

Эмпирический речевой материал имеет совокупный объем более 7 млн словоупотреблений в двух параллельных корпусах Национального корпуса языка (НКРЯ) – французско-русском и русско-французском. Он обрабатывался с помощью базы данных, функционирующей на основе параллельных корпусов НКРЯ и оснащенной пунктуационным поиском.

Поисковые запросы в базе данных имеют следующую структуру:

а) многоточие в исходном тексте (ИТ); многоточие в переводном тексте (ПТ);

б) многоточие в ИТ; иной пунктуационный знак в ПТ (иным пунктуационным знаком считается в том числе !.. / для французского !... и ?.. / для французского ?...);

в) многоточие в ИТ; отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ПТ;

г) иной пунктуационный знак в ИТ; многоточие в ПТ;

д) отсутствие какого-либо пунктуационного знака (нулевой эквивалент) в ИТ; многоточие в ПТ.

Объем обрабатываемого материала в 2 основных категориях – художественная и нехудожественная литература – сбалансирован (см. применение этой методологии для изучения двоеточия в [Нуриев, 2025]).

В отношении социолингвистических характеристик литературных переводчиков, чьи переводы служат источником эмпирического материала, не учитывались демографические данные (возраст и пол), т.к. возрастная и гендерная симметрия между авторами оригинала и перевода не считается обязательным условием для заключения договора на перевод. Во внимание принимались географические данные: место рождения/место длительного проживания (Франция/Россия). При оценке языкового опыта переводчиков релевантными считались такие параметры, как родной язык (у всех – французский), постоянная языковая среда (французская, франко-русская) и профессиональная составляющая: образование (высшее), профессия (переводчик/преподаватель), наличие опубликованных переводов, имеющих положительные критические отзывы и награды, сложившаяся репутация (социально-профессиональный статус) в литературном сообществе.

Методология исследования описана в [Нуриев, Игнатова, 2024; Нуриев, Карпов, 2023; Нуриев, Кружков, 2023; Нуриев, 2025; Nádvorníková, 2020].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Пунктуационные норма и узус в сопоставляемых языках

В разделе представлен функциональный потенциал многоточия (на примере русского многоточия на фоне французского языка)[65]. Нормативные установки реконструируются на основе грамматических справочников и дидактической литературы, узуальные выделяются на корпусном материале.

Употребление многоточия в русском языке, как и пунктуация вообще, подчинено семантико-грамматическому (синтаксическому) принципу. Многоточие выполняет одновременно демаркативную и смыслоразличительную функции, отмечая в общем случае границу двух текстовых блоков (P и Q) – частей предложения, предложений или сложных синтаксических целых, между которыми устанавливаются определенные семантические отношения. Исходя из графического начертания, оно – наряду с тире – относится к горизонтальным знакам препинания, т.е. знакам, требующим «для своего изображения движения руки слева направо (тире и многоточие)» [Шапиро, 1955: 169]. Для сообщения дополнительных семантических оттенков типа эмоционального напряжения может сочетаться с вопросительным и восклицательным знаком, при этом из трех точек, обычно составляющих многоточие, остаются две (?.., !..) [Правила русской орфографии и пунктуации, 1957: 105]. Отличается позиционной свободой – может стоять в абсолютном начале и конце предложения, может занимать медиальную позицию, располагаясь внутри предложения. Его структурно-синтаксическая обусловленность ослаблена в силу отсутствия жесткой привязанности к грамматике текста и большей принадлежности к эмоциональной и содержательной стороне речи [Валгина, 2004: 132]. Многоточие заполняет собой «перерыв» в речи, который характеризуется задержкой в процессе изложения мысли, не связанной с особенностями синтаксического строения предложения. В устном речевом потоке такая задержка соответствует длительной, заметной для слушающего, паузе. «Факторы, вызывающие перерывы в предложении, многообразны и не одинаковы по своей природе. Следует различать перерывы, характерные для разговорной речи и имеющие место обычно в диалоге, и перерывы, более типичные для речи письменной» [Шапиро, 1955: 206].

При оформлении диалога на письме многоточие ставится, чтобы указать на то место, «где в устной речи делается перерыв» [Шапиро, 1955: 208–209], и употребляется в следующих случаях.

[65] Описание функционального потенциала французского многоточия на фоне русского языка по представленной схеме не приводится в силу ограниченного объема статьи.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Когда необходимо передать незаконченность, прерывистость речи говорящего, имеющие под собой самое разное психологическое и физиологическое обоснование – заминку, связанную с разного рода затруднением в подборе последующего словесного выражения мысли.

Так, многоточие служит для обозначения паузы, во время которой речевой субъект подбирает очередной составной компонент сочиненного ряда, при этом испытывая эмоциональное возбуждение:

(1)

– Я вам, Алена Ивановна, может быть, на днях, еще одну вещь принесу… серебряную… хорошую… папиросочницу одну… вот как от приятеля ворочу… (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

– Je vous apporterai peut-être ces jours-ci, Alena Ivanovna, encore un autre objet… en argent… de valeur… un étui à cigarettes… dès que je l'aurai repris à un camarade… (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

Оно может обозначать хезитационную паузу, которая происходит оттого, что говорящий затрагивает какой-либо щекотливый предмет и допускает заминку, пытаясь подобрать словесную форму выражения, наиболее приемлемую для слушающего во избежание обиды и прочих нежелательных реакций:

(2)

Отвечая Аглае, предполагающей, что Ипполит хотел застрелиться для того, чтобы она потом прочла его исповедь, Мышкин говорит: «То есть, это… как вам сказать? (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

A Aglaïa qui suppose qu'Hippolyte voulait se tuer pour qu'ensuite elle lise sa confession, Mychkine répond : « C'est-à-dire, c'est... comment vous expliquer ? (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Многоточие служит сигналом обрыва в последовательном изложении мысли, когда речевой субъект по каким-либо причинам – вопреки ожиданиям слушающего – решает дальше не продолжать начатое предложение, например, что-то объясняя:

(3)

Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он – европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да... (А. Белый. Петербург, 1913)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

La perspective Nevski est rectiligne – ceci dit entre nous – parce que c'est une avenue européenne ; toute avenue européenne est non pas une simple avenue mais – comme je l'ai déjà dit – une avenue à l'européenne, parce que... eh bien oui... (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

В (3) диалог повествователя с воображаемым слушателем-собеседником сближается с внутренним монологом, где ответная реакция либо не предполагается вовсе, либо имеет несущественное значение, так как предвосхищается говорящим заранее и допускается им в единственно возможной форме. Такое многоточие может использоваться и в качестве указания на то, что говорящий теряет нить мысли.

Любопытнее обстоит дело с многоточием в оформлении диалога (в том числе внутреннего), где оно стоит на месте обрыва речи, скрывая продолжение мысли, в котором заключено положение вещей, отличное от эталонного в представлении говорящего. В (4–6) после многоточия следует Q, содержащее отрицание и/или негативную оценку P и указывающее на резкий поворот мысли:

(4)

И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

Est-il possible, est-il vraiment possible que je... non, quelle bêtise, quelle absurdité ! ajouta-t-il d'un air résolu. (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

(5)

Все, кроме предательства!

— Что ты имеешь в виду?

— Твое вечное пьянство. Твое… даже не хочу говорить… Нельзя быть художником за счет другого человека… Это подло! Ты столько говоришь о благородстве! (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

Tout, sauf la trahison !

— Que veux-tu dire ?

— Ton éternelle ivrognerie. Ton… Je ne veux même pas en parler… On ne peut pas s'instituer artiste aux frais des autres… C'est lâche ! Tu n'arrêtes pas de parler de noblesse. (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(6)

— Не знаю, не могу судить... Нет, могу, – сказала Анна, подумав; и, уловив мыслью положение и свесив его на внутренних весах, прибавила: – Нет, могу, могу, могу. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

— Je n'en sais rien, je ne puis pas juger... Si, reprit-elle après avoir réfléchi et pesé la situation dans son for intérieur, je le puis, je le puis certainement. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

Многоточие может указывать на паузу, связанную с тем, что говорящий не может сразу вызвать в памяти необходимую информацию, иными словами, с забывчивостью субъекта речи:

(7)

Аполлон Аполлонович был главой Учреждения; ну, того... как его? (А. Белый. Петербург, 1913)

Apollon Apollonovitch était à la tête de l'institution ; vous savez bien... comment l'appelle-t-on ? (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

Многоточие вводит недосказанность, обусловленную тем, что предмет разговора составляет нечто, не вполне соответствующее общественным приличиям и нормам:

(8)

Жена, довольная мною, встает и идет к двери, но тотчас же возвращается и говорит: – Кстати еще одна просьба. Я знаю, ты рассердишься, но моя обязанность предупредить тебя... Извини, Николай Степаныч, но все наши знакомые и соседи стали уж поговаривать о том, что ты очень часто бываешь у Кати. Она умная, образованная, я не спорю, с ней приятно провести время, но в твои годы и с твоим общественным положением как-то, знаешь, странно находить удовольствие в ее обществе... К тому же, у нее такая репутация, что... (А.П. Чехов. Скучная история, 1889)

Contente de moi, elle se lève et gagne la porte, mais revient aussitôt et dit : « À propos, j'ai encore quelque chose à te demander. Je sais que tu vas te fâcher, mais mon devoir est de te prévenir. Excuse-moi, mais toutes nos connaissances et tous nos voisins commencent à dire que tu vas bien souvent chez Katia. Elle est intelligente, cultivée, je n'en disconviens pas, sa compagnie est agréable, mais, à ton âge et avec ta position sociale, c'est bizarre, tu sais, de trouver plaisir à sa société... En outre elle a une réputation qui... » (A. Chekhov. Une banale histoire, 1960, tr. É. Parayre)

Многоточие ставится на месте речевой паузы, призванной служить для стимулирования интереса к тому, что будет сказано далее, при этом в зависимости от коммуникативной ситуации и ее прагматического наполнения говорящий может сменить тему

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

разговора или вовсе оборвать его. Такое употребление многоточия во многом сближается с эффектом нагнетания саспенса в кинематографе, когда определенным образом – благодаря совокупности некоторых приемов – возбуждается интерес зрителя к тому, какое развитие получит сюжет в дальнейшем:

(9)

Второй фант вышел Зинаидин. Она подняла глаза к потолку и задумалась. – Вот, послушайте, – начала она наконец, – что я выдумала… Представьте себе великолепный чертог, летнюю ночь и удивительный бал. Бал этот дает молодая королева. Везде золото, мрамор, хрусталь, шелк, огни, алмазы, цветы, куренья, все прихоти роскоши. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

Le deuxième gage lui revint. Elle leva les yeux au plafond et devint rêveuse. « Écoutez, dit-elle enfin, voici ce que j'ai trouvé… Imaginez-vous un salon magnifique, une belle nuit d'été et un bal superbe… Ce bal est offert par la jeune reine. Partout, de l'or, du marbre, du cristal, de la soie, des feux, des diamants, des fleurs, des plantes odorantes… Bref, tout ce que le luxe peut rêver. (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M.-R. Hofmann)

(10)

— Ступайте домой, мсьё Вольдемар, почиститесь, да не смейте идти за мной – а то я рассержусь, и уже больше никогда… Она не договорила своей речи и проворно удалилась, а я присел на дорогу… ноги меня не держали. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

Rentrez chez vous, monsieur Voldémar, brossez-vous et ne me suivez pas, sinon je vais me fâcher et jamais plus je ne… » Elle n'acheva pas son propos et s'éloigna rapidement ; je m'assis sur le bord du sentier… mes jambes ne voulaient plus me porter. (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M.-R. Hofmann)

В (10) оба многоточия ответственны за поддержание читательского интереса: первое отвечает за остроту переживания, затемняя смысловую перспективу и заставляя читателя достраивать ее многовариантное развитие, второе усиливает эффект неожиданности от описания последующей физиологической реакции главного героя.

Этот эффект неожиданности еще более может выражаться многоточием, когда оно разделяет в предложении слова, которые описывают противоречащий здравому смыслу, абсурдный факт, обозначают неожиданное следствие или результат, вызывая у читателя чувство недоумения по поводу сложившегося положения вещей:

(11)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

C'est au cours de ce dernier mois que j'ai appris à bavarder, à force de rester des journées entières étendu dans mon coin à penser... à tout et à rien. (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

(12)

— Знаете, я столько читал о вреде алкоголя! Решил навсегда бросить… читать. (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

— Vous savez, j'en ai tant lu sur les méfaits de l'alcool que j'ai décidé de renoncer définitivement... à la lecture. (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

Многоточие обозначает заминку, когда говорящий обрывает свои слова, чтобы потом – после небольшой паузы – самому поправить сказанное, представив его в новой – более приемлемой, по мнению говорящего, форме:

(13)

Говорят, я знаю, мужья рассказывают женам свою прежнюю жизнь, но Стива... – она поправилась – Степан Аркадьич ничего не сказал мне. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

On dit que les maris racontent leur passé à leur femme, mais Stiva... (elle se reprit), Stépane Arcadiévitch ne m'a jamais rien dit. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

Многоточие передает прерывистость речи, когда трудности речепорождения вызваны сильными эмоциональными переживаниями (в этих случаях многоточие может замещать собой и часть слова, передавая заикание говорящего):

(14)

— Так… кто же… убил?.. – спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

« Alors... qui donc... a tué ?... ne put-il s'empêcher de demander d'une voix entrecoupée. (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

(15)

– «Абл... ейка меня кк... исла... тою... попробуй»... (А. Белый. Петербург, 1913)

– Râblé... cellule m'a... à l'a, à l'a, cide... essaie. (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Оно может ставиться в каком-либо известном речении, как правило, замещая собой его конечную (реже – первую) часть. Главным условием постановки многоточия здесь является степень прецедентности текста:

(16)

Полупрозрачная наляжет ночи тень... (М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики, 1975)

S'étendent, mi-transparentes, les ombres de la nuit… (M. Bakhtine. Esthétique et théorie du roman, 1987, tr. D. Olivier)

Многоточие при именительном темы (именительный представления) – синтаксической структуре, предваряющей предложение, тему которого она представляет, «подчеркивает момент раздумья» [Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник, 2007: 213]:

(17)

Вокзал… Грязноватое желтое здание с колоннами, часы, обесцвеченные солнцем дрожащие неоновые буквы… (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

La gare... Un bâtiment jaune à colonnes passablement crasseux, une horloge, des lettres de néon tremblantes que le soleil rend blêmes... (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

Многоточие служит средством замалчивания при указании на человека или географическое место (населенный пункт и т.д.):

(18)

7) «В С...ую губернию Калломейцев приехал на двухмесячный отпуск, чтобы хозяйством позаняться, то есть «кого пугнуть, кого поприжать». Ведь без этого невозможно!» («Новь», гл. V). (М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики, 1975)

7° … (Kalloméïtzev) était venu passer deux mois de congé dans le gouvernement de S… pour s'occuper de la gestion de ses biens, c'est-à-dire pour faire peur à l'un et serrer les pouces à l'autre. Sans ces procédés-là, rien pourrait-il marcher ? (Terres Vierges, chap. V.) (M. Bakhtine. Esthétique et théorie du roman, 1987, tr. D. Olivier)

Перерыв в диалогической речи, обозначаемый многоточием, может возникнуть как результат вмешательства со стороны – прерывание собеседником или иными внешними факторами:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(19)

— В романтическом роде? – спросил Малевский. – Конечно, в романтическом роде, байроновском. – А по-моему, Гюго лучше Байрона, – небрежно промолвил молодой граф, – интереснее. – Гюго – писатель первоклассный, – возразил Майданов, – и мой приятель Тонкошеев, в своем испанском романе «Эль-Тровадор»… – Ах, это та книга с опрокинутыми вопросительными знаками? – перебила Зинаида. – Да. Это так принято у испанцев. (И.С. Тургенев. Первая любовь, 1860)

— Dans le genre romantique ? demanda Malevsky. – Bien sûr, à la Byron. – Et moi, je trouve que Hugo vaut mieux que Byron, répliqua négligemment le jeune comte… Plus intéressant… – Certes, Hugo est un écrivain de premier ordre, fit Maïdanov, et mon ami Tonkochéiev dans son roman espagnol El Trovador… – C'est celui où il y a des points d'interrogation à l'envers ? intervint Zinaïda. – Celui-là même. C'est l'usage, chez les Espagnols… (I. Tourgueniev. Premier Amour, 1974, tr. M. – R. Hofmann)

(20)

— А то... – с гневом вскрикнул князь. – Знаю я, что если тебя слушать, – перебила княгиня, – то мы никогда не отдадим дочь замуж. Если так, то надо в деревню уехать. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, 1873–1877)

— En quoi !... s'emporta le prince. – Je sais bien qu'à t'écouter, interrompit la princesse, nous ne marierons jamais notre fille. Dans ce cas, autant nous fixer à la campagne. (L. Tolstoï. Anna Karénine, 1952, tr. H. Mongault)

(21)

— Ах, как приятно ужинать вот этак, при камельке, запросто, – дребезжал Коровьев, – в тесном кругу… – Нет, фагот, – возражал кот, – бал имеет свою прелесть и размах. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита, ч. 2, 1929–1940)

— Ah ! comme c'est agréable, chevrota Koroviev, de dîner comme ça, auprès d'un bon feu, et à la bonne franquette, en petit comité. – Non, Fagoth, répliqua le chat, le bal a aussi son charme et sa grandeur. (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite, p. 2, 1968, tr. C. Ligny)

(22)

– Так какого ж черта… – начал было доктор, но метель влетела ему в рот. (В.Г. Сорокин. Метель, 2010)

– Crénom de nom…! commença Platon Ilitch, mais la tourmente lui cloua le bec. (V. Sorokine. La Tourmente, 2011, tr. A. Coldefy-Faucard)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

При оформлении и разговорной речи, и речи письменной многоточие используют, чтобы отметить незавершенность перечислительного (семантически незаконченного, бессоюзного) ряда:

(23)

Деньги – это свобода, пространство, капризы… (С. Довлатов. Заповедник, 1983)

L'argent, c'est la liberté, l'espace, les caprices... (S. Dovlatov. Le Domaine Pouchkine, 2004, tr. C. Zeytounian-Beloüs)

(24)

В темноте ожил армейский узел связи, затрещали пишущие машинки, размножающие копии боевых донесений, зажужжали движки, затарахтела морзянка, и телефонисты перекликались по линиям, – подключали в сеть командные пункты дивизий, полков, батарей, рот… (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1959)

A la tombée de la nuit, le centre de transmissions de l'armée s'éveilla. Les machines à écrire cliquetaient, multipliant les rapports, les groupes autogènes ronronnaient, le morse crépitait et les téléphonistes s'interpellaient en branchant sur le réseau les P.C. de divisions, de régiments, de batteries, de bataillons... (V. Grossman. Vie et Destin, p. 1, 1980, tr. A. Berelowitch)

Это значение многоточия может обслуживать его другую функцию – обеспечение доступа к эмоциональному подтексту, как в (24) (о ней говорится в [Валгина, 2004: 72, 126; Сигал, 2014: 44][66]):

(25)

А на переднем крае сдавали почтальонам равнобедренные бумажные треугольники – «лети, листок, с запада на восток… лети с приветом, вернись с ответом… добрый день, а может быть, и вечер…» (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1, 1959)

En première ligne, on remettait au facteur les lettres pliées en triangle : « Vite, vole vers l'orient, dire bonjour à ma maman... Porte vers elle mon amour, et qu'elle réponde à son tour... Bonjour ou peut-être bonsoir. » (V. Grossman. Vie et Destin, p. 1, 1980, tr. A. Berelowitch)

Здесь в сочиненном ряду, состоящем из речевых формул, которые писались на оборотной стороне почтового конверта, каждый компонент отделяется от последующего

[66] Понятие эмоционального подтекста подробно разбирается в [Сигал, 2014]. Вслед за К.Я. Сигалом, под ним мы понимаем «эмоционально-мотивную "подкладку"» высказывания – подтекст, формирующий «крайне необходимые писателю эмоционально-смысловые "обертоны" и "контрапункты", без которых невозможно представить стилистические тонкости психологически достоверного письма» [Там же: 38].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

многоточием, сигнализируя об эмоциональном подтексте, заключенном одновременно и в самой речевой формуле, и в письме, которое ею начинается.

Надо отметить, что при переводе на французский язык этот эмоциональный подтекст в отдельных случаях эксплицируется и приводит либо к дополнению многоточия восклицательным знаком, либо к полной его замене на восклицательный знак, доказывая наличие этой функции у многоточия:

(26)

Приковать их железом огромного моста, проткнуть проспектными стрелами... (А. Белый. Петербург, 1913)

Se les assujettir par le métal d'un énorme pont, les transpercer des traits de profondes perspectives ! (A. Biély. Pétersbourg, 1967, tr. J. Catteau, G. Nivat)

Для письменной речи характерно следующее употребление многоточия.

Оформляя письменную речь, при разделении повествовательных фрагментов многоточие может указывать на резкий переход от одной мысли к другой. В этом случае оно предваряется абзацным отступом и начинает собой предложение. Со сходной семантической нагрузкой оно используется для оформления внутреннего монолога:

(27)

Это кажется всего великолепнее! И эта же Дунечка за это же кажется замуж идет!.. Великолепно! Великолепно!.. (корпус элиминирует абзацный отступ – восстановлено нами)

…А любопытно, однако ж, для чего мамаша о «новейших-то поколениях» мне написала? Просто ли для характеристики лица или с дальнейшею целью: задобрить меня в пользу господина Лужина? О хитрые! Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, в тот день и в ту ночь, и во всё последующее время? (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866)

Ce semble-t-il est plus admirable que tout ! Et c’est cette même Dounietchka qui épouse ce même semble-t-il !… Admirable ! Admirable !… (корпус элиминирует абзацный отступ – восстановлено нами)

… Mais je serais quand même curieux de savoir pourquoi maman m’a parlé dans sa lettre des “nouvelles générations” ? Est-ce simplement pour dépeindre le caractère du personnage ou dans un autre but : pour me disposer en faveur de M. Loujine ? Oh ! les rusées ! Il serait également curieux de tirer au clair une autre circonstance : dans quelle mesure ont-elles été franches l’une avec l’autre, ce jour et cette nuit-là et tout le reste du temps ? (F. Dostoïevski. Crime et châtiment, 1947, tr. É. Guertik)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

В идентичной синтаксической позиции многоточие указывает «на то, что излагаемое в нем и в предшествующем ему тексте разделено более или менее длительным промежутком времени» [Шапиро, 1955: 215]. Кроме того, «многоточием обозначается также начало текста, если требуется указать, что в нем возобновляется изложение того, что было прервано какой-либо вставкой значительных размеров, отвлекшей внимание читателя в сторону от хода основного повествования» [Там же: 213].

С таким употреблением многоточия связано существенное ограничение корпусного метода в изучении пунктуации: из-за отсутствия абзацирования в корпусной разметке и отсутствия (в некоторых корпусах) поиска по вхождениям многоточия отследить подобные случаи его реализации довольно трудно.

Многоточие замещает собой купюру в цитате:

(28)

Ну так значит сжигание еретиков есть поступок безнравственный… (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

Par conséquent, brûler des hérétiques est une action amorale... (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Многоточие может указывать, «что начало или конец цитаты, являющейся по отношению к окружающему тексту самостоятельным предложением, не совпадает с началом или концом предложения в цитируемом тексте» [Правила русской орфографии и пунктуации, 1957: 105–106]:

(29)

«…Совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка, и останавливаешься лишь на точках, о которых грезит сердце» (X, 429) (М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963)

« Tout cela s’est passé exactement comme il arrive en rêve, quand on saute par-dessus l’espace et le temps, par-dessus les lois de la raison et de la vie quotidienne et qu’on s’arrête seulement sur des points auxquels le cœur aspire » (X, 429). (M. Bakhtine. La poétique de Dostoïevski, 1970, tr. I. Kolitcheff)

Также в нормирующей литературе отмечается, что «многоточием в тексте замещаются части слов, целые слова или группы слов, которые по тем или иным мотивам (чаще всего –

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

эстетическим)[67] не могут быть воспроизведены в тексте» [Шапиро, 1955: 214]. См. выше пример (5): «Твое… даже не хочу говорить…»

Пунктуационный узус преимущественно охватывает контексты, где многоточие реализует свою функцию, заключающуюся в обеспечении доступа к эмоциональному подтексту, причем не только на сентенциальном, но и на более высоких уровнях текстовой структуры, когда употребление многоточия становится отдельным композиционным приемом, который организует части целого в единую, эмоционально насыщенную, сложную форму. Эта функция упоминается в отдельных исследованиях, посвященных пунктуации (см. упоминание выше), однако в нормирующей литературе она не закреплена и не обеспечена какими-либо конкретными правилами оформления. Отследить ее реализацию в корпусном материале затруднительно в силу недостатков разметки современных корпусов. В сферу узуального употребления входят контексты, связанные с ситуациями речевого общения, обусловленного цифровизацией: при обмене короткими сообщениями в различных мессенджерах пока собеседник пишет ответ, на диалоговом экране появляется знак многоточия, одновременно обозначающий ожидание и сигнализирующий о том, что ответная реплика воспоследует.

4 | Результаты контрастивного корпусного исследования

Частотность употребления многоточия в сопоставляемых языках составляет[68]:

1) 239270 многоточий всего и 10,6 на 1000 слов в русском;

2) 559225 многоточий всего и 3,5 на 1000 слов во французском.

Зона межъязыковой функциональной симметрии значительна, однако при переводе с русского на французский многоточие сохраняется в соответствующей синтаксической позиции в 86,91 % случаев, а в обратном направлении – в 81,96 % случаев.

Не полностью совпадает и распределение веса многоточия как знака-носителя определенной семантического нагрузки; детальный анализ этого распределения составляет дальнейшую перспективу исследования. Однако уже сейчас можно отметить, что на периферии функционального репертуара у многоточия в сопоставляемых языках находится спектр его значений, предполагающих постановку в абсолютном начале предложения.

[67] И этическим.

[68] Данные получены на основе запросов в моноязычных корпусах: XX век и современный корпусы Frantext (159024586 словоупотреблений) – для французского, скомпилированный пользовательский корпус (22673276 словоупотреблений; в НКРЯ отсутствует программная возможность поиска по многоточиям, поэтому привлечены данные из [Мухин, 2019: 378]) – для русского.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Зона асимметрии определялась посредством 4-х из 5-ти поисковых запросов, приведенных в разделе «Материал и метод» (запросы 2–5). Было выявлено, что при переводе с французского на русский многоточие заменяется иным пунктуационным знаком в 13,35 % случаев, а опускается в 4,68 % случаев. Наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации многоточия в ПТ в 9,12 % случаев, постановка многоточия в ПТ при нулевом эквиваленте в ИТ происходит в 3,83 %. В обратном направлении многоточие заменяется иным пунктуационным знаком в 10,59 % случаев, а опускается в 2,51 % случаев, наличие в ИТ какого-либо пунктуационного знака служит стимулом для реализации многоточия в ПТ в 11,05 % случаев, постановка многоточия в ПТ при отсутствии какого-либо пунктуационного знака-стимула в ИТ происходит в 3,94 %.

В целом, при переводе с французского на русский число многоточий возрастает с 4,21 до 4,86 (на 1000 слов), а в обратном направлении убывает – с 12,1 до 8,23 (на 1000 слов).

Приведенные данные свидетельствуют прежде всего о том, что в двух языковых общностях у многоточия неодинаковый коммуникативный статус. В русском речевом обиходе оно является более востребованным ресурсом письменной речи, тогда как во французском оно занимает значительно более периферийное положение. Это можно интерпретировать как проявление двух различных моделей текстообразования: одна ориентирована на эксплицитное, логически завершенное высказывание, другая – на высказывание, более открытое для интерпретации, эмоционального соучастия и смысловой многомерности.

Французская письменная традиция, наследующая картезианский идеал ясности и дискурсивной прозрачности, тяготеет к максимальной семантической законченности предложения. Многоточие, которое по природе своей маркирует разрыв, недосказанность или неполную экспликацию, воспринимается здесь как отступление от риторического идеала. Русская же традиция, во многом сформированная литературой XIX в. (Достоевским, Пушкиным, Тургеневым, Толстым и т.д.), легитимизировала многоточие как инструмент передачи колебаний мысли, эмоционального напряжения и диалогического взаимодействия с читателем. Поэтому более высокая частотность этого знака в русских текстах сигнализирует о более высокой толерантности к коммуникативной неопределенности.

Лингвистически интересны данные о переводных соответствиях. Французские переводчики несколько чаще сохраняют русское многоточие, чем русские переводчики – французское. На первый взгляд выглядит это как статистическая аномалия, если учесть меньшую нормативную толерантность французского языка к рассматриваемому знаку. Объяснение, однако, находится в социокультурной плоскости.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Русский текст-источник изначально «перенасыщен» многоточиями, и переводчик-француз вынужден сохранять значительную их часть, чтобы не утратить важные смысловые и эмоциональные оттенки оригинала, даже если это нарушает привычную пунктуационную эстетику. В противоположном направлении русский переводчик, сталкиваясь с французским текстом, ощущает дефицит многоточий и склонен компенсировать его добавлением, адаптируясь к читательским ожиданиям. Это предположение подтверждается данными о заменах и опущениях.

Русские переводчики значительно активнее добавляют многоточие на месте других французских знаков (в 9,12 % случаев исходный пунктуационный стимул иного типа приводит к появлению многоточия в переводе) и даже при отсутствии какого-либо знака в оригинале вводят многоточие в 3,83 % случаев. Итоговый баланс плотности многоточия на 1000 слов – увеличение с 4,21 до 4,86 при переводе с французского на русский и уменьшение с 12,1 до 8,23 при переводе с русского на французский – демонстрирует разнонаправленное действие «прагматических фильтров» двух культур.

Переводчик выступает как агент культурной адаптации, следующий «пунктуационной идеологии» принимающего сообщества. Русские переводчики действуют в рамках модели, где письменный текст призван воспроизводить устно-речевые модуляции – паузы, колебания, эмоциональные всплески, – и потому насыщают текст многоточиями, даже если французский оригинал этого избегает. Французские переводчики, напротив, реализуют модель, в которой письменная речь более автономна от устной, и последовательно сокращают количество маркеров спонтанности и недосказанности.

Полученные данные позволяют связать межъязыковую вариативность с понятием культурных скриптов (по А. Вежбицкой). В русском культурном скрипте письменного общения имплицитно заложено правило: «хорошо, когда пишущий дает читателю возможность почувствовать недосказанное, эмоциональное движение мысли». Многоточие служит формальным средством реализации этого скрипта, свидетельствуя о стремлении автора сократить дистанцию с адресатом, создать иллюзию доверительного, неформального диалога. Во французском культурном скрипте, напротив, доминирует установка на ясность и законченность формулировок, а чрезмерное использование многоточия может оцениваться как стилистическая небрежность или излишняя эмоциональность, нарушающая нормы дискурсивной сдержанности. Таким образом, межъязыковая асимметрия отражает глубинную разницу в представлениях о том, что должно быть выражено явно, а что может остаться в области имплицитного.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Наконец, представленные результаты иллюстрируют тезис о динамической устойчивости пунктуационных систем в социокультурном измерении. Устойчивость проявляется в том, что более 80 % многоточий сохраняются при переводе в обоих направлениях, т.е. функциональное ядро знака (маркирование незаконченности, заминки, обрыва) является достоянием общеязыкового прагматического инвентаря и не зависит от конкретной культуры. Динамическая же составляющая обнаруживается в тех случаях, когда знак заменяется или опускается: именно на периферии функционального поля, в зонах максимальной эмоциональной нагрузки и контекстной зависимости, включаются культурные фильтры и проявляется вариативность.

С социолингвистической точки зрения эта вариативность видится как системная реализация двух различных «пунктуационных идеологий»: французской, ориентированной на логоцентризм и структурную завершенность, и русской, ориентированной на передачу процессуальности мысли и эмоционального контакта с читателем. Иными словами, полученные количественные данные показывают, как письменная культура преломляет универсальные коммуникативные задачи сквозь призму исторически сложившихся ценностей и норм.

5 | Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что многоточие является значимым прагматическим маркером, функциональная нагрузка которого может варьироваться от языка к языку. Выявленная асимметрия в частотности употребления и переводных соответствиях свидетельствует о различиях в коммуникативных установках французской и русской письменной речи, где многоточие демонстрирует большую продуктивность.

Полученные данные о трансформационных сдвигах при переводе (замена многоточия иными знаками препинания или его опущение) эмпирически подтверждают тезис о несовпадении «прагматических фильтров» в разных языковых культурах.

Установлено, что в сопоставляемых языках одной из основных функций многоточия – наряду с обозначением незаконченности, заминки, перерыва (обрыва) в речи, резкого повествовательного поворота и т.д. – является обеспечение доступа к эмоциональному подтексту. Способность многоточия углублять эмоционально-личностную перспективу высказывания приводит к ряду трансформаций в переводе. Так, например, замена конечной точки многоточием обеспечивает бóльшую объективацию эмоционального смысла в переводимом тексте. Зафиксированы случаи, позволяющие предположить, что постановка

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

многоточия в оригинале может восприниматься переводчиком как сигнал, способный санкционировать расширение зоны умолчания, т.е. индуцирующий в переводе опущение фрагментов исходной информационной структуры, как в (30):

(30)

Саша Соколовский даже пригрозил матери самоубийством – и он сделал такую попытку! Это произошло уже в сентябре… (И. Кудрова. Путь комет, 2007)

Sacha Sokolovski menaça même sa mère de se suicider, et, en septembre, fit une tentative… (I. Koudrova. La mort de Marina Tsvétaïéva, 2015, tr. H. Henry)

Важным результатом работы является доказательство, что пунктуационная система обладает свойством динамической устойчивости: при общей зоне функциональной симметрии (сохранение знака в большинстве случаев) существуют зоны асимметрии, где переводчик вынужден прибегать к трансформациям, адаптируя пунктуационную структуру под нормы принимающего языка. Эти наблюдения имеют прикладное значение для совершенствования систем автоматического перевода и обработки естественного языка. Учет пунктуационной асимметрии позволит повысить качество синтеза и распознавания письменной речи в проектировании ряда современных информационных продуктов на основе искусственного интеллекта, существенно приближая генерируемый текст к эталонным речевым образцам.

В социолингвистической перспективе дальнейшее изучение пунктуации и, в частности, многоточия, открывает возможности для наблюдения за процессами нормообразования в цифровой среде и их влияния на письменную культуру в целом. Для этого необходимо будет привлекать не только данные художественной/нехудожественной литературы, но и корпусы естественной цифровой коммуникации в мессенджерах, что позволит составить более полную картину функционирования знаков препинания в реальных коммуникативных практиках и прогнозировать векторы эволюции пунктуационных систем. Одним из ключевых методологических инструментов здесь может стать глубинное интервью, которое поможет выявить факты реального употребления знаков препинания в языке в их взаимосвязи с личным опытом и социальными установками индивида.

ЛИТЕРАТУРА

Валгина Н. С. (2004) Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк. 259 с.

Кронгауз М. А. (2025) Профессор РГГУ Максим Кронгауз – о новых трендах сетевой пунктуации // Российский государственный гуманитарный университет. 9 дек. Режим доступа: https://www.rsuh.ru/news/my-v-smi/professor-rggu-maksim-krongauz-o-novykh-trendakh-setevoy-punktuatsii. Дата обращения: 25.02.2026.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Мухин М. Ю. (2019) Статистическая динамика многоточия: Позавчера… Вчера… Сегодня… // Феномен незавершенного. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 375–386.

Нуриев В. А., Игнатова С. Д. (2024) Надкорпусная база данных как инструмент изучения пунктуации // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 147–158. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-11

Нуриев В. А., Карпов В. И. (2023) Методология корпусно-ориентированного исследования в области контрастивной пунктуации // Информатика и ее применения. Т. 17. № 2. С. 90–95. DOI: 10.14357/19922264230213

Нуриев В. А., Кружков М. Г. (2023) Корпусные данные при контрастивном изучении пунктуации // Системы и средства информатики. Т. 33. Вып. 1. С. 14–23. DOI: 10.14357/08696527230102

Нуриев В. А. (2025) Двоеточие: функциональная (а)симметрия между русским и французским языками // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 28, № 3. С. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2

Правила русской орфографии и пунктуации (1957) / Под ред. Л. А. Четко. М.: Учпедгиз. 176 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник (2007) / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо. 480 с.

Сигал К. Я. (2014) Пунктуация как средство создания эмоционального подтекста (на материале рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» и его переводов на английский язык) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.73, № 6. С. 38–50.

Шапиро А. Б. (1955) Основы русской пунктуации. М.: Изд-во Академии наук СССР. 394 с.

Busch F. (2021) The interactional principle in digital punctuation // Discourse, Context & Media. Vol. 40. P. 100481. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100481

Nádvorníková O. (2020) The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology // Linguistica Pragensia. Vol. 30. Iss. 2. Pp. 30–50.

Pecorari F., Longo F. (2021) The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective // Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 289–314.

Steinsiek S., Beißwenger M., Zang Y. (2025) Digital punctuation from a contrastive perspective: Corpus-based investigations of ellipsis points in German and Chinese messaging interactions // Exploring digitally-mediated communication with corpora: Methods, analyses, and corpus construction / Eds. L. Cotgrove, L. Herzberg, H. Lüngen. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 83–114. DOI: 10.1515/9783111434018-004

Ström Herold J., Levin M. (2021) The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study // Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation / Eds. P. Rössler, P. Besl, A. Saller. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 237–261.

REFERENCES

Busch, F. (2021) The interactional principle in digital punctuation. *Discourse, Context & Media*, vol. 40, p. 100481. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100481

Krongauz, M.A. (2025) Professor RGGU Maksim Krongauz – o novykh trendakh setevoy punktuatsii [Professor of the Russian State University for the Humanities Maxim Krongauz – on new trends in online punctuation]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarny universitet* [Russian State University for the Humanities]. 9 December. Available

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

at: https://www.rsuh.ru/news/my-v-smi/professor-rggu-maksim-krongauz-o-novykh-trendakh-setevoy-punktuatsii (Accessed: 25 February 2026). (In Russian).

Mukhin, M.Yu. (2019) Statisticheskaya dinamika mnogotochiya: Pozavchera… Vchera… Segodnya… [Statistical dynamics of the ellipsis: The day before yesterday… Yesterday… Today…]. In: *Fenomen nezavershennogo* [The phenomenon of the incomplete]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House. Pp. 375–386. (In Russian).

Nádvorníková, O. (2020) The use of English, Czech and French punctuation marks in reference, parallel and comparable web corpora: a question of methodology. *Linguistica Pragensia*, vol. 30, iss. 2, pp. 30–50.

Nuriev, V.A. (2025) Dvoetochie: funktsional'naya (a)symmetriya mezhdu russkim i frantsuzskim yazykami [The colon: Functional (a)symmetry between Russian and French]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 28–40. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-3-2 (In Russian).

Nuriev, V.A., Ignatova, S.D. (2024) Nadkorpusnaya baza dannykh kak instrument izucheniya punktuatsii [A supracorpus database as a tool for studying punctuation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 147–158. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-11 (In Russian).

Nuriev, V. A., Karpov, V. I. (2023) Metodologiya korpusno-orientirovannogo issledovaniya v oblasti kontrastivnoy punktuatsii [The methodology of the corpus-based studies in the field of contrastive punctuation]. *Informatika i ee primeneniya* [Informatics and its Applications], vol. 17, no. 2, pp. 90–95. DOI: 10.14357/19922264230213 (In Russian).

Nuriev, V.A., Kruzhkov, M.G. (2023) Korpusnye dannye pri kontrastivnom izuchenii punktuatsii [The parallel corpora perspective on studying contrastive punctuation]. *Sistemy i sredstva informatiki* [Systems and Means of Informatics], vol. 33, iss. 1, pp. 14–23. DOI: 10.14357/08696527230102 (In Russian).

Pecorari, F., Longo, F. (2021) The Ellipsis and the Dash in Italian and English: A Contrastive Perspective. In: Rössler, P., Besl, P. and Saller, A. (eds.) *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 289–314.

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii [Rules of Russian orthography and punctuation] (1957) Ed. by L.A. Chetko. Moscow: Uchpedgiz. 176 p. (In Russian).

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskiy spravochnik [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete academic reference] (2007) Ed. by V.V. Lopatin. Moscow: Eksmo. 480 p. (In Russian).

Shapiro, A.B. (1955) *Osnovy russkoy punktuatsii* [Foundations of Russian punctuation]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 394 p. (In Russian).

Sigal, K.Ya. (2014) Punktuatsiya kak sredstvo sozdaniya emotsional'nogo podteksta (na materiale rasskaza M.A. Sholokhova «Sud'ba cheloveka» i ego perevodov na angliyskiy yazyk) [Punctuation as a means of creating emotional subtext (based on M.A. Sholokhov's story "The Fate of a Man" and its translations into English)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 73, no. 6, pp. 38–50. (In Russian).

Steinsiek, S., Beißwenger, M., Zang, Y. (2025) Digital punctuation from a contrastive perspective: Corpus-based investigations of ellipsis points in German and Chinese messaging interactions. In: Cotgrove, L., Herzberg, L. and Lüngen, H. (eds.) *Exploring digitally-mediated communication with corpora: Methods, analyses, and corpus construction*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 83–114. DOI: 10.1515/9783111434018-004

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Ström Herold, J. Levin, M. (2021) The Colon in English, German and Swedish: A Contrastive Corpus-Based Study. In: Rössler, P., Besl, P. and Saller, A. (eds.) *Vergleichende Interpunktion – Comparative Punctuation*. Berlin; Boston: De Gruyter. Pp. 237–261.

Valgina, N.S. (2004) *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii: Ucheb. posobie* [Current issues of modern Russian punctuation: A textbook]. Moscow: Vysshaya shkola. 259 p. (In Russian).

Виталий Александрович Нуриев
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, (ИНИОН РАН)
Москва, Российская Федерация.
Адрес для корреспонденции:
17418 Российская Федерация,
г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Эл. адрес: nurievv@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7602-5744

Vitaly A. Nuriev
Doctor Habil in Philology, leading researcher,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
51/21, Nakhimovsky Prospekt
Moscow 117418,
Russian Federation.

Email: nurievv@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-7602-5744

Для цитирования: *Нуриев В.А.* От русского многоточия к французскому: к вопросу о межъязыковой вариативности // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 119–141. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-07

For citation: *Nuriev V.A.* From Russian to French ellipsis marks: A cross-linguistic perspective on punctuation variability // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 119–141. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-07

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 11.05.2026;
accepted for publication 08.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-08

FOREIGN ACCENT AS A STRUCTURAL FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION IN CONTEMPORARY MIGRATION CONTEXTS (BASED ON GERMANIC LANGUAGES)

UDC 81 27

Marianna V. Popova
Moscow State Linguistic University
Moscow,
Russian Federation

Abstract

The aim of this study is to identify and substantiate the sociocultural mechanisms through which foreign-accented speech is perceived as a factor shaping social evaluations of speakers and contributing to the reproduction of social inequality in the context of contemporary migration. The article conceptualizes a foreign accent as a sociocultural marker embedded in processes of social categorization and institutional evaluation.

The research material comprises data from contemporary international empirical and meta-analytical studies published between 2006 and 2025, conducted primarily on Germanic languages, as well as the results of the author's own research based on German-language data. The analysis is carried out from an interdisciplinary perspective, drawing on sociolinguistic and social-psychological approaches.

The scientific novelty of the study lies in its integrative interpretation of foreign accent as a cross-domain sociolinguistic phenomenon manifested in professional, service, academic, and legal contexts and functioning as a legitimized mechanism of social differentiation. The findings demonstrate that accent-based discrimination is persistent and structural in nature, remains evident even among speakers with a high level of linguistic competence, and cannot be explained solely by objective communicative difficulties.

The study further establishes that, within the context of migration, a foreign accent acquires a stratifying function, shaping social evaluations and restricting access to symbolic and material resources.

KEYWORDS: foreign accent, accent bias, social attribution, institutional evaluation, migration context, Germanic languages

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Marianna V. Popova, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-08

ИНОЯЗЫЧНЫЙ АКЦЕНТ КАК СТРУКТУРНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

УДК 81`27

Марианна В. Попова
Московский государственный лингвистический университет
Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Цель исследования заключается в выявлении и обосновании социокультурных механизмов восприятия иноязычного акцента как фактора, формирующего социальные оценки говорящего и способствующего воспроизводству социального неравенства в условиях современной миграции. В статье иноязычный акцент концептуализируется как социокультурный маркер, встроенный в процессы социальной категоризации и институциональной оценки.

Материал исследования составляют данные современных зарубежных эмпирических и метааналитических работ 2006–2025 гг., выполненных преимущественно на материале германских языков, а также результаты авторского исследования на материале немецкого языка. Анализ проводится в междисциплинарной перспективе с опорой на социолингвистические и социально-психологические подходы.

Научная новизна исследования заключается в интегральном осмыслении иноязычного акцента как межсферового социолингвистического феномена, проявляющегося в профессиональной, сервисной, академической и правовой сферах и функционирующего как легитимированный механизм социальной дифференциации. Полученные результаты показали, что акцентная дискриминация носит устойчивый и структурный характер, сохраняется при высоком уровне языковой компетенции и не может быть объяснена исключительно объективными коммуникативными трудностями.

Установлено, что в миграционном контексте иноязычный акцент приобретает стратифицирующую функцию, формируя социальные оценки и ограничивая доступ к символическим и материальным ресурсам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: иноязычный акцент, акцентная дискриминация, социальная категоризация, институциональная селекция, миграционный контекст, германские языки

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Марианна В. Попова, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Introduction

The relevance of the present study is related to the sustained scholarly interest in the social meaning of linguistic variation, as well as to a clear methodological and applied gap in contemporary research. In the context of global mobility and intensified migration processes, language is increasingly conceptualized not only as a means of communication but also as a socially significant resource that reflects and shapes perceptions of status, belonging, and social acceptability [Dragojevic et al., 2018]. While socio- and psycholinguistics have extensively documented that pronunciation features influence interpersonal impressions, the evidence remains fragmented across institutional domains and is often discussed within isolated research traditions [Giles et al., 2006; Fuertes et al., 2011]. Under conditions of intensified migration and expanding multilingual communication, this fragmentation becomes a problem for language science, because accent-related evaluations increasingly affect access to institutional resources and participation in socially consequential interactions.

A particularly salient phenomenon in this respect is foreign accent. Contemporary studies show that accent can systematically shape perceptions of competence, credibility, and professional suitability in contexts where evaluative decisions carry long-term social consequences [Fuertes et al., 2011; Maindidze et al., 2025]. From a philological perspective, foreign accent is not merely individual phonetic variation but an indexical marker interpreted within language ideologies and stereotypical expectations, which may legitimate exclusion even when communicative effectiveness is preserved [Popova, 2021]. This issue is becoming more acute as accented speech becomes a routine feature of institutional communication: for instance, in international academic and business settings, non-native users of English outnumber native speakers, yet pronunciation norms continue to function as symbolic boundaries [Gluszek & Dovidio, 2010; Neeley, 2013; Sliwa & Johansson, 2014]. Comparable processes can be observed in other linguistic communities, including German-speaking contexts; this underscores the need to analyze accent perception beyond individual languages.

Recent empirical research further indicates that accent bias persists even when speakers demonstrate high linguistic competence and cannot be reduced to objective communicative difficulties such as reduced intelligibility [Giles et al., 2006; Fuertes et al., 2011]. This observation is particularly relevant for contemporary linguistics, as accent functions as a socially meaningful cue that influences evaluation across different institutional contexts, contributing to the reproduction of inequality [Bourdin et al., 2024; Teló, 2024]. In this study, migration is therefore treated not as a demographic variable but as a social condition in which linguistic features – most notably foreign accent – acquire stratifying value and shape access to institutional opportunities [Agudo, 2018].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

The aim of the study is to identify and substantiate the sociocultural mechanisms underlying the perception of foreign accent as a factor that shapes social evaluations of speakers and contributes to the reproduction of social inequality in contemporary migration contexts.

To achieve the stated aim, the study addresses the following **objectives**:

– to synthesize empirical and meta-analytic evidence on accent bias across key institutional contexts (professional, service, academic, and legal);

– to identify and describe the sociocultural mechanisms through which foreign accent shapes social evaluation beyond communicative intelligibility;

– to substantiate the cross-domain and structural character of accent bias as a factor contributing to the reproduction of social inequality;

– to illustrate selected aspects of these mechanisms using evidence from German-speaking contexts and the author's German-language data.

The **research material** consists of data from contemporary international empirical and meta-analytic studies published between 2006 and 2025 that examine the perception of foreign accent and accent-based bias in different social and institutional contexts, as well as the results of the author's own study, the empirical component of which was based on a perceptual-auditory experiment involving native speakers of German without a migration background. The stimulus material comprised audio recordings of German speech produced by Russian-speaking bilinguals with varying degrees of accentedness. The study was conducted in two stages: at the first stage, the participants evaluated the degree of accentedness of the speakers using a scale ranging from "no accent" to "strongly pronounced accent". Based on these evaluations, a set of phonograms representing different levels of accentedness was selected for further analysis. The selection was carried out using a double-blind procedure, which made it possible to include representative samples of each accent level. At the second stage, the auditors assessed the speakers according to a range of social and personal characteristics, including perceived level of education, competence, trustworthiness, and general impression. In addition, they evaluated behavioral parameters, such as willingness to make socially significant decisions (e.g., renting housing or hiring). The content of the speech was not taken into account in the evaluation.

The data obtained were processed using factor analysis and analysis of variance (ANOVA), which made it possible to identify significant differences in the evaluation of speakers depending on the degree of accentedness ($p < 0.01$). The results of the experiment show that an increase in the degree of accentedness leads to lower evaluations related to social status and competence, while assessments of personal characteristics demonstrate less pronounced variation [Popova, 2021].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

The selection of **research methods** is determined by the aim and objectives of the study. Methods of theoretical analysis and synthesis were employed to systematize previous research, while elements of comparative analysis were used to identify common patterns of accent bias across institutional domains. The empirical data from the author's study were analyzed using perceptual-auditory analysis and statistical procedures (including variance analysis), followed by interpretative analysis linking the results to broader sociocultural mechanisms of evaluation.

The theoretical basis of the study consists of works in sociolinguistics, psycholinguistics, and the social psychology of speech devoted to the analysis of accent as a socially significant factor in processes of social categorization and evaluation. The study draws on the research of H. Giles and colleagues [Giles et al., 2006], which conceptualizes accent as an index of social group membership influencing interpersonal perception. The analysis also takes into account findings by K. Kinzler and co-authors, demonstrating that sensitivity to accent emerges early and functions as a core dimension of social cognition [Kinzler et al., 2009]. This position is further supported by evidence provided by D. Pietraszewski and A. Schwartz, who show that accent constitutes a dedicated dimension of social categorization rather than a byproduct of other social distinctions [Pietraszewski & Schwartz, 2014]. Meta-analytic research by J. Fuertes and co-authors demonstrates the systematic impact of accent on evaluations of competence and social attractiveness, even when communicative content is held constant [Fuertes et al., 2011]. Important for the present research are studies in social psychology examining the influence of accented speech on credibility and trust [Lev-Ari & Keysar, 2010]. The analysis further relies on works addressing accent bias in professional and institutional contexts, which show that pronunciation functions as a symbolic boundary affecting employability and status attribution [Neeley, 2013; Sliwa & Johansson, 2014; Timming, 2017]. Recent large-scale reviews and meta-analyses confirm the stability and cross-contextual nature of accent bias, emphasizing its structural character across different linguistic and cultural settings [Spence et al., 2022; Maindidze et al., 2025]. The theoretical framework is complemented by the author's earlier empirical research, which examines the role of foreign accent in processes of social and personal identification on German-language material [Popova, 2021].

The **practical significance** of the study lies in the applicability of its findings to educational, academic, and professional contexts. The results may be used in university-level courses in sociolinguistics, psycholinguistics, migration linguistics, and intercultural communication, as well as in specialized seminars addressing language, migration, and discrimination. The findings are also relevant for the development of teaching materials and training programs in German and other Germanic languages, particularly those aimed at raising awareness of accent-based bias. Beyond

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

education, the results may inform institutional practices in academic, corporate, and service settings by contributing to the design of communication training and diversity policies that distinguish between actual communicative difficulties and socially driven evaluative biases.

2 | Results and Discussion

2.1. Foreign Accent and Mechanisms of Social Evaluation

Contemporary research demonstrates that accent constitutes one of the fundamental parameters of social categorization of speakers, comparable in significance to such characteristics as gender or age. Experimental evidence indicates that pronunciation features of speech may play a more decisive role in processes of social and ethnic classification than visual characteristics or explicitly stated group membership [Kinzler et al., 2009; Rakić et al., 2011; Pietraszewski & Schwartz, 2014; Popova 2021]. In this context, foreign accent should not be regarded as a secondary phonetic feature but rather as a socially salient indexical variable involved in processes of interpretation, categorization, and evaluation.

An analysis of recent empirical studies allows for the identification of several key mechanisms through which foreign accent influences the formation of social evaluations of speakers.

The first mechanism is related to perceptual load in the processing of accented speech. Foreign accent may increase cognitive costs associated with the perception of the speech signal, thereby reducing subjective processing fluency. A number of studies have shown that decreased perceptual fluency is associated with lower perceived credibility of the information source and reduced levels of trust [Spence et al., 2022; Teló et al., 2024]. This effect is commonly explained by the fluency heuristic and has been observed across different languages and institutional contexts [Maindidze et al., 2025]. Importantly, this mechanism does not imply objective unintelligibility of speech but rather reflects a subjective experience of increased cognitive effort, which is subsequently interpreted in social-evaluative terms.

The second mechanism involves stereotypical attribution and the functioning of accent as a rapid cue for social categorization. Foreign accent operates as a trigger for dichotomies such as “in-group versus out-group” or “center versus periphery,” activating stable social and cultural stereotypes. Experimental research indicates that accent may elicit not only ethnic but also socio-economic expectations, influencing listeners’ assumptions about speakers’ educational background, income level, and professional status [Popova, 2021; Dollmann, 2024; Maindidze et al., 2025]. In this sense, accent functions as a compact social signal that enables listeners to assign speakers to particular social categories even in the absence of additional information.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

A further mechanism concerns the institutional masking of accent-based discrimination. In many professional and organizational contexts, negative evaluations of foreign-accented speech are formally justified by reference to seemingly objective criteria such as speech clarity, communicative efficiency, or compliance with organizational standards. At the same time, meta-analytic reviews point to the need to distinguish between actual communicative requirements and cases in which accent serves as an indirect indicator of competence or social acceptability [Hideg et al., 2022].

These mechanisms suggest that foreign accent operates at several levels simultaneously: it affects perceptual processing, serves as a cue for social categorization, and is involved in institutional evaluative practices. Its impact on social evaluation cannot be reduced solely to individual perceptual biases but appears to be supported by stable cognitive and social processes. This becomes particularly evident in institutional contexts, where accent-based judgments are incorporated into both formal decision-making procedures and everyday interaction.

2.2. Perception of Accented Speech in Key Institutional Contexts

In recent years, research on the perception of accented speech has expanded beyond its traditional focus within sociolinguistics and psycholinguistics and now covers a wider range of social contexts. While the professional domain remains the most extensively studied area, more recent work has also addressed customer service interactions, academic settings, and legal regulation. This development reflects a shift from describing isolated effects toward viewing accent as a broader social factor.

2.2.1. Professional Contexts

A comparison of empirical and meta-analytic studies suggests that foreign accent influences interpersonal and professional evaluations of speakers in hiring contexts. A meta-analysis by Fuertes et al. showed that speakers with non-standard accents tend to receive lower ratings in terms of competence, social attractiveness, and professional suitability, regardless of speech content or formal qualifications [Fuertes et al., 2011]. Similar results have been reported in other studies, where accent is interpreted as a marker of group affiliation that activates stereotypical expectations among listeners [Giles et al., 2006; Roessel et al., 2017]. Available empirical evidence suggests that foreign accent is often associated with less favorable professional outcomes and may serve as a basis for discriminatory practices in the workplace. Such effects have been documented both in experimental studies and in analyses of real-life complaints related to discrimination on the grounds of origin and speech [Gluszek & Dovidio, 2010; Sathiyanathan & Xing, 2018].

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Research conducted over several decades consistently shows that foreign accent constitutes an independent factor of discrimination that cannot be reduced to candidates' ethnic background. For example, Krings and Olivares found that in the selection of immigrants for positions requiring advanced interpersonal skills, discrimination was selective and targeted representatives of specific ethnic groups associated with particular accents; in the Swiss context, this applied notably to Kosovar Albanians [Krings & Olivares, 2007].

Subsequent research has confirmed the cross-linguistic and cross-cultural universality of these effects. In Portugal, Brazilian Portuguese accent systematically reduced the likelihood of positive hiring decisions compared to European Portuguese [de Souza et al., 2016], while in English-speaking contexts, candidates with German and Spanish accents received lower hireability ratings despite identical response content [de Nijs, 2019]. An experiment by Deprez-Sims and Morris demonstrated that the negative effect of accent intensifies under conditions of low subjective intelligibility; although the gap narrows when intelligibility is high, it does not disappear entirely [Deprez-Sims & Morris, 2010].

Experimental research further indicates that foreign accent affects a broader range of social evaluations, including perceptions of trustworthiness, warmth, and moral character, which in turn influence willingness to cooperate and provide support in professional settings [Lev-Ari & Keysar, 2010].

Recent studies extend these findings by considering the degree of accent strength and audience characteristics. A study conducted in Flanders (2023–2024) showed that a female speaker with a Russian accent was rated significantly lower on hireability than speakers with regional Flemish accents given comparable qualifications, whereas differences among regional accents were not statistically significant.

2.2.2. Customer Services and Service Encounters

In the domain of customer service, accent is increasingly conceptualized not only as a factor shaping subjective evaluations of speakers but also as a determinant of concrete consumer behavior. Unlike professional hiring, where the consequences of accent bias often manifest at the institutional level, service interactions reveal its effects in everyday micro-practices of communication, directly influencing service quality and economic performance. Experimental studies show that when interacting with employees who speak with a foreign accent, customers are less likely to take initiative, demonstrate reduced willingness to cooperate, and more frequently shorten interactions, even when professional competence is held constant [Bourdin et al., 2024]. Accent also affects

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

perceived social closeness and trust, which in turn shapes engagement, willingness to ask clarifying questions, and propensity for empathic response [Fuertes et al., 2011].

Importantly, these evaluative processes translate into observable behavioral consequences. Customers interacting with foreign-accented service employees are more likely to curtail communication, display lower levels of cooperation, and avoid direct contact by switching to self-service channels or alternative modes of interaction. Crucially, these effects persist even when controlling for subjective intelligibility and perceived control over the interaction, indicating that stereotypical attitudes rather than genuine communicative difficulties underlie such responses [Giles et al., 2006; Huang et al., 2017; Spence et al., 2022]. As a result, accent bias in service contexts operates not merely at the level of perception but as a mechanism with tangible economic implications, reducing customer satisfaction and loyalty and ultimately affecting organizational performance.

2.2.3. Academic Contexts

Accent-based discrimination has become more visible in academic environments in recent years, whereas earlier it was discussed mainly in relation to the labor market. Empirical studies and institutional reports describe a growing number of cases in which students and faculty encounter mockery, biased evaluations, and various forms of microaggression related to accent, which points to the broader relevance of this issue within academic settings.

Recent research shows that, in academic contexts, accent may affect perceptions of competence and authority, as well as participation in discussions and the reception of oral contributions. Experimental and survey-based studies indicate that students and instructors with marked foreign accents are often perceived as less competent and less authoritative, even when their academic qualifications are comparable or higher [Fuertes et al., 2011; Dragojevic et al., 2018]. These evaluations, in turn, influence interaction within academic communities, including patterns of participation and feedback [Maindidze et al., 2025; Teló, 2024].

At the same time, public discourse increasingly addresses “accent snobbery” as a form of symbolic exclusion that is linked not so much to communicative efficiency as to underlying social hierarchies [Agudo, 2018]. This issue is also reflected in institutional initiatives. For example, at the University of Edinburgh, training programs and public discussions were introduced in 2023–2025 in response to complaints about accent-based mockery, lowered expectations, and exclusion in academic communication [Edinburgh Live, 2025]. Reactions to these measures were mixed: while accent

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

discrimination was acknowledged as a problem, the proposed solutions were sometimes seen as insufficient, which points to the persistence of accent-related hierarchies in academic culture.

In response to these challenges, many universities have introduced guidelines addressing accent bias, included this topic in diversity and inclusion programs, and implemented training for academic and administrative staff. Such measures are aimed at distinguishing between actual perceptual difficulties and socially conditioned evaluative biases. In this respect, academic institutions show developments similar to those observed in the legal domain, moving from isolated cases toward a more explicit recognition of accent as a socially relevant factor.

The developments mentioned above suggest a gradual shift within the university sector from implicit forms of accent-based exclusion toward more explicit institutional responses, in which linguistic diversity is increasingly treated as a resource rather than a deficit.

2.2.4. Legal Dimension

Within legal frameworks, recent years have witnessed a sustained trend toward the official recognition of discrimination based on accent and linguistic features – commonly referred to as glottophobia or accent/linguistic discrimination – as an independent ground for legal protection. This development reflects a broader shift in understanding accent not as an individual "speech defect" but as an element of social and cultural identity deserving protection alongside gender, race, or religion [Teló, 2024; Maindidze et al., 2025].

The French context is particularly illustrative in this regard. France became the first country to grant accent discrimination broad legal and public recognition. In 2020, amendments to the French Labour Code formally equated discrimination based on linguistic and accent-related features with other forms of discrimination [The Guardian, 2020]. These changes followed a series of court cases concerning refusals to hire candidates with marked regional or foreign accents, which contributed to increased institutional and public attention to accent-based discrimination. As a result, accent began to be increasingly conceptualized not as a marker of insufficient competence but as a component of social and linguistic identity deserving protection.

Comparable developments can be observed in Canada, where discussions of accent discrimination have received institutional recognition in recent years. In 2023, accent was included among the factors to be considered in human rights procedures and equality commissions. Concurrently, leading universities such as the University of Toronto and the University of British Columbia developed specialized courses and training programs on inclusive communication, with

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

particular emphasis on distinguishing genuine perceptual difficulties from discriminatory practices based on accent [Maindidze et al., 2025].

In this respect, accent increasingly comes to be viewed as a structural risk factor, prompting a gradual shift toward its recognition in corporate communication standards, training programs, and equal treatment policies aimed at mitigating covert forms of discrimination. At the corporate level, accent-related issues are increasingly integrated into DEI (Diversity, Equity, Inclusion) policies. Major Canadian banks, including RBC and TD Bank, have issued internal guidelines explicitly stating that accent must not be treated as an indicator of professional competence and that employees have the right to file complaints regarding manifestations of accent bias.

Further evidence of institutionalization is provided by initiatives of transnational corporations. Several international IT companies, including SAP and Microsoft, have introduced *plain accent guidance* – recommendations for HR specialists and line managers that emphasize focusing on speech content rather than pronunciation features and caution against using accent-related arguments in personnel decisions. These practices reflect attempts to translate scientific findings on accent bias mechanisms into applied regulatory frameworks [Teló, 2024].

To sum up, these observations suggest a shift from relatively limited scientific and public discussion toward a more explicit inclusion of accent-related issues in legal, academic, and corporate contexts. Comparative findings from different institutional domains show that foreign accent can function as a sociocultural marker involved in processes of social categorization and inequality. Available evidence indicates that accent bias occurs in professional, service, and academic settings and may persist even under conditions of high intelligibility. This suggests that accent is not evaluated solely as a communicative feature but is also interpreted as a socially meaningful signal. In both formal procedures and everyday interaction, such evaluations can contribute to forms of indirect exclusion that accumulate over time.

3 | Germany as a Sociolinguistic Context

In the German sociolinguistic context, Standard German (*Hochdeutsch*) traditionally holds a high normative status and is associated with educational legitimacy and institutional competence. Mastery of the standard variety is often linked to professional credibility and successful social integration. Accordingly, deviations from standard pronunciation – especially those associated with migration-related accents – tend to be interpreted not as neutral variation but as socially marked features. At the same time, it is important to distinguish between regional dialects and migration-related accents. Regional varieties such as Bavarian or Swabian are embedded in the national

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

linguistic repertoire and generally possess a certain degree of cultural legitimacy. By contrast, foreign-accented German is more often interpreted as an indicator of incomplete integration or limited linguistic authority. This difference reflects not only phonetic perception but also broader patterns of sociolinguistic stratification.

Thus, Germany represents a relevant context in which foreign accent and the presence of a so-called migration background (*Migrationshintergrund*) are connected with wider mechanisms of social inequality. Over the past two decades, immigration has played an important role in demographic and economic development in Germany. Studies by the Institute for Employment Research (IAB) show that migrant labour has contributed significantly to employment growth, and that recent positive labour market trends would have been difficult to sustain without it [Brücker et al., 2024; Brücker, 2025]. At the same time, this macroeconomic reliance on migration coexists with persistent differences in job quality, wages, and career opportunities, which affect migrants disproportionately. These inequalities are also related to language-based evaluations. While general linguistic competence is an important factor in labour market integration, foreign accent may act as a filtering mechanism in social and professional assessment that goes beyond objective qualifications. Empirical studies indicate that non-native accents can influence hiring decisions and occupational distribution, even when performance and communicative competence are comparable [DW, 2019; Dollmann, 2024]. Although employment rates among migrants tend to increase over time, convergence in income and occupational status remains incomplete. Regional analyses further show that migrants are more often concentrated in lower-paid sectors and areas with limited opportunities for upward mobility, which suggests an interaction between linguistic and social factors, including accent, and institutional labour market conditions [Schmid, 2023].

These dynamics are reinforced by the high normative status of Standard German, which functions not only as a communicative benchmark but also as a marker of educational legitimacy and symbolic capital. As Georgi demonstrates, educational stratification in Germany emerges at early stages of schooling and disproportionately affects children and adolescents with a migration background, who are more likely to encounter lowered expectations, tracking into non-academic pathways, and structural barriers to upward mobility [Georgi, 2024]. Language practices and pronunciation norms play a central role in these processes and are closely tied to differential educational outcomes.

Importantly, findings from the author's own empirical study conducted on German-language material corroborate these patterns. The results demonstrate systematic correlations between accent salience and social evaluations of status, perceived trustworthiness, and willingness to engage in

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

social interaction, even when overall proficiency is controlled statistically [Popova, 2021]. These effects emerge in simulated hiring scenarios, interpersonal judgment tasks, and discourse evaluations, pointing to a cross-domain influence of accent on both professional and social assessments.

At the level of public and institutional discourse, this constellation has been described as a paradox of simultaneous inclusion and exclusion. Migrants are publicly welcomed and institutionally courted as a solution to labour shortages, while at the same time experiencing discrimination and symbolic marginalization in everyday interactions and professional contexts [DW, 2019]. Debates surrounding school composition and proposed limits on the proportion of pupils with a migration background further illustrate how language use and accent become implicit indicators of educational quality and social cohesion [DW, 2025a]. Similar mechanisms have been documented in the housing market, where individuals perceived as linguistically or culturally "non-native" face discriminatory practices despite meeting formal criteria [DW, 2025b].

Taken together, these findings underscore that in the German context, foreign accent becomes one of the most visible and socially legitimate cues through which boundaries of inclusion and exclusion are drawn, particularly in contexts where explicit ethnic discrimination is normatively sanctioned. In this sense, Germany constitutes a particularly important empirical context for analyzing accent bias as a structural sociolinguistic phenomenon linking education, labour market integration, and everyday practices of social evaluation.

4 | Conclusion

The study brings together contemporary empirical and meta-analytic research on the role of foreign accent in social evaluation across different institutional contexts, including professional, service, academic, and legal domains. The results indicate that accent-related judgments are not limited to individual communicative situations but recur in settings where evaluation has broader social consequences.

The analysis suggests that foreign accent influences social evaluation not only through communicative factors such as intelligibility but also through sociocultural mechanisms. In this respect, accent is often interpreted not simply as a feature of speech but as a socially marked characteristic associated with processes of categorization and stereotyping.

The findings point to the cross-contextual nature of accent bias and its connection with broader patterns of social inequality. In different institutional domains, accent-related evaluations may affect access to social and professional opportunities, which allows interpreting accent bias as a relatively stable factor rather than an isolated perceptual effect.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Evidence from German-speaking contexts, including the author's empirical data, shows how these tendencies manifest in practice. In particular, a higher degree of accentedness is associated with lower evaluations of social status and trust, as well as reduced willingness to engage in interaction. These patterns remain observable even when overall linguistic competence is relatively high.

The results also point to several directions for further research. It appears important to examine more closely how specific phonetic features of accented speech become perceptually salient and which of them have the strongest impact on social evaluation. In this regard, particular attention may be paid to the role of the listener, including differences in linguistic background, multilingual experience, and professional experience, which can influence both perception and interpretation of accented speech. At the same time, a broader comparative perspective would make it possible to determine to what extent the patterns observed in German-speaking contexts are reproduced in other linguistic and cultural settings. Such an approach is especially relevant for migration societies characterized by a high degree of linguistic diversity. Another promising direction is the integration of experimental data with modeling approaches, which may help to relate phonetic characteristics of speech to perceptual responses and subsequent social evaluations within a single analytical framework.

REFERENCES

Agudo R. R. (2018) Everyone has an accent // The New York Times. July 14. Available at: https://www.nytimes.com/2018/07/14/opinion/sunday/everyone-has-an-accent.html (Accessed: 06.01.2026).

Bourdin D. et al. (2024) The influence of employee accent on customer participation // Journal of Service Research.

Brücker H. (2025) Drivers of employment growth: An overview of the integration of migrants into the German labour market // IAB-Forum. July 31. Available at: https://iab-forum.de/en/drivers-of-employment-growth-an-overview-of-the-integration-of-migrants-into-the-german-labour-market/ (Accessed: 10.01.2026).

Brücker, H., Ehab, M., Jaschke, P. and Kosyakova, Y. (2024) Institutionelle Hürden beeinflussen Umfang und Qualität der Erwerbstätigkeit von Geflüchteten [Institutional barriers affect the extent and quality of refugees' employment], IAB-Forschungsbericht, no. 12. Nürnberg. 46 p. DOI: 10.48720/IAB.FB.2412. (In German).

De Nijs N. (2019) The Effects of Non-native Accents on Hireability: A Comparison of German-Accented English, Spanish-Accented English and American English in Job Interviews. Radboud University. Available at: https://theses.ubn.ru.nl/handle/123456789/7949 (Accessed: 06.01.2026).

De Souza L. E. C., Pereira C. R., Camino L., de Lima T. J. S., Torres A. R. R. (2016) The legitimizing role of accent on discrimination against immigrants // European Journal of Social Psychology. Vol. 46, No. 5. P. 609–620.

Deprez-Sims A. S., Morris S. B. (2010) Accents in the workplace: Their effects during a job interview // International Journal of Psychology. Vol. 42, No. 6. P. 417–426.

Dollmann J. (2024) When your accent betrays you: The role of foreign accent in occupational sorting // Journal of Ethnic and Migration Studies.

Dragojevic M., Giles H., Watson B. M. (2018) The role of accent in intergroup evaluations // Journal of Language and Social Psychology.

DW (2019) Migranten – hofiert und diskriminiert [Migrants – courted and discriminated against], Deutsche Welle. Available at: https://www.dw.com/de/migranten-hofiert-und-diskriminiert/a-47442296 (Accessed: 6 January 2026). (In German).

DW (2025) Obergrenze für Migranten an Schulen – eine gute Idee? [Upper limit for migrants in schools – a good idea?], Deutsche Welle. Available at: https://www.dw.com/de/obergrenze-für-migranten-an-schulen-eine-gute-idee/a-73222738 (Accessed: 6 January 2026). (In German).

DW (2025) Rasizm pri vybore zhilya v Germanii: mif ili realnost? [Racism in housing selection in Germany: myth or reality?], Deutsche Welle. Available at: https://www.dw.com/ru/rasizm-pri-vybore-zila-v-germanii-mif-ili-realnost/a-75167193 (Accessed: 6 January 2026). (In Russian).

Edinburgh Live. (2025) Edinburgh University staff receive accent bias training to tackle discrimination. April 11. Available at: https://www.edinburghlive.co.uk/news/edinburgh-news/edinburgh-university-staff-receive-accent-31401200 (Accessed: 06.01.2026).

Fuertes J. N., Gottdiener W. H., Martin H., Gilbert T. C., Giles H. (2011) A meta-analysis of the effects of speakers' accents on interpersonal evaluations // European Journal of Social Psychology. Vol. 42, No. 1. P. 120–133.

Georgi V. B. (2024) Migration & the Quest for Educational Equity in Germany // Daedalus. Vol. 153, No. 4. P. 184–205. DOI: 10.1162/daed_a_02111.

Giles H., Watson B. M., Inoue Y. (2006) The social meanings of accents // International Journal of the Sociology of Language. No. 179. P. 1–20.

Gluszek A., Dovidio J. F. (2010) Speaking with a nonnative accent: Perceptions of bias, communication difficulties, and belonging in the United States // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 29, No. 2. P. 224–234.

Hideg I., Shen W., Hancock S. (2022) What is that I hear? An interdisciplinary review and research agenda for non-native accents in the workplace // Journal of Organizational Behavior. Vol. 43, No. 2. P. 214–235. DOI: 10.1002/job.2591.

Huang Y. et al. (2017) Accent and customer responses in service encounters // Computers in Human Behavior. Vol. 71. P. 140–150.

Kinzler K. D., Dupoux E., Spelke E. S. (2009) The native language of social cognition // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 106, No. 16. P. 6556–6560.

Krings F., Olivares J. (2007) At the doorstep to employment: Discrimination of immigrants as a function of applicant ethnicity, job type, and prejudice // International Journal of Psychology. Vol. 42, No. 6. P. 406–417.

Lev-Ari S., Keysar B. (2010) Why don't we believe non-native speakers? The influence of accent on credibility // Journal of Experimental Social Psychology. Vol. 46, No. 6. P. 1093–1096. DOI: 10.1016/j.jesp.2010.05.025.

Maindidze H. T., Randall J. G., Martin-Raugh M. P., Smith K. M. (2025) A meta-analysis of accent bias in employee interviews // International Journal of Selection and Assessment.

Martín-Raugh M. P., Kell H. J., Randall J. G., Anguiano-Carrasco C., Banfi J. T. (2023) Speaking without words: A meta-analysis of over 70 years of research on the power of nonverbal cues in job interviews // Journal of Organizational Behavior. Vol. 44, No. 1. P. 132–156.

Neeley T. B. (2013) Language matters: Status loss and achieved status distinctions in global organizations // Organization Science. Vol. 24, No. 2. P. 476–497.

Pietraszewski D., Schwartz A. (2014) Evidence that accent is a dedicated dimension of social categorization, not a byproduct of coalitional categorization // Evolution and Human Behavior. Vol. 35, No. 1. P. 51–57.

Popova M. V. (2021) The role of a foreign accent in the social and personal identification of a speaker // SHS Web of Conferences. Vol. 101. Art. 01013. DOI: 10.1051/shsconf/202110101013.

Rakić T., Steffens M. C., Mummendey A. (2011) When it matters how you pronounce it: The influence of regional accents on job interview outcome // British Journal of Psychology. Vol. 102, No. 4. P. 868–883.

Roessel J., Schoel C., Zimmermann R., Stahlberg D. (2019) Shedding new light on the evaluation of accented speakers: Basic mechanisms behind nonnative listeners' evaluations of nonnative accented job candidates // Journal of Language and Social Psychology. Vol. 38, No. 1. P. 3–32. DOI: 10.1177/0261927X17747904.

Sathiyanathan D., Xing J. (2018) Accent discrimination and the workplace // Harvard Business Review.

Schmid R. (2023) Migration and wage inequality: A detailed analysis for German metropolitan and non-metropolitan regions // Review of Regional Research. Vol. 43. P. 147–201. DOI: 10.1007/s10037-023-00180-x.

Sliwa M., Johansson M. (2014) Managing language in multinational corporations: A social practice perspective // Journal of World Business. Vol. 49, No. 3. P. 429–438.

Spence J. L., Hornsey M. J., Stephenson E. M., Imuta K. (2022) Is your accent right for the job? A meta-analysis on accent bias in hiring decisions // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 50, No. 3. P. 371–386. DOI: 10.1177/01461672221130595.

Teló C., Silveira R., Boeing Marcelino A. F., O'Brien M. (2024) Accent bias in professional evaluations: A conceptual replication study in Brazil // Applied Linguistics. Vol. 45. P. 1–20. DOI: 10.1093/applin/amae042.

The Guardian. (2020) Grave issue as France bans discrimination against regional accents. November 27. Available at: https://www.theguardian.com/world/2020/nov/27/grave-issue-france-bans-discrimination-against-regional-accents (Accessed: 06.01.2026).

Марианна Викторовна Попова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка, ведущий научный сотрудник
Экспериментально-фонетическая лаборатория криминалистики по речеведению
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
119034 г. Москва, Остоженка 38, стр. 1.

Эл. адрес: neunerin@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4302-7054

Marianna V. Popova
Candidate of Science (Philology), associate professor at the Department of German Phonetics at the Faculty of the German Language, leading research fellow
Experimental Phonetics and Forensic Linguistics Laboratory
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
38/1 Ostozhenka,
Moscow 119034,
Russian Federation.

Email: neunerin@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-4302-7054

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Для цитирования: *Попова М. В.* Иноязычный акцент как структурный фактор социальной стратификации в условиях современной миграции (на материале германских языков) // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 142–158. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-08

For citation: *Popova M. V.* Foreign accent as a structural factor of social stratification in contemporary migration context (based on Germanic languages) // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 142–158. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-08

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 16.10.2025;
approved after reviewing 14.03.2026;
accepted for publication 26.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

IN VARIA

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-09

ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ, ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ НОСИТЕЛЕЙ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ: ОПЫТ НАРРАТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

УДК 81’272

Александр А. Артамонов
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва,
Российская Федерация

Примечание[69]
Исследование выполнено в рамках проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении» (HSE-BR-2025-031).

Эржен В. Хилханова
Институт языкознания Российской академии наук
Москва,
Российская Федерация

Примечание[69]
Исследование выполнено в рамках проекта FMNE 2025-0014, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Аннотация

Работа посвящена изучению языковых установок, языковых идеологий и языковых практик носителей миноритарных языков (чукотского, науканского эскимосского, чаплинского эскимосского и эвенского) в Чукотском автономном округе. Для этого использован метод нарративно-дискурсивного анализа, позволяющий увидеть в нарративах реконструкцию прошлого опыта сквозь призму установок и идеологий рассказчиков. При анализе структуры нарративов исследование опирается на модель У. Лабова. В элицитированных дискурсах было выделено 134 нарративных и дискурсивных эпизода и 7 тематических блоков. Собственно языковые установки и идеологии обнаруживаются в нарративных эпизодах, в то время как дискурсивные эпизоды носят описательный характер и сообщают о текущем положении дел. Установлено, что носители оценивают положение чукотского, эвенского и языков юпикской группы как неблагополучное. По данным исследования, хотя языки и пережили процесс русификации Севера в советский период, языковые установки и практики людей, включая передачу языков детям, зависят от ряда факторов: условий первичной социализации информантов (выросли ли они в тундре или «национальных» поселках), установок и идеологий большинства, поколенческих факторов. Так, в отличие от старшего поколения, те, чьё становление пришлось на период возрождения этнического самосознания в 1990-х гг., сформировали новые языковые идеологии и практики, в том числе с использованием новых информационных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковые установки, языковые практики, нарратив, нарративно-дискурсивный анализ, миноритарные языки, Чукотка

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Александр А. Артамонов, Эржен В. Хилханова, 2026

[69] Соавтор А. А. Артамонов осуществил сбор и анализ языковых данных, определение теоретико-методологической рамки. Соавтор Э. В. Хилханова осуществила коррекцию теоретико-методологической рамки и подготовку статьи к изданию. Оба автора участвовали в написании введения, заключения и редактировании статьи.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-09

LANGUAGE ATTITUDES, IDEOLOGIES, AND PRACTICES OF MINORITY LANGUAGE SPEAKERS: THE EXPERIENCE OF NARRATIVE-DISCURSIVE ANALYSIS

UDC 81-119

Alexander A. Artamonov
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Acknowledgments[70]
The paper also presents the results of the project "Language, literature and culture in historical and social perspective" (HSE-BR-2025-031), carried out within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Erzhen V. Khilkhanova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Acknowledgments[70]
This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-2025-0014.

Abstract

This work focuses on language attitudes, ideologies and practices of speakers of minority languages (Chukchi, Naukan Yupik, Chaplin Yupik and Ewen) in the Chukotka Autonomous Okrug. Narrative-discursive analysis is employed to reveal how past experience is reconstructed through the prism of the narrators' attitudes and ideologies. When analysing the structure of the narratives, the study draws on W. Labov's model. In the elicited discourses, 134 narrative and discursive episodes and 7 thematic blocks were identified. Language attitudes and ideologies are found in narrative episodes, while discursive episodes are descriptive in nature and report on the current state of affairs. It has been established that native speakers assess the situation of the Chukchi, Even, and Yupik languages as unfavourable. According to the study, although the languages survived the process of Russification of the North during the Soviet period, people's language attitudes and practices, including the transmission of languages to children, depend on such factors as the conditions of the informants' primary socialisation (whether they grew up in the tundra or in 'national' settlements), the attitudes and ideologies of the majority, and generational factors. Unlike the older generation, those who came of age during the 'ethnic revival' in the 1990s formed new language ideologies and practices, including the use of new information technologies.

KEYWORDS: language attitudes, language practices, narrative, narrative-discursive analysis, minority languages, Chukotka

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Alexander A. Artamonov, Erzhen V. Khilkhanova, 2026

[70] Co-author A. Artamonov collected and analyzed the linguistic data and defined the theoretical and methodological framework. Co-author E. Khilkhanova corrected the theoretical and methodological framework and prepared the article for publication. Both authors participated in writing the introduction, conclusion, and editing of the article.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

В данной работе ставится цель изучить ряд тесно взаимосвязанных явлений: языковые установки, языковые идеологии и языковые практики носителей миноритарных языков (далее МЯ) в одном из отдалённых регионов России – Чукотском автономном округе. Для изучения этих субъектно-связанных феноменов нами использован *метод нарративно-дискурсивного анализа*, который позволяет оценивать субъективные данные в широком экстралингвистическом контексте. Говоря вкратце, нарративный анализ позволяет увидеть, как человек воссоздаёт опыт прошлого во время построения рассказа в настоящем, а дискурсивный анализ помогает исследователю выявить истинное отношение (эмоции, оценку) говорящего при анализе элицитированного дискурса. Поскольку анализ не только содержания, но и *структуры* нарративного дискурса не столь часто используется применительно к российскому материалу, акцент будет сделан, во-первых, на описании методологии исследования, его теоретической основы и процедуры исследования, во-вторых, на анализе полученных результатов с привлечением фрагментов полученных дискурсов.

Ввиду ограничений объёма статьи о самом регионе будет сказано коротко. Чукотка является довольно богатой в плане этноязыкового разнообразия территорией: здесь проживают носители таких МЯ, как науканский эскимосский, чукотский, чаплинский эскимосский и эвенский. Поскольку все эти языки находятся под угрозой исчезновения, под *носителем языка* мы будем понимать индивида, который обладает хотя бы минимальными языковыми компетенциями.

Далее необходимо прокомментировать терминологию, используемую при обозначении данных языков. С середины прошлого столетия камнем преткновения в зарубежной и отечественной лингвистике было обозначение языка эскимосов. В советском языкознании существовала позиция, согласно которой все эскимосы говорят на одном эскимосском языке, чаплинские эскимосы – на чаплинском диалекте, науканские – на науканском, но свой язык был у сиреникских эскимосов. В качестве литературной нормы был принят чаплинский диалект [Меновщиков, 1964; Меновщиков, 1975; Меновщиков, 1990]. Зарубежная лингвистика, напротив, считает все три варианта отдельными языками, при этом чаплинский и науканский входят в группу юпик, а положение сиреникского до сих пор не определено [Jacobson, 2005; De Reuse, 2013]. Не придерживаясь ни одной из указанных точек зрения, мы в данной работе будем употреблять словосочетание «эскимосский язык» в двух контекстах: (1) для обозначения языка чаплинских эскимосов в эпоху СССР; (2) для обозначения предмета образовательной программы в школах и колледжах Чукотского автономного округа. Для

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

обозначения науканского и чаплинского мы предпочтём использовать общий для двух вариантов термин – язык юпикской группы.

2 | Теория и методология исследования

Мы исходим из того, что вербализация пережитого языкового опыта в настоящем времени, при квази-спонтанном речепорождении, позволяет определить индивидуальные и групповые языковые установки и связанные с ними языковые идеологии. Мы интерпретируем *языковую установку* (далее ЯУ) как подвид социальной установки, который отражает восприятие и ценность языка в обществе.

Что же касается понятие «идеология», мы будем придерживаться широкой интерпретации этого понятия, где акцент *не* делается на политических коннотациях [Хилханова, 2025]. Идеология понимается как *систематизированная совокупность идей, единая концепция, которая выражает интересы различных групп*. Соответственно, языковые идеологии (далее ЯИ) – это групповые представления о языке, его природе, функциях и ценности, имеющие и индивидуальное измерение и предопределяющие языковое поведение членов социума.

Тем самым как ЯИ, так и ЯУ влияют на *языковые практики* – совокупность речевого поведения и коммуникативных проявлений, которые бытуют в определённом сообществе.

ЯИ и ЯУ в целом не поддаются прямому наблюдению. Н. Шварц и Г. Бонер утверждают, что в условиях эксперимента демонстрация установок информантом проходит поэтапно и подвергается сильному контекстуальному влиянию [Schwarz et al., 2001: 438–439]. В первую очередь информант анализирует вопрос, заданный исследователем, и пытается выявить основную проблему (другими словами: что именно хочет узнать исследователь). Затем наступает фаза активных когнитивных процессов, во время которых происходит первичное формирование ответа. Сначала информант извлекает из памяти релевантную информацию, которая соответствует выявленным в поставленном вопросе смыслам, и добавляет к ней субъективные характеристики (отношение к факту, оценка действий и так далее). В дальнейшем происходит вербализация, т. е. формулирование ответа с учётом особенностей контекста. Отвечая на поставленный вопрос, информант зачастую добавляет новую (и при этом релевантную) информацию, тем самым модифицируя собственные реплики [там же: 440].

Мы рассматриваем такой элицитированный дискурс не просто как связный текст, а как *нарратив*. Нарратив есть *реконструкция*, а не репрезентация, следовательно, он ставит целью не продемонстрировать настоящее положение дел, а воссоздать опыт прошлого с

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

интерпретацией реальности. *Нарратив – это, прежде всего, вербализация извлечённой из памяти информации, которая наложила определённый отпечаток на сознание индивида*.

Как известно, основными видами нарративов являются *придуманные повествования*, собранные путем элицитации с помощью невербальных стимулов – картинок, видео и т. д., и *личные рассказы* [Pavlenko, 2008]. На наш взгляд, наиболее адекватным инструментом, который обеспечивает качественное и достоверное выявление ЯУ, ЯИ и практик, является анализ *личного рассказа*. Основанием для выбора данного дискурсивного поджанра стали следующие причины. Во-первых, личный рассказ чаще всего строится вокруг одного индивида: рассказчик и главный герой повествования совпадают, что создаёт автобиографию, которая не поддаётся фактологической верификации [Кутковая, 2014]. Во-вторых, в личных рассказах превалирует оценочный компонент, который также влияет на объективность излагаемой информации. С другой стороны, целью такого рассказа является не столько непредвзятая характеристика конкретных событий прошлого, сколько позиционирование рассказчиком самого себя. Таким образом, именно в личном рассказе субъект максимально точно конструирует или воссоздаёт свою идентичность путём имплицитных или эксплицитных описаний своего состояния в определённый момент времени.

Что касается *структуры* нарратива, то по этому вопросу среди исследователей нет единого мнения. Большинство придерживается модели, предложенной У. Лабовым, согласно которой основным элементом нарратива является сюжет (*main line*), а факультативными компонентами – резюме (*abstract*), ориентация (*orientation*), кода (*coda*) и оценка (*evaluation*). Резюме представляет собой краткое изложение нарратива. Под ориентацией понимается разноплановый контекст, к которому отсылается нарратор. Этот контекст может строиться из минимального описания времени, местонахождения, основных героев и предшествующих событий. Сюжет является той последовательностью событий, которая ложится в основу нарратива. Он складывается за счёт осложняющих обстоятельств и резолюций. Затем при помощи коды можно выявить связь «ландшафта действий» с моментом повествования. Оценочный компонент демонстрирует отношение рассказчика к рассказываемому [Labov, 1966; Labov et al., 1966; Labov, 2004]. Есть, безусловно, и другие модели, например, модель построения автобиографий Дж. Брунера [Bruner, 2004].

На наш взгляд, наиболее полной схемой организации опыта, которая позволяет выявить глубинные смыслы (в нашем случае – ЯУ и ЯИ), является модель У. Лабова. Дело в том, что установки могут выражаться во всех структурных компонентах этой модели. В резюме и сюжете установка может быть представлена эксплицитно. Ориентация, будучи отсылкой к

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

контексту, может включать в себя предпосылки социального поведения рассказчика. Кода, которая представляет собой связь между ландшафтами действий и сознания, раскрывает, каких установок придерживается рассказчик в настоящее время. Наконец, в оценке установка находит непосредственное отражение: в выражении отношения рассказчика к рассказываемому проявляется сформированная модель поведения.

Таким образом, теоретическая основа исследования будет базироваться на следующих постулатах:

1) ЯУ является фактором формирования у *индивида* определённой поведенческой модели по отношению к объекту. Следовательно, ЯУ – это совокупность факторов, обусловливающих стратегии речевого поведения в широком смысле – от выбора кода и языковых единиц в процессе речепорождения до определения индивидуальной языковой политики в плане передачи языка будущим поколениям.

2) Для выявления ЯУ наиболее удачным инструментов экспертизы речи является нарративный анализ личных рассказов. Нарратив – это вербализация пережитого опыта. В структуру нарратива обязательно входит сюжет, факультативно – ориентация, кода, оценка.

Разделяемые внутри определённой группы социальные практики и установки выражаются в определенной идеологии как системе социолингвистических концепций, сформированных во взаимосвязи с моральными убеждениями общества. ЯИ конструирует лингвистическую реальность как для определённой этнокультурной группы, так и для каждого её представителя. Реальным отражением ЯИ являются языковые практики как набор коммуникативных проявлений, характерных для данной группы. Для выявления ЯИ и ЯУ в рамках пилотного исследования в 2022 г. было получено 12 полуструктурированных интервью, общим объёмом звучания 548 минут, средняя длительность – 46 минут. Результаты исследования публикуются впервые. На момент проведения интервью 9 информантов находились в г. Анадыре, 2 – в с. Анюйске и 1 – во Владивостоке. 11 информантов родились на территории Чукотского автономного округа, 1 – в г. Перми. Один информант, родившийся на Чукотке, переехал во Владивосток в 1990-е годы, и ещё один – из Перми в Анадырь в 2020 году. Участники эксперимента предоставили разрешение на запись разговора на диктофон.

Имена информантов были зашифрованы. В шифре обозначаются: порядковый номер (цифра), родной язык, согласно сведениям информантов (сокращением), возраст (число) и пол (m или f). Применяются следующие обозначения родных языков:

- Чукотский – CH (от Chukot или Chukchi);

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

- Чаплинский или науканский эскимосский – YU (от Yupik);
- Эвенский – EW (от Ewen);
- Русский – RU (от Russian).

Полная характеристика информантов представлена в Таблице 1.

№	Имя	Родной язык	Возраст	Пол	Род деятельности	Выборка	
						Нарратив-ных эпизодов	Иных дискурсив-ных эпизодов
1.	1_YU60f	Науканский эскимосский	60	Жен	Наука, образование	6	11
2.	2_CH60f	Чукотский	60	Жен	Наука, образование; СМИ, радиовещание	6	11
3.	3_YU52f	Чаплинский эскимосский	52	Жен.	Наука, образование; СМИ, радиовещание	4	10
4.	4_EW74f	Эвенский	74	Жен.	Наука, образование	9	5
5.	5_CH38f	Чукотский	38	Жен.	СМИ, радиовещание	2	8
6.	6_CH37f	Чукотский	37	Жен.	СМИ, радиовещание	9	8
7.	7_CH77m	Чукотский	77	Муж.	Радист	3	3
8.	8_YU29f	Чаплинский эскимосский	29	Жен.	Наука, образование	5	6
9.	9_CH84f	Чукотский	83	Жен.	Медицина	4	2
10.	10_CH25f	Русский	25	Жен.	Наука, образование	2	6
11.	11_CH74f	Чукотский	74	Жен.	Наука, образование	3	5
12.	12_EW68f	Эвенский	67	Жен.	Наука, образование	2	4
					ВСЕГО	55	79
						134	

Таблица 1. Общие сведения по информантам и выборке

Таблица демонстрирует явные ограничения, присутствующие в исследовании. Во-первых, распределение информантов по гендерному признаку неравномерно (10 женщин и 1 мужчина). Это связано с тем, что поиск информантов изначально осуществлялся через образовательные организации г. Анадыря, а большинство представителей коренных народов

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Чукотки, которые работают в системе просвещения и образования, – это женщины. Кроме того, очевиден некоторый перекос в профессиональной сфере информантов. Семь информантов являются или являлись до выхода на пенсию сотрудниками образовательных организаций: Чукотский институт развития образования и повышения квалификации, Чукотский многопрофильный колледж, средняя общеобразовательная школа г. Анадыря, средняя общеобразовательная школа с. Анюйска. При этом двое информантов совмещали основное место работы в образовательной организации с работой на радиостанции. Ещё двое информантов трудоустроены на той же радиостанции на полную ставку. Наконец, четверо информантов указали, что являются пенсионерами – двое из них, как было сказано выше, работали в образовательных организациях, один являлся медицинским сотрудником и один – оператором оленеводческой бригады. Тем не менее, мы полагаем, что для пилотного исследования и для установления общих тенденций такой выборки достаточно. Существует мнение, что в рамках качественного исследования выборка не обязательно должна включать большую часть населения, вместо этого она нацелена на то, чтобы максимизировать информацию, которую можно получить из одного контекста [Yin, 2016].

Учитывая цели интервью, нами была разработана особая стратегия построения коммуникации. Прежде всего, нам необходимо было выяснить, в каком языковом окружении воспитывался информант. Для этого интервьюер обращался с просьбой рассказать «о себе и свою историю на Чукотке». После этого мы выясняли, какие языковые трансформации имели место в детском и подростковом возрасте и как информант об этом рассказывает. Затем интерес представляли семейные языковые практики: выяснялось, на каком языке (каких языках) происходила коммуникация и в связи с чем был сделан выбор в пользу того или иного языка. Наконец, у информанта спрашивали, в каких сферах он(а) использовал(а) родной язык: например, ограничивалось ли употребление языка только семьёй, происходила ли коммуникация на родном языке с друзьями, товарищами, соседями, использовался ли родной язык при общении с медработниками и т. д.

Таким образом, первый блок вопросов можно условно назвать автобиографическим. Благодаря первому блоку мы смогли определить, какие установки были заложены в детстве, и предположить, подверглись ли они изменениям со временем.

Второй блок вопросов направлен на исследование языковых практик в настоящее время: используют ли информанты родной язык как средство общения внутри семьи, читают книги, газеты, журналы, слушают ли радиопередачи на нём и так далее.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Третий блок вопросов позволил определить, какие чувства испытывает информант к нынешней языковой ситуации. Во-первых, мы просили дать субъективную оценку происходящим языковым процессам. Во-вторых, информанта побуждали поразмышлять на тему взаимосвязи языка, культуры и этничности – тем самым, мы получили возможность определить языковые идеологии информанта.

Наконец, обратим внимание на сами нарративы. В качестве материала для анализа послужили коммуникативные эпизоды – отрезки речи, обладающие жанрово-композиционной связностью и тематической цельностью. Мы выделяем два вида коммуникативных эпизодов:

1) Нарративный эпизод – рассказ о своём или о чужом опыте, в котором присутствует одно или несколько основных событий. Обязательным условием нарративности является употребление форм прошедшего времени – как самих глаголов в форме прошедшего времени, так и *Praesens Historicum* (исторического настоящего времени). Истинной целью нарративного эпизода является не описать произошедшее, а передать чувства, эмоции, выразив тем самым своё отношение к факту прошлого.

2) Дискурсивный эпизод понимается нами в широком смысле. Это вид коммуникативного эпизода, главной целью которого ставится описание некоего феномена в прошлом или настоящем, обозначение перспектив и надежд. В дискурсивном эпизоде также выражаются чувства и эмоции по отношению к происходящему, однако его отличает от нарратива отсутствие линейной структуры. В дискурсивном эпизоде нельзя выделить основное событие.

В общей сложности было выделено 178 коммуникативных эпизодов, из них 134 (55 нарративных и 79 дискурсивных) удовлетворяют исследовательским требованиям данной работы.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3 | Результаты и обсуждение

Мы сгруппировали реплики информантов по тематическим блокам, которые отражены далее в подзаголовках. Темы выражались информантами как эксплицитно, так и имплицитно. Более того, внутри одного коммуникативного эпизода могло раскрываться несколько тем. Далее будут рассмотрены примеры нарративного и/или дискурсивного эпизодов в рамках каждого блока; для соблюдения требований к объёму статьи тематический блок будет иллюстрироваться одним-двумя примерами. [71]

Конструирование этнической идентичности.

В этот блок включены дискурсивные фрагменты, в которых информанты рассуждают о роли языка в формировании этнической идентичности. Определённым тематическим маркером выступило словосочетание «родной язык». В ходе интервью вопрос о связи языка с самоидентификацией вызывал не рассказывание личных историй или историй о жизни других, а, скорее, становился предметом обсуждения: информанты стремились дать развёрнутый, аргументированный ответ на поставленный вопрос. В итоге для анализа данной темы идентифицировано 12 дискурсивных и 2 нарративных эпизода.

Пример дискурсивного эпизода, в котором раскрывается тема конструирования этнической идентичности, приведён в Цитате 1. Информант, не считающий себя носителем языка юпикской группы, но активно занимающийся им в профессиональной деятельности, убеждён, что можно причислять себя к какой-либо этнической группе с минимальным знанием языка или же без него: важен не языковой, а культурный аспект. По его словам, такая тенденция наблюдается у представителей младшего поколения.

> *Интервьюер:*
> У меня ещё возник такой вопрос. Я правильно понимаю, что у вас такое трепетное отношение к языку и культуре и вообще такая взаимосвязь между языком и культурой, она установлена очень неразрывно? Или все-таки можно причислять себя к культуре без знания языка?

[71] Транскрипты устных дискурсов оформлены с использованием следующих условных знаков:

(.) (..) (…)	Незаполненные паузы разной длины
(а) (э)	Заполненные паузы разной длины
|| // \\	Завершение фразы ровной, восходящей или нисходящей интонацией
| / \	Завершение синтагмы ровной, восходящей или нисходящей интонацией
= ==	Фальстарт с последующим исправлением
слово	Особая акцентуация на слове или фразе

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

	Информант: Ну, сейчас, может быть, так и происходит. Например, я принадлежу к культуре эскимосского народа, знаю историю, знаю быт, но при этом я не говорю, но всё равно считаю себя, да, что я принадлежу к этому народу. Сейчас в основном молодежь, то есть картина такая, молодёжь, те, кто считает себя эскимосами, чукчами, они могут демонстрировать культуру через танцы, рассказы различные, но при этом знать язык очень поверхностно. Конечно, известно, что если нет языка, то и культура постепенно, да, может вместе с языком уйти, да, быть стертой. Но получается, что те, кто поют, произносят слова, если мы говорим про эскимосский язык, на эскимосском языке, танцуют, не все знают значения слов, что они там, если спросить человека, о чём эта песня, о чём вы поёте, то, скорее всего, молодой человек или девушка скажет: ну, наверное, это об этом вот. Или там какое-нибудь движение показывают, не знаю, видели ли вы короткие эскимосские танцы или нет, там в основном тоже о любви, об охоте, например, то тоже знания будут поверхностными. Вообще я тоже считаю, что если не знаешь языка, то как будет воспроизводиться, создаваться новое, на основе тех знаний, которые есть к языку. Ну вот, картина такая. Я считаю, что язык и культура всё равно, конечно, тесно связаны друг с другом, но картина сейчас такая, что молодежь может продвигать свою культуру без прочных знаний о языке или языка.

Цитата 1 Дискурсивный эпизод, 8_YU29f

Интересно оценить нарративный эпизод, представленный в Цитате 2. Отметим, что аргументативно он противоположен дискурсивному эпизоду из Цитаты 1. Наше внимание привлекло следующее: информант, начиная рассказывать, с какими трудностями столкнулись дети в процессе обучения эвенскому, перестраивает линию наррации ещё в резюме и разворачивает повествование вокруг собственных убеждений по поводу родного языка. Здесь и далее слова, написанные заглавными буквами, являются способом привлечь внимание читателя и не передают никаких просодических особенностей речи информанта.

	Интервьюер: Вы преподавали эвенский язык в школе, правильно понимаю? *Информант*: В школе, да. Я всю жизнь проработала в одной школе. В той школе, где я сама училась, в Анюйске. *Интервьюер*: С какими трудностями чаще всего сталкивались дети при обучении эвенскому языку? Какая тема была самая сложная для них?

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

	Информант:
РЕЗЮМЕ	Да *всё* трудное было || Дело в том (ээ), что они (.) в основном-то уже стали приходить (э), которые языка не знают | совсем уже не знают ||
СЮЖЕТ	И я в журналах (ээ), когда я оформляю (.) пишу / «эвенский язык» || Подписываю журнал пишу / «эвенский язык» || А потом приехали с проверкой и говорят (.) «А почему Вы пишете / «эвенский язык» \\ Надо писать / «родной язык» // Нет у вас предмета в этой школе эвенского языка, есть *родной язык* //. Я говорю: родной язык (.) это тот язык (.) на котором говорят с самого рождения || А дети | для них родной язык \ они с самого рождения по-русски говорят / для них родной язык это *русский* || А у них / эвенский, *МАТЕРИНСКИЙ* \ язык / как ИНОСТРАННЫЙ \\ Так же пишут / английский язык \ и так далее / русский / английский (..) а почему я не могу писать эвенский язык \\
ОЦЕНКА	Тем более (.) это для них УЖЕ НЕ *РОДНОЙ* ЯЗЫК ||

Цитата 2. Нарративный эпизод, 12_EW67f

Владение миноритарным языком

Мы просили информантов дать оценку своим знаниям МЯ, а также историю его усвоения. Тема владения МЯ так или иначе затронута в 15 нарративных и 4 дискурсивных фрагментах (к примеру, Цитата 3). Интересно, что информант *9_CH83f* даёт субъективную оценку своим знаниям чукотского в конце нарратива, посвящённого практике использования языка в настоящее время.

РЕЗЮМЕ	Я его знала очень хорошо \ пока было с кем разговаривать ||
СЮЖЕТ	А недавно я испытала, что я мысленно (..) мысленно разговаривала правильно (.) а вышла на лоджию (..) чтобы (ээ) поговорить с предками (…) вот (…) // Получилось, что на чукотском языке я уже разговаривать | так чтобы ценно было (.) понятно было | уже не могу, потому что не с кем общаться || А вот. В уме еще я умею и п= помню свой язык ||
КОДА/ ОЦЕНКА	Я считаю (э) что хорошо я знаю (.) что я знаю / я не забыла \\ В уме | А вслух произнести уже не всегда получается ||

Цитата 3. Часть нарративного эпизода, 9_CH83f

Миноритарный язык в детстве, в семье и в общении с младшим поколением

Эта тема позволяет посмотреть на языковые трансформации на протяжении двух–трёх поколений. Сначала информант говорит, на каком языке с ним разговаривали родители, бабушки и дедушки, а затем повествует о нынешнем языковом общении со своими детьми и внуками. Роль МЯ в семье раскрыта в 15 нарративных и 4 дискурсивных фрагментах.

Нарративный эпизод, посвящённый языковому переходу с МЯ на русский, представлен в Цитате 4. Рассказ посвящён, с одной стороны, эксплицитно – коммуникации с детьми, а с

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

другой, имплицитно – необходимости обучения русскому языку. Сюжет нарратива построен вокруг события, обусловившего отказ матери от передачи эвенского языка своему ребёнку. Информант вербализует свой опыт посредством использования исторического настоящего времени, прямой речи, императивов и эмоционально-экспрессивных единиц («сегодня же», «вы что делаете», «ой, вы что», «тут же», «мамаша»). Кроме того, отношение к опыту прошлому выражается информантом через *динамичный* интонационный контур.

РЕЗЮМЕ	Я, например, своего старшего сына учила / дома разговаривала ||
ОРНТ	Как раз у него с гемоглобином плохо что-то было | он в детский сад не ходил | ему надо пищу было другую (.) отдельно готовить (.) богатая которая \ с железом, чтобы повысить гемоглобин || И вовремя лечить \ лекарства ему давать || Ну вот, в год я ему подняла гемоглобин \ гемоглобин у него повысился |
СЮЖЕТ	и в год я повела его в детский сад || И я когда пришла за ним (э) меня спрашивают / «А что это ваш сын *до сих пор* не разговаривает» \\ Я говорю: «Почему \\ Говорит» // «Нет, он не разговаривает»// «Почему Вы так утверждаете» \\ «Потому что мы к нему обращаемся (.) а он ноль внимания (.) как будто бы не ему говорят | Он ничего не понимает» || Я говорю: «Так Вы на каком языке к нему обращаетесь | наверное, по-русски» \\ «*Конечно* / а на каком ещё» \\ Я говорю / «Он русский язык не знает | он только на своём / на *эвенском* языке говорит» || / «ОЙ *ВЫ ЧТО* МАМАША» //
ОРНТ	А я тогда ещё вообще не преподавала эвенский язык. Это как раз ещё не вводили. Только в нулевом классе было, подготовительном. И там только по букварю грамоту изучали на эвенском языке и всё. Но там был другой преподаватель. А я просто учителем начальных классов работала.
СЮЖЕТ	И я говорю | «А он только по-эвенски понимает» || «ВЫ *ЧТО ДЕЛАЕТЕ*, МАМАША // Вы *СЕГОДНЯ ЖЕ* ПРЕКРАЩАЙТЕ с ним говорить на своём языке // ГОВОРИТЕ с ним *только* по-русски || Как мы с ним будем *работать* \\ И как он будет общаться *с другими* детьми» \\ Ну, естественно, я *ТУТ ЖЕ* прекратила говорить с ним по-эвенски \ стала говорить уже только по-русски ==

Цитата 4. Часть нарративного эпизода, 4_EW74f

Любопытно, что представители среднего поколения (35–65 лет) были склонны совершать эксплицитный переход из одной темы в другую.

6_CH37f, отвечая на вопрос, связанный с оценкой языковой ситуации, сначала следует заданному интервьюеру вектору разговора, но затем переходит в рассказ о своём общении с дочерью (Цитата 5). По всей видимости, для информанта важным показателем текущего состояния чукотского языка являются языковые компетенции своего ребёнка. Это легло в основу личной истории об отказе обучать его чукотскому языку.

	Интервьюер: Получается, в детстве чукотского языка и культуры было намного больше, чем сейчас?
	Информант:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

	Да, намного больше, чем сейчас.
	Интервьюер: А как вы это оцениваете?
	Информант:
ОЦЕНКА	Ну конечно / я держусь \ то есть (.) есть / люди (.) которые сохраняют свой язык || Но сейчас очень-очень мало говорят, потому что в школах (.) в садиках не преподают (э) чукотский язык (.) все говорят только на русском ||
РЕЗЮМЕ	И даже моя дочка | ей 13 лет |
ОРНТ	она когда маленькая была \ до садика \
СЮЖЕТ	она говорила на чукотском, мы разговаривали с ней *только* на чукотском ||
ОЦЕНКА	И моя ошибка то, что когда с садика ее забрала \ надо было разговаривать по-чукотски ||
КОДА/ ОЦЕНКА	Короче \ печально немножко \\
	Интервьюер: То есть получается: ваша дочь уже забыла язык, да?
	Информант:
КОДА	(a-ha) не, ну она все равно разговаривает \ но не так хорошо, как, допустим, разговаривают я (.) или бабушка ||

Цитата 5. Нарративный эпизод, 6_CH37f

Информант *3_YU52f*, которого попросили описать свои чувства, вызванные отказом обучать детей языку юпикской группы, начал рассказывать о своём детстве и давать оценку языковым традициям родителей (Цитата 6).

	Интервьюер: Сожалеете ли Вы сейчас, что вы в детстве не говорили со своими детьми на эскимосском языке?
	Информант:
РЕЗЮМЕ	Ну, во-первых, я хочу о себе сказать, что я жила с родителями, которые говорили друг с другом на / эскимосском языке \ а с нами они говорили на / русском языке \\
ОЦЕНКА	Вот это вот мне НЕПОНЯТНО | ВРОДЕ оба родителя / эскимосы \ а с нами *очень / редко* говорили на эскимосском языке \\
СЮЖЕТ	но так как они говорили / друг с другом \ то мы их хорошо понимали || Ну, иногда говорили вот чисто бытовое \ какие-то вот отдельные слова / вот, и для них это еще язык (.) ну такой, может быть (..) *тайный* когда они что-то (ээ), например (.) хотели от нас скрыть \ и что-то там сказать друг другу (.) то они говорили на эскимосском языке || И я все равно понимала, что они там говорили (.) вот ||.
РЕЗЮМЕ	И в основном мы говорили, конечно (.) на русском языке ||

Цитата 6. Часть нарративного эпизода, 3_YU52f

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Русский язык и русификация

В данную тематическую категорию входят коммуникативные эпизоды информантов, в которых так или иначе раскрывается процесс обучения русскому языку. Подобная языковая трансформация стала темой личных рассказов информантов старшего возраста, что весьма очевидно, учитывая, что во вторую половину XX века русификация советского Дальнего Востока была в самом разгаре. Эти рассказы можно по праву назвать рассказами о ярком событии, так как информант вербализует *свой* опыт обучения русскому языку. Композиционно эта тема может быть представлена как основным событием нарратива, так и ориентацией (широким разноплановым контекстом, не ограничивающимся лишь описанием времени и места истории). Тема русификации раскрывается в 9 нарративных и в одном дискурсивном эпизодах.

Рассмотрим Цитату 7. Информант *4_EW74f* прибегает к описанию освоения русского языка сквозь двойную призму отношений к эвенскому. Используется прямая речь и императивы, внутри которых употреблён глагол «лопотать». Информант даёт понять, что, с одной стороны, ученики школы время от времени говорили между собой на эвенском языке, а с другой – учителя выражали неодобрительное отношение к их родному языку. Обратим внимание на то, что Цитата 8 является продолжением Цитаты 5.

РЕЗЮМЕ	… кстати (ээ), когда мы учились в школе, нам тоже запрещали говорить на р== на родном языке (…)
ОРНТ	Дело в том, что нас привозили из тундры | ну, в 50-е гг, начале 50-х гг меня вот привезли || Мы *совершенно* из тундры | в посёлке никогда не были || На оленях нас (.) привозили в школу ||
СЮЖЕТ	И мы ни одного слова по-русски не знали | русских никогда не видели / мы их даже *боялись* || И нам (э) запрещали говорить на своём языке || Говорили / «Опять вы на своём языке ЛОПОЧЕТЕ \\ Опять (.) ВЫ / ЧТО ТАМ \ *ГОВОРИТЕ* по-русски \\ И тоже объясняли это (.) знаете (.) опять-таки будто это(.) ну (..) конечно (.) может быть(.) и для благих намерений, чтобы быстрее научились говорить | на русском языке || Потому что обучение ведётся на русском языке, а мы *действительно* (.) многое не понимали (ээ), заучивали наизусть, чтобы отвечать правила и так далее.
КОДА	Зато может у нас и память развилась ||
ОЦЕНКА	Вот такие вот дела были ||

Цитата 7. Часть нарративного эпизода, 4_EW74f

Язык и общество. Использование миноритарного языка за пределами семьи

Из рассказов о том, где МЯ можно было услышать раньше и в каких сферах употребляется он сейчас, представляется возможным представить, какие языковые практики

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

бытовали ранее и бытуют сейчас. В данный тематический блок входят повествования о функционировании языка в СМИ, образовании и культуре, рассказы об использовании языка в жизни за пределами семьи, описание языкового ландшафта и т. д. В общей сложности было обнаружено 24 дискурсивных и 8 нарративных фрагментов, в которых информанты сообщают о языковых практиках настоящего и прошлого. В качестве примера приводится Цитата 8.

Интервьюер: Так, а теперь еще, знаете, Вы сказали по поводу газет и радиовещания, что в общем-то газет на эскимосском не издается, а радиовещание в очень раннее время происходит. А какого формата передачи вещаются?
Информант: Ну, например, в понедельник у нас идет передача так называемая «Мир инуитов», она посвящается жизни, например, эскимосов Чукотки большей частью, но иногда там звучит информация, например, о канадских эскимосах, гренландских, песни их, сказки. По вторникам у нас называется «Нунавут: наша земля» передача, ну вот, в этой передаче мы в основном рассказываем…то есть звучат передачи, это, песни, то есть творчество, сказки, рассказы, танцевальное искусство, вот. А по средам новости десятиминутные недельные. Вот, да. В понедельник передача идет 15–20 минут, во вторник 15 минут и в среду 10 минут. Все. Вот в остальное у нас эскимосский язык не звучит, то есть последнее время, действительно, время сократили. В советское время, конечно, его больше звучало.

Цитата 8. Дискурсивный эпизод, 3_YU52f

Языковой активизм и меры поддержки сохранения МЯ

Другой стороной языковых практик является языковой активизм общественных организаций, и этому аспекту также было уделено внимание во время интервью. Информанты сообщали о проводимых фестивалях, акциях, об ансамблях, существующих мерах поддержки языка. Эта тематика была представлена в 11 дискурсивных фрагментах и в 3 нарративных.

Помимо общественных инициатив, направленных на сохранение языка и культуры, речь шла и о личном активизме. За рассказами и повествованиями о своём вкладе в развитие языка скрывается личная оценка. К примеру, информант *3_YU52f* выражает недовольство тем, что немногие участники включаются в интерактивное обучение эскимосскому языку в группе мессенджера (Цитата 9).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Ну и то, что, вот сейчас мы все с телефонами и в Вотсапе, то у нас создана группа, которая называется «Учимся говорить по-эскимосски», у нас там около 70 человек, которая объединяет эскимосов, например, Провиденского района, города Анадыря, поселка Уэлькаль Иультинского района. Вот эскимосы между собой общаются и учатся говорить на эскимосском языке, причем там вот те знатоки, которые у нас старейшины, они пишут на эскимосском языке и на русском языке. Уже было проведено несколько уроков по языку, и, смотрю, вот прямо люди, которые вот в этой группе, они с удовольствием занимаются. Конечно, не все, было бы хорошо, если бы все проявили интерес, ну, может быть, некоторые стесняются. Потому что есть там у нас, например, задания, упражнения «озвучить», опять же там, может быть, 5–6–7 человек участвуют, а вот некоторые, я потом спрашиваю, звоню, говорю: «Ты чего не участвовал?», он говорит: «Ой, я что-то стесняюсь, а то будут надо мной смеяться», вот.

Цитата 9. Дискурсивный эпизод, 3_YU52f

Оценка текущей языковой ситуации

Наконец, мы просили информантов дать оценку нынешней языковой ситуации, назвать возможные причины и предложить свои варианты сохранения и развития языков. Кроме того, информанты выражали своё отношение к эффективности проводимых мероприятий по сохранению и развитию языков (см. цитату 10).

Но я … это Вы самое больное место у меня, в моём сердце – это НЕЗАЖИВАЮЩАЯ, КРОВОТОЧАЩАЯ РАНА – эвенский язык. Меня очень беспокоит настоящее и будущее моего эвенского народа, потому что это всё связано с языком, вы знаете. Нет языка, и нет народа. Я сильно-сильно беспокоюсь, правда, в каком плане сейчас у нас вообще очень тяжёлая сложилась языковая и этнокультурная ситуация. Это отсутствие языковой среды, потом уход из жизни носителей родного языка, знатоков духовной и материальной культуры. Вот. Они все уходят из жизни, и после них ничего не остаётся.

Цитата 10. Дискурсивный эпизод, 12_EW67f

Завершая анализ, скажем, что разделение коммуникативных эпизодов на нарративные и дискурсивные было необходимым этапом для изучения факторов формирования языковых практик в диахроническом срезе. Нарративные эпизоды сообщают о том, *какие* осложняющие события произошли, *каковы были* место рассказчика в истории и его вклад в развитие событий, какие эмоции он испытывает в *настоящем* в процессе вербализации опыта *прошлого* (*вину* за прерывание межпоколенческой передачи языка, *гордость* за проведённые мероприятия по популяризации языка и так далее). Таким образом, нарративные эпизоды помогают выявить собственно ЯУ.

Дискурсивные эпизоды, напротив, являются описательными. Дискурсивный эпизод, не обладающий чётким сюжетом, реже может вскрыть истинные чувства, вызванные каким-либо

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

определённым событием, и поэтому выполняет описательную функцию. В дискурсивном эпизоде сообщается о текущем положении дел. Другими словами, нарративный эпизод отвечает на вопрос «*как?*», а дискурсивный – на вопрос «*что?*».

Установлено, что МЯ используется преимущественно как средство общения младшего поколения со старшим (4,5%) или старшего со старшим (2,2%), реже – старшего с младшим (4,5%). Некоторые родители используют МЯ в общении со своими детьми посредством мессенджера, отправляя детям сообщения на родном языке (2,2%). Говоря об использовании языка за пределами семейного круга, информанты отметили, что могут спокойно начать разговор на родном языке с незнакомцем на улице (3,7%), однако не слышали ранее и не слышат язык в медицинских учреждения, магазинах, банках, отделениях связи (5,2%). Отметим, что в 1,5% эпизодов информанты рассказывали, как говорят на МЯ наедине с собой.

Есть определённая закономерность, связанная с ЯУ и ЯИ. Информанты, которые росли в окружении МЯ (чаще всего – в стойбище оленеводов), сформировали следующую ЯИ. Они считают, что без знания родного языка нельзя сохранить культуру и передать её младшему поколению в полном объёме (4,5%). Без знания языка нельзя называть себя чукчей/эскимосом/эвеном, невзирая на этничность родителей.

В то же время, информанты, воспитывавшиеся в окружении носителей русского языка, заявляют, что этническая самоидентификация человека определяется не родным языком, а менталитетом и этнической принадлежностью родителей (4,5%). Подобный примордиализм приводит к следующему суждению информантов: между языком и культурой нет стопроцентной зависимости; язык ценен сам по себе. Информанты, придерживающиеся данной точки зрения, были склонны говорить со своими детьми преимущественно на русском языке и, испытывая в настоящий момент чувство вины за «упущенное прошлое», стремятся оправдать себя, во-первых, низким престижем МЯ, во-вторых, отсутствием модели семейного общения на МЯ и, в-третьих, факторами этнической самоидентификации в свете глобализации.

Рассуждая о языковой ситуации, никто из информантов не назвал нынешнее положение и возможные перспективы языков благополучными. В 3,7% коммуникативных эпизодах встречаются такие лексические единицы, как «катастрофа», «точка невозврата», «необратимый процесс», «не заживающая рана на сердце». Однако ещё в 3,7% эпизодах, несмотря на выраженную озабоченность современной языковой ситуацией, информанты возлагали надежды на общественные организации и инициативы, направленные на популяризацию языков.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

4 | Заключение

Исследование показало, что нынешнее положение чукотского, эвенского, языков юпикской группы в самом деле незавидное. Языки изучаются в школах факультативно, вещание на них осуществляется в малом объёме. Эти языки не нужно учить, чтобы занимать должности госслужащих. В больницах, банках и прочих социальных институтах городов эти языки практически не используются. Русификация Севера, набравшая в 1950–1960-е гг. невероятные обороты, не смогла искоренить малочисленные языки, но сильно скорректировала языковые практики носителей.

Проанализировав полученные в ходе интервью данные и сопоставив их с теоретическими наработками, можно констатировать следующее:

- «Давление» русского языка во всех сферах обусловило так называемый несвободный выбор языка общения внутри семьи и зависимость его от социокультурного контекста. К примеру, представители чукотской этнической группы, выросшие в тундре, склонны передавать свой родной язык детям и использовать его в качестве инструмента общения наравне с русским языком. С другой стороны, эскимосы, выросшие в национальных посёлках, с детства находятся под бóльшим влиянием русского языка. По этой причине представители этнических групп, воспитывавшиеся вне традиционного контекста, не передают МЯ детям в полной мере.
- Русификация второй половины прошлого столетия отразилась не только на доменах использования МЯ, но и на сознании носителей. Язык автохтонного населения первого поколения стал звучать только в узких кругах общения – так, чтобы никто не мог высказаться о «некультурности» говорящего. У представителей этнических групп Чукотки, в конечном счёте, сформировался своего рода рефлекс: они стали меньше употреблять родной язык и, как следствие, отказались от его передачи детям, не желая, чтобы они также подверглись осуждению.
- Поколение представителей этнических групп Чукотки, родившихся во второй половине XX века, чьё становление, по сути, пришлось на период возрождения этнического самосознания, сформировало новые языковые установки и практики: носители МЯ не ограничиваются общением со своими детьми на родном языке исключительно в устной форме. Используя язык в бытовой жизни хотя бы на базовом уровне, они расширяют сферу его употребления с помощью мессенджеров. Кроме того, жители Чукотки создают группы по

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

изучению языков. С одной стороны, этот вывод весьма очевиден, так как именно это поколение впервые начало пользоваться продуктами технологического прорыва. С другой стороны, изменение политического и идеологического курса в конце 1980-х гг., вследствие которого и началось возрождение этнической идентичности, в конечном счёте и вызвало поиски новых путей популяризации МЯ и формирование новых языковых привычек.

ЛИТЕРАТУРА

Кутковая Е.С. (2014) Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. №4 (16). С. 23–33.

Меновщиков Г. А. (1964) Язык сиреникских эскимосов: фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. Л.: Наука. 220 с.

Меновщиков Г.А. (1975) Язык науканских эскимосов: (фонет. введ., очерк морфологии, тексты, словарь). Л.: Наука. 512 с.

Меновщиков Г.А., Вахтин, Н.Б. (1990) Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ – 2-изд., дораб. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние. 303 с.

Хилханова Э. В. (2025) Языковые идеологии // Социолингвистика. № 3 (23). С. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224.

Bruner J. (2004) Life as Narrative // Social Research 71, no. 3. pp. 691–710.

De Reuse W. J. (2013) Diminutive vowel neutralization in Central Siberian Yupik Eskimo: A possible explanation // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. 9. No 3. P. 299

Jacobson S.A. (2005) History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary // Études/Inuit/Studies. Vol. 29, No. 1–2. pp. 149–161.

Labov W., Waletzky J. (1966) Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. P. 12–44.

Labov W. (2004) Ordinary Events // Sociolinguistic Variation: Critical Reflections. ed. C. Fought, Oxford: Oxford University Press, 2004. pp. 31–43.

Labov W. (1997). Some further steps in narrative analysis. Journal of Narrative & Life History, 7(1–4), 395–415.

Pavlenko A. (2008) Narrative Analysis. In The Blackwell guide to research methods in bilingualism and multilingualism / ed. by Li Wei and Melissa Moyer. Wiley-Blackwell. pp. 311–325.

Schwarz N., Bohner, G. (2001) The construction of attitudes // Intrapersonal processes (Blackwell handbook of social psychology) / Oxford: Blackwell.. pp. 436 – 457.

Yin R. K. (2016). Qualitative Research from Start to Finish, Second Edition. New York: The Guilford Press. 386 pp.

REFERENCES

Kutkovaya, E.S. (2014) *Narrativ v issledovanii identichnosti* [Narrative in the Study of Identity]. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. № 4 (16), pp. 23–33. (In Russian).

Menovshchikov, G.A. (1964) *Yazyk sirenikskih eskimosov: fonetika, ocherk morfologii, teksty i slovar'* [The Language of the Sirenik Eskimos: Phonetics, Morphology, Texts, and Dictionary]. Leningrad: Nauka. 220 p. (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Menovshchikov, G.A. (1975) *Yazyk naukanskih eskimosov: (fonet. vved., ocherk morfologii, teksty, slovar')* [The Language of the Naukan Eskimos: (Phonetics. introduction, morphology sketch, texts, dictionary)]. Leningrad: Nauka. 512 p. (In Russian).

Menovshchikov, G.A., Vakhtin, N.B. (1990) *Eskimosskij yazyk: Ucheb. dlya uch-sya ped. uch-shch – 2-izd., dorab.* [Eskimo language: Textbook for students of pedagogical schools – 2nd edition, revised]. Leningrad: Prosveshchenie. Leningr. otd-nie. 303 p. (In Russian).

Khilkhanova, E.V. (2025) Yazykovye ideologii [Language Ideologies]. *Sociolinguistics*. № 3 (23), pp. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224. (In Russian).

Bruner, J. (2004) Life as Narrative. *Social Research* 71, no. 3, pp. 691–710.

De Reuse, W. J. (2013) Diminutive vowel neutralization in Central Siberian Yupik Eskimo: A possible explanation. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies.* Vol. 9. No 3, pp. 299-314.

Jacobson, S.A. (2005) History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary. *Études/Inuit/Studies*. Vol. 29, No. 1–2, pp. 149–161.

Labov, W., Waletzky, J. (1966) Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Helm J. (Ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society, pp. 12–44.*

Labov, W. (2004) Ordinary Events. *Sociolinguistic Variation: Critical Reflections*. ed. C. Fought, Oxford: Oxford University Press, 2004, pp. 31–43.

Labov W. (1997). Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1–4), pp. 395–415.

Pavlenko, A. (2008) Narrative Analysis. In *The Blackwell guide to research methods in bilingualism and multilingualism* / ed. by Li Wei and Melissa Moyer. Wiley-Blackwell, pp. 311–325.

Schwarz, N., Bohner, G. (2001) The construction of attitudes. *Intrapersonal processes (Blackwell handbook of social psychology)* / Oxford: Blackwell, pp. 436 – 457.

Yin R. K. (2016). *Qualitative Research from Start to Finish*, Second Edition. New York: The Guilford Press. 386 pp.

Александр Александрович Артамонов
Младший научный сотрудник,
Центр социокультурных и этноязыковых исследований, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
101000, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Эл. адрес: the.alexanderartamonov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-4975-5522

Alexander A. Artamonov
Junior researcher,
Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Research at the Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
20 Myasnitskaya Ulitsa,
Moscow 101000
Russian Federation.

Email: the.alexanderartamonov@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-4975-5522

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Эржен Владимировна Хилханова
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям,
Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: erzhen133@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9369-343X

Erzhen V. Khilkhanova
Doctor Habil. in Philology,
Leading Researcher,
Research Center on Ethnic and Language Relations,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: erzhen133@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9369-343X

Для цитирования: *Артамонов А.А., Хилханова Э.В.* Языковые установки, идеологии и практики носителей миноритарных языков: опыт нарративно-дискурсивного анализа // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 159–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-09

For citation: *Artamonov A.A, Khilkhanova E.V.* Language attitudes, ideologies, and practices of minority language speakers: the experience of narrative-discursive analysis // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 159–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-09

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 10.05.2026;
accepted for publication 30.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-10

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СЛУХОВОЙ ПЕРЦЕПЦИИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИВАНА ДЬЯЧКОВСКОГО «КУСТУГУ СИТТЭРБИЭН» («БЕГ ЗА РАДУГОЙ»))

УДК 81`27

Раиса П. Иванова
Политехнический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова
Мирный,
Российская Федерация

Аннотация

Статья представляет собой когнитивно-семиотический анализ лексики слуховой перцепции в автобиографическом романе Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой»). В центре исследования – интерпретация звуковых образов как элементов языковой картины мира якутского народа. На материале текста выявляются устойчивые модели, связывающие акустические явления (голос, песня, крик птиц, стук сердца) с эмоционально-когнитивными состояниями главного героя – ребёнка-инвалида, воспринимающего мир через призму звуковых символов.

Анализируются такие модели, как «Слуховая перцепция → надежда», «Слуховая перцепция → несчастье», «Слуховая перцепция → присутствие», «Слуховая перцепция → достижение цели», «Слуховая перцепция → спасение» и др., отражающие культурно-специфические особенности якутского мировоззрения. Звук в романе функционирует как ключевой семиотический ресурс, позволяющий герою конструировать альтернативную реальность, компенсирующую физические ограничения.

Доказывается, что слуховая перцепция не только раскрывает внутренний мир персонажа, но и выступает средством передачи традиционных представлений народа Саха о связи человека и природы, роли звука в мифопоэтической картине мира. Особое внимание уделяется символике криков стерхов и звуков природы, которые становятся для героя проводниками в мир духовных ценностей и национальной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слуховая перцепция, когнитивно-семиотическая модель, якутский язык, картина мира, художественный текст, символика звука, атипичная коммуникация, этническая идентичность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Раиса П. Иванова, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-10

UPDATING COGNITIVE-SEMIOTIC MODELS OF AUDITORY PERCEPTION IN THE YAKUT LANGUAGE (BASED ON IVAN DYACHKOVSKY'S WORK "KUSTUGU SITTERBIEN" ("RUN FOR THE RAINBOW"))

UDC 81 27

Raisa P. Ivanova
Polytechnic Institute (branch) of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosov
Mirny,
Russian Federation

Abstract

This article presents a cognitive-semiotic analysis of the vocabulary of auditory perception in Ivan Dyachkovsky-Kytalyk Uybaan's autobiographical novel *Kustugu Sitterbien* (Chasing the Rainbow). The study focuses on the interpretation of sound images as elements of the linguistic worldview of the Yakut people. Drawing on textual evidence, it identifies recurring patterns that link acoustic phenomena – such as the human voice, singing, birdsong, and the beating of the heart – to the emotional and cognitive states of the protagonist, a child with a disability who perceives the world through the prism of auditory symbols.

The analysis examines such models as "Auditory Perception → Hope," "Auditory Perception → Misfortune," "Auditory Perception → Presence," "Auditory Perception → Goal Attainment," and "Auditory Perception → Salvation," among others, which reflect culturally specific features of the Yakut worldview. In the novel, sound functions as a key semiotic resource that enables the protagonist to construct an alternative reality compensating for his physical limitations.

The study demonstrates that auditory perception not only reveals the character's inner world but also serves as a means of conveying traditional Sakha conceptions of the relationship between humans and nature, as well as the role of sound in the mythopoetic worldview. Particular attention is paid to the symbolism of the cries of Siberian cranes and the sounds of nature, which become guides for the protagonist into a world of spiritual values and national identity.

KEYWORDS: auditory perception, cognitive-semiotic model, Yakut language, worldview, literary text, sound symbolism, atypical communication, ethnic identity

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Raisa P. Ivanova, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Исследования слуховой перцепции в лингвистике развивались в нескольких ключевых направлениях. Так, В. В. Яцковский комплексно исследовал роль слуховой перцепции в формировании языковой картины мира на материале английского языка [Яцковский, 2005]. Г. Ф. Хакимова разработала принципы лексикографического описания слуховых концептов в русско-английском функционально-когнитивном словаре [Хакимова, 2005]. Е. А. Слободян расширила исследовательскую парадигму, проведя сопоставительный анализ семантического поля слухового восприятия в русском, польском и английском языках, что позволило выявить как универсальные, так и специфические языковые особенности репрезентации аудиального опыта [Слободян, 2007]. М. В. Токарева изучила механизмы концептуализации слухового восприятия в современном английском языке, уделив особое внимание метафорическим моделям и фреймовой организации аудиальных концептов [Токарева, 2012]. С. И. Шабанова предложила семантическую классификацию лексики слухового восприятия на материале повести А. П. Чехова «Степь» [Шабанова, 2022]. В работе И. Лю рассматривается лингвистическое моделирование ситуации объектного слухового восприятия на материале русскоязычных путевых очерков журнала «Вокруг света», выделяются объектно-активная и объектно-пассивная модели перцепции [Лю, 2023]. Средства образной номинации слухового восприятия в русском языке рассматривались Л.В. Калининой [Калинина, 2023, с. 47]. Роль слуховой семантики в индивидуально-авторской языковой картине мира писателя рассматривалась И. В. Башковой и О. В. Фельде на материале русского языка [Башкова, Фельде, 2024].

На материале тюркских языков также проводились значимые исследования: особенности лексико-семантического поля слухового восприятия в башкирском языке изучались в работе Л.Н. Якуповой [Якупова, 2010], а лингво-когнитивный анализ глаголов слухового восприятия в хакасском языке представлен в исследовании М. Д. Чертыковой и А.Д. Каксина [Чертыкова, Каксин, 2020].

В рамках когнитивно-семиотического подхода, который подразумевает изучение взаимосвязи между познанием, знаковыми системами и процессами смыслообразования, слуховое восприятие анализируется нами как процесс означивания, преобразующий акустические явления в элементы языковой картины мира [Иванова, 2024].

Ключевым фактором сближения когнитивной науки и семиотики, по мнению исследователей-лингвистов, выступает их общий объект исследования – семантика языковых

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

единиц [Козлова, Кремнева, 2021, с. 48] или смыслообразование [Богданова, 2022, с. 20]. Иначе говоря, полноценное изучение семантики невозможно без анализа когнитивных процессов, сопровождающих использование языка как знаковой системы.

Когнитивная семиотика использует триангуляцию методов, включая первый (субъективный), второй (интерсубъективный) и третий (объективный) подходы, чтобы обеспечить более полное понимание семиотических явлений [Zlatev, 2012, p. 15]. В связи с этим, при когнитивно-семиотическом моделировании мы применяем одновременно методы когнитивной лингвистики (когнитивное моделирование) и семиотики (интерпретация и трансформация знаков). Когнитивно-семиотическое моделирование – это авторский конструкт, позволяющий глубже погрузиться в смыслообразование с учётом креативного трансформационного потенциала языковых знаков.

Данный подход предполагает создание абстрактных репрезентаций (когнитивно-семиотических моделей), которые описывают, как перцептивные данные (например, звук) интерпретируются сознанием через призму культурно-обусловленных знаков и символов. Например, модели «Слуховая перцепция → эмоция» или «Слуховая перцепция → идентификация объекта» отражают переход от физического сигнала к его ментальной репрезентации в сознании носителя языка. При этом когнитивно-семиотическое моделирование слуховой перцепции не только объясняет, как звук становится знаком, но и раскрывает его роль в поддержании культурной идентичности и трансляции традиционных ценностей.

Художественный текст становится пространством взаимодействия универсальных когнитивных структур и культурно-специфических способов осмысления звуковой реальности. На материале автобиографического романа Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой») исследуется репрезентация слуховой перцепции, отражающая особенности якутской языковой картины мира. Повествование ведётся от лица мальчика-инвалида, что позволяет раскрыть уникальные механизмы звукового восприятия как компенсаторного способа познания мира. Анализируется функционирование лексем слуховой перцепции, формирующих сложную семиотическую систему произведения.

2 | Когнитивно-семиотические модели слуховой перцепции в произведении Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн»

Роман начинается с повествования о том, как взрослые люди говорили о мальчике-инвалиде как о безнадежном бремени:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1) *Олоҕу лаппа билэр дьон тылын <u>иһиттэхпинэ</u>, хайдах да киһи-хара буолар кыаҕым суох (Кыталык, с. 12).* Если <u>послушать</u> слова хорошо знающих жизнь людей (взрослых), я никогда не стану полноценным человеком.

Подслушав разговор соседских женщин, Ваня с болезненной ясностью осознаёт, что воспринимается окружающими как обуза для семьи. Это становится для него тяжёлым открытием, поскольку ранее мальчик не осознавал свою инвалидность как проблему. Возникает острый когнитивный диссонанс: с одной стороны – любовь и поддержка семьи, представляющей его будущее в героических тонах через сравнение с былинным Ильёй Муромцем, с другой – жестокий прагматизм окружающих. Этот эпизод демонстрирует формирование когнитивно-семиотической модели «Слуховая перцепция → когнитивный диссонанс», где звуковая информация вступает в противоречие с существующей картиной мира ребёнка.

2) *Дьахталлар убайдарбар-бырааттарбар: - <u>Иһиттигит</u> дуо? Ийэҕит өссө биир уолу атыыласпыт. Саллааттар эбиллибиккит. Дьэ, мантан ыла мээнэ мэниктиигит, сүүрэргит-көтөргүт тохтуура буолуо. Оҕоҕутун көрөр буоллаххыт дии, — диэтилэр (Кыталык, с. 14).* Женщины моим братьям: – Вы <u>слышали</u>? Ваша мама купила (родила) еще одного мальчика. В вашем полку прибыло. С этого дня перестаёте баловаться и играть. Будете смотреть за ребёнком.

Известие о рождении брата изначально несёт двойственное значение: радостное событие одновременно знаменует переход к новой жизни с повышенной ответственностью. Однако смерть матери трансформирует восприятие этой новости – она становится символом сиротства и утраты. Формируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → несчастье», где звуковая информация приобретает трагическую семантику.

3) *Кини кэпсээниттэн биир да тылы мүччү ыһыктыбатарбын ханнык диэн болҕойон <u>иһиттим</u>: — Бу орто дойду олоҕо барыта Үрүҥ Аар Тойонтон тутулуктаах. Кини тохсус халлаан үрдүттэн барытын көрө олорор. Бу дьоллоох буолуон сөп диэбит киһитигэр айыы көтөрүн — кыталыгы ыытар (Кыталык, с. 16).* Я <u>слушал</u> его рассказ очень внимательно, чтобы не упустить ни одной детали: – Жизнь на земле полностью зависит от Үрүҥ Аар Тойон (Бога). Он с девятого уровня неба смотрит на нас. Тому человеку, кого он посчитает счастливым, он посылает божью птицу – стерха.

Отец рассказывает детям сказку о стерхах – птицах счастья, по якутским поверьям. Ваня, затаив дыхание, слушает отца и находит в этом рассказе надежду: он верит, что, увидев танец

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

стерхов и загадав желание, сможет вернуть маму. Слуховая информация трансформируется в устойчивый образ надежды, формируя когнитивно-семиотическую модель «Слуховая перцепция → надежда». Стерхи становятся для мальчика не просто птицами, но символом преодоления горя и воплощения мечты.

В одно раннее утро отец сажает Ваню на спину и приносит на красивую поляну:

4) *Манна киһи хараҕа эрэ үөрэр буолбатах, айылҕа тыаһа-ууһа бэйэтэ дьикти музыка буолан иһиллэр (Кыталык, с. 22).* Здесь радуется не только глаз, звуки природы льются прекрасной музыкой.

Не только внешне природа кажется мальчику красивой, но и её звуки создают прекрасную атмосферу, предвосхищая что-то доброе и хорошее. Прекрасные звуки природы, таким образом, являются знаками-индексами предстоящего радостного события. Реализуется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → радость». Наконец, Ваня видит стерхов – божьих птиц:

5) *Тугу эрэ иһиллиирдии, тулаларын көрүнэ-көрүнэ, чочумча тура түстүлэр. Биир кыталык кырыымпалыы куолаһынан хатанныk хаһыытаатын кытта, бары тутталлара-хапталлара уларыйа оҕуста. Сорох кыталыктар туруктаан ыла-ыла оргууй аҕай төттөрү-таары хаамыталыыллар, турар сирдэригэр өрүтэ ыстанҕалаан ылаллар (Кыталык, с. 23).* Как будто прислушиваясь чему-то, осматриваясь, они постояли немного. Один из стерхов звонко крикнул голосом, похожим на звук кырымпы (якутской скрипки), и поведение остальных птиц тут же поменялось. Некоторые птицы стали кричать и ходить величественно туда-сюда, то подпрыгивая вверх, то останавливаясь на месте.

Наблюдая танец стерхов, Ваня замечает, как звуки, издаваемые птицами, служат сигналами к действию. Вожак стаи особым криком возвещает начало танца. В этот момент мальчик загадывает желание о возвращении матери. Хотя оно не сбывается буквально, позже он осознаёт: в этих птицах мать продолжала жить духовно. Звуковая коммуникация стерхов актуализирует модель «Слуховая перцепция → присутствие», где акустические сигналы становятся знаком незримой связи с утраченным близким человеком.

6) *Күн ахсын, аан тыаһын иһиттэҕим аайы, «во!» киирэн кэлэрин кэтэһэрим. Күндьыл ааһан испитэ. «Во!» суоҕун курдук суох этэ (Кыталык, с. 25).* Каждый раз, когда я слышал звук двери, я ждал, что войдёт «во!» Дни шли, а «во» так и не появлялся.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Ваня, неправильно поняв брата, начинает верить в мифическое существо «во!», которое должно принести счастье. Он с надеждой прислушивается к каждому звуку открывающейся двери, ожидая появления волшебного помощника. Звук двери трансформируется в акустический символ грядущей радости, знак возможного исполнения желаний. Таким образом формируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → ожидание счастья», где слуховые сигналы становятся проводником надежды и предвкушения счастливых перемен.

7) *Оттон онно ийэбит ырыата иһиллибэт дуо? Кыталыктар үҥкүүлэрин көрбөтүгүт дуо? Аҕам кыталыктары «Ыраах да ыраах» көрбүппүт диэбитэ. — Суох, онно биир да ырыа иһиллибэт. Кыталыктары да көрбөтүбүт (Кыталык, с. 30).* А вы там не слышали песню нашей матери? Не видели танец стерхов? Отец мне сказал, что стерхи находятся далеко-далеко. – Нет, никаких песен там не слышно. И стерхов не видели.

Когда братья вернулись домой после долгой игры вдали от дома, Ваня спросил их, не слышали ли они пение матери в тех далёких местах. Для мальчика материнская песня остаётся звуковым индикатором её связи с ней, даже несмотря на физическое отсутствие. Этот эпизод иллюстрирует когнитивно-семиотическую модель «Слуховая перцепция → присутствие», где слуховой образ становится символом непрерывной связи с утраченным близким человеком, преодолевая пространственное и временное расстояние.

Ваня спрашивает братьев, не видели ли они стерхов в тех далёких местах, ведь отец сказал, что мама теперь там, где танцуют эти птицы. Узнав, что братья не слышали материнской песни и не видели стерхов, мальчик говорит:

8) *Мин эһиги курдук сатаан хаамарым эбитэ буоллар, ол «Ыраах да ыраах» диэн сиргэ тиийэн сэриилэһэ оонньообокко эрэ, ийэм ырыатын иһиллээн, ийэбин булан, кини буһарбыт минньигэс аһын аһаан баран, онно үүннэрбит сибэккилэригэр уу кутуо уонна иккиэн кыталык үҥкүүтүн көрүө этибит (Кыталык, с. 30).* Эх, если бы я мог ходить так же, как и вы, дошёл бы до того самого «далеко-далеко», и вместо того, чтобы играть там в войну, услышал бы мамину песню, нашёл бы её, поел бы её вкусных угощений, затем мы бы полили цветы и вдвоём посмотрели бы на танец стерхов.

Голос матери остается для него звуковым ориентиром, знаком её непрерывного присутствия в мире. Эта наивная вера отражает глубокую экзистенциальную потребность мальчика – через слуховое восприятие сохранять связь с ушедшим человеком. Формируется модель «Слуховая

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

перцепция → преодоление утраты», где акустический образ становится инструментом отрицания конечности смерти и эмоционального выживания.

Осенью Ваня идёт в школу. Там он влюбляется в девочку. Он пишет ей письмо и кладёт его в её дневник. После этого он слышит сильный стук своего сердца:

9) *Төннөн, кини паартатыттан тэйдэҕим, бэйэм миэстэбэр чугаһаатаҕым аайы, сүрэҕим тыаһа күүһүрдэр-күүһүрэн истэ. Оннубар олорбуппар, сүрэҕим тыаһа кылааһы биир гына тиҥийдэ (Кыталык, с. 43).* Когда я шёл обратно к своему месту и отдалялся от её парты, моё сердце колотилось всё сильнее (досл. звук моего сердца становился всё громче и громче). Когда я сел на свое место, моё сердце стучало на весь класс (досл. звук сердца был слышен во всём классе).

Ваня переживает сильное волнение, которое проявляется через физиологические реакции – учащённое сердцебиение, субъективно воспринимаемое как громкий, слышимый окружающими стук сердца. Этот соматический звук становится акустическим выражением его эмоционального состояния:

> *Араaһа мин сүрэҕим тыаһа көрүдүөргэ кытта иһиллэр быһыылаах. Билигин кылааһым оҕолоро киирэн, сүрэҕим тыаһын иһиттэхтэринэ: «Оо, Ваня эрэйдээх өлөн эрээхтиир! Ваня, баһаалыста өлүмэ, биһиги эйигин кытта оонньуохпут», — диэн аһын да аһын буолуохтара. Бэйэбин аһыннарыахпын баҕарбаппын (Кыталык, с. 43).* Кажется, стук моего сердца слышен даже в коридоре. Сейчас мои одноклассники, зайдя в класс, услышат его и скажут: «Ой, бедный Ваня, умирает! Ваня, пожалуйста, не умирай, мы будем с тобой играть», – будут жалеть меня. А я не хочу, чтобы меня жалели.

Звук собственного сердца, гиперболизированный до крайней степени, становится слышен Ване даже в коридоре; мальчику кажется, что он сейчас умрёт. Этот физиологический симптом служит знаком сильнейшего эмоционального возбуждения. Посредством слуховой лексики автор описывает состояние влюблённости, реализуя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → чувство влюблённости».

10) *Инньэ гынан сурукпун, чуораан тыаһыан иннинэ тиийэн, төттөрү ыллым. Ити кэнниттэн, сурукпун Кыталык Кыыс кинигэтигэр, суумкатыгар, сонун сиэбигэр уура сатаабытым да, сырыы аайы сүрэҕим тыаһын тулуйбакка, төттөрү ыларым. Күн бүгүнүгэр диэри, ол сурукпун кыайан биэрбэккэ сылдьабын (Кыталык, с. 43).* Пришлось забрать обратно моё письмо до звонка. После этого я

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

пытался положить письмо в её книгу, сумку, рукав пальто, но, не выдерживая стука (досл. звука) своего сердца, забирал обратно. До сегодняшнего дня я так и не передал его.

Охваченный сильнейшим волнением, Ваня так и не смог признаться девочке в своих чувствах. Громкий стук его сердца, описанный в тексте, становится красноречивым символом той глубокой, но невысказанной любви.

Обрадованный предстоящим походом, Ваня тщательно к нему готовился. Однако в школе он услышал от одноклассников жёстокие требования уйти, чтобы из-за него не отменили мероприятие. Они не хотели брать его, чтобы «не возиться». Но Ваня решил дождаться учительницы, чтобы узнать её мнение:

Ол да буоллар, учууталым санаатын билиэм, тылын-өһүн истиэм диэн, аан аттыгар олордум (Кыталык, с. 49). И всё же, чтобы узнать мнение учительницы, услышать её слова, я остался сидеть у двери.

Ваня хочет лично услышать вердикт учительницы, чтобы убедиться окончательно. Её слова будут для него прямым отражением её мысли: «учууталым санаатын билиэм, тылын-өһүн истиэм» (узнаю, что думает учительница, послушаю, что она говорит). Таким образом, слуховая перцепция здесь выступает как знак-индекс мыслительной деятельности, реализуя модель «Слуховая перцепция → мнение».

Ваню не берут в поход. Решив догнать одноклассников, он заблудился и вышел на поляну, где когда-то с отцом видел стерхов – птиц счастья. Теперь это место было неузнаваемо: повсюду валялся мусор, пахло бензином. Не было ни птиц, ни мамы. Тогда Ваня решил запеть – чтобы мама, услышав его голос, нашла его:

Куоласпын истэн, ийэм миигин хайыы үйэҕэ булбута ыраатыа этэ. Оччоҕо билигин мин сибэкки ортотугар ийэм минньигэс аһын аһыы олорор буолуом этэ. Бачча чуумпуга мин ырыам ыраахха диэри иһиллэр буолуохтаах (Кыталык, с. 55). Услышав мой голос, мама давным-давно нашла бы меня. Я бы сейчас среди цветов ел бы мамины вкусные угощения. В такой тишине моя песня, должно быть, слышна издалека.

Голос здесь функционирует как знак-индекс, непосредственно указывающий на личность человека и выступая инструментом для его обнаружения. Таким образом, реализуется когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → идентификация личности».

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

После случая с отказом Ваня начал ежедневно тренироваться, чтобы преодолевать большие расстояния. В следующий поход его взяли. Дети уже взобрались на вершину горы, а Ваня всё ещё поднимается:

11) «Ура-а!» хаһыы иһиллибитигэр хантайан көрбүтүм, оҕолор бары чыпчаалга тураллар эбит (Кыталык, с. 64). Услышав крики «Ура-а!», я поднял голову и увидел, что все ребята уже были на вершине горы.

Крики «Ура!» служат знаком-индексом достижения вершины, реализуя модель «Слуховая перцепция → достижение цели». Услышав насмешки одноклассников, Ваня оступается, но хватается за куст шиповника. Игнорируя издёвки, он продолжает путь и на вершине слышит крик стерхов.

Заметив, что стерхи летят в сторону той местности, где они однажды с отцом видели их, Ваня сбегает и блуждает несколько дней в тайге. На четвертый день его находят охотники, когда он, услышав выстрелы, выбегает к ним, защищая птиц. Отец, услышав объяснения Вани, не наказывает его и, делая вид, что торопится, уходит на работу.

12) Аҕам, мин тылбын-өспүн истэн баран: «Киэһэ кэллэхпинэ миигин эрэйдээбиккин ситиһиэм», – диэбитэ уонна үлэтигэр барбыта (Кыталык, с. 78). Услышав мои слова, отец сказал: «Вечером, когда приду домой, покажу тебе, как меня изводить», – и ушёл на работу.

В данном случае событийный слуховой объект (объяснение Вани) позволяет отцу понять истинный мотив поступка сына и избежать наказания. В данной пропозиции также имплицитно выражены любовь и забота отца, что реализует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → проявление любви и заботы».

Ваня снова сбегает из дома, в надежде увидеть птиц счастья – стерхов. В этот раз он хорошо подготовился, взял запасы еды, шины для переправы через реку, спички, фотоаппарат и многое другое. Он стал фотографировать животных и птиц и наблюдать за ними.

13) Фотоаппараат тыаһа миигин бу орто дойдуга төнүннэрэрэ. Ити сайын мин элбэх кыыл, көтөр олоҕун туһунан билбитим. Сарсыарда аайы туруйалар хаһыыларыттан уһуктарым, киэһэ аайы кинилэр саҥалара миэхэ биһик ырыа буолара (Кыталык, с. 80). Звук фотоаппарата возвращал меня на землю. В то лето я многое узнал о жизни животных и птиц. Каждое утро я просыпался от криков журавлей, а вечером их курлыканье служило мне колыбельной песней.

В природе он чувствовал себя счастливым, свободным и независимым – там его никто не обижал. Погружённого в мечты мальчика возвращал в реальность щелчок фотоаппарата,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

выступавший знаком-индексом действительности (модель «Слуховая перцепция → реальность»). Крики журавлей служили ему знаком-индексом наступления утра (модель «Слуховая перцепция → наступление утра»), а их курлыканье он наделял символическим значением колыбельной (модель «Слуховая перцепция → колыбельная»).

Так он провёл несколько дней в поле, фотографируя птиц и животных. Однажды, когда он слишком близко подошёл к стае, на него напал серый журавль:

14) Тыыннаах ордор баҕаттан күөмэйим хайдарынан часкыйбытым, хаһыытаабытым, туруйаны фотоаппарааппынан, халампааспынан сыыһа-халты сабаабытым. Мин ыксаабыт хаһыым туруйа суоһурҕаммыт хаһыытын баһыйбыт буолан, кини оргууй аҕай тэйэн эрэрин көрөн, нэһиилэ биир каадыры түһэрээт, буутум быстарынан куотар аакка түспүтүм (Кыталык, с. 80–81). Я кричал что есть мочи, стараясь создать как можно больше шума в надежде спастись от смерти, отбивался от журавля фотоаппаратом и биноклем. Мой истошный вопль всё же перекрыл угрожающий крик журавля, он тихо начал отходить назад, в это время я кое-как успел сделать один кадр и со всех ног бросился бежать.

Ваня использует громкий шум в качестве знака-индекса сопротивления и силы, чтобы птица отошла от него, птица же использует интенсивный звук для устрашения и угрозы. В действительности они оба сильно напуганы. Знак-индекс трансформируется в знак-символ страха и желания выжить как у человека, так и у птицы. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → чувство страха».

Убегая от атакующего журавля, Ваня встречает всадников:

15) Ол дьон: «Улуу ырыаһыт Шаляпин куолаһа түөрт биэрэстэлээх сиртэн, туруйа хаһыыта сэттэ биэрэстэттэн иһиллэр дииллэр. Оттон эн часкыйбыккын истэммит, биһиги манна уон биэрэстэлээх сиртэн кэллибит», — дэһэ-дэһэ күлсүбүттэрэ (Кыталык, с. 81). Они: «Говорят, голос великого Шаляпина слышен с четырёх вёрст, а крик журавля с семи. А твой вопль мы услышали с расстояния десять вёрст», – смеясь, говорили.

Коневоды услышали крики Вани и обнаружили его в поле. Слуховой объект здесь выступает знаком-индексом присутствия мальчика. Голос, как перцептивный знак-индекс, идентифицирует человека актуализируется когнитивно-семиотическая модель «Слуховая перцепция → идентификатор». Ваня продолжает поиски стерхов и, наконец, находит их. Но, к сожалению, у него именно в этот момент заканчивается фотоплёнка:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

16) *Санаабынан кыталыктартан мин кэлэрбин кэтэһээриҥ диэн көрдөһөн баран, төттөрү сыыллан истэхпинэ, ханна эрэ чугас саа тыаһа эһиннэ. «Кыталыктар! Көтүҥ! Көтүҥ! Эһигини манна өлөрүөхтэрэ!» — диэн хаһыытаабытынан ойон турдум. Кыталыктарым мин үрдүбүнэн хаһыытыы-хаһыытыы иккитэ эргийээт, күн кыһын утуйа барар сирин диэки – соҕуруу көтө турдулар (Кыталык, с. 82).* Про себя умоляя стерхов подождать меня, я пополз обратно, как вдруг услышал звук выстрела. «Стерхии-и! Улетайте! Улетайте! Здесь вас убьют!» – с криками я поднялся. Стерхи, крича, покружили надо мной два раза и улетели на юг – туда, где зимой садится солнце.

Перцептивный знак-индекс – звук выстрела – становится когнитивным знаком того, что охотники убьют прекрасных птиц. Это понимание заставляет Ваню подняться с земли и предупредить их об опасности своим криком. Он очень громко кричит, чтобы птицы испугались и улетели до того, как охотники выстрелят в них. Здесь перцептивный знак-индекс, интенсивный признак слухового объекта, предупреждает птиц об опасности, актуализируется когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → предупреждение».

Стерхи, в знак благодарности, кружат над мальчиком, издавая свои характерные звуки, которые он интерпретирует как слова благодарности за спасение, в этом случае функционирует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → благодарность».

К осени Ваня возвращается домой и с удивлением обнаруживает, что никто его особо не терял, никто не стал даже спрашивать, где он был всё это время. Все уже привыкли к его странствиям.

Однажды отец берёт его с собой к родственникам и там Ваня узнаёт, как он в детстве получил травму:

17) *Аҕаҥ биирдэ ыһыахха биир илиитигэр мүһэлээх, иккис илиитигэр эйигин көтөҕөн туран эрэ: «Мин ааппын бу уолум Уйбааным ааттатыаҕа», — диэн улаханнык саҥарбытын мин даҕаны, атын да кырдьаҕастар «уолун быһа эттэ» диэн сөбүлүү истибэтэхпит. Ол кэнниттэн сотору буолаат, эн эчэйэн куоракка балыыһаҕа киирбит сураххын истибиппит. Оҕону итинник быһа этэр сыыһа (Кыталык, с. 89).* Однажды на ысыахе (традиционный праздник якутов, день летнего солнцестояния) твой отец, держа в одной руке мүһэ (приз за победу в национальных видах спорта в виде бедренной кости животного с мясом в верхней части), в другой тебя, громко сказал: «Моё имя продолжит мой сын – Иван», – это не понравилось ни мне, ни другим старейшинам, подумали, «он сглазил своего

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

сына» (слишком уверенно и опрометчиво сказал о будущем сына) (досл. сказал заранее). Вскоре после этого мы услышали, что ты получил серьёзную травму и тебя увезли в городскую больницу. Нельзя так опрометчиво говорить о будущем, можно сглазить.

Старейшины связывали несчастье ребёнка (то, что он стал инвалидом), с тем, что отец однажды громко, перед всеми, похвалил его. По традиционным верованиям якутов, нельзя громко говорить о будущем, хвалиться, так как можно испортить свою судьбу. В якутском языке это понятие выражается лексикой слуховой перцепции: *быһа эт (досл. сказать напрямик, заранее).* Таким образом, громкий возглас о будущем символизирует сглаз, порчу в якутской языковой картине мира, что позволяет нам выделить когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → сглаз, порча».

Продолжая рассказ, дядя Вани говорит о том, что, боясь сглаза и злых духов, якуты не называли детей по имени:

18) Былыр таҥара дьиэтэ, аҕабыт суоҕар, оҕо улаатан борбуйун көтөҕүөр диэри бэйэтэ аата суох буолааччы. Ол киһи оҕото эрэ дэнэрэ. Дьиэтигэр оҕону бэйэтин дьоно, абааһыттан куоттаран, атыннык ыҥыраллара (Кыталык, с. 90). Раньше, когда не было церкви и священника, ребёнку не давали имя, пока он не окрепнет. Просто говорили: чей-то ребёнок. Дома ребёнка звали по-другому, чтобы абасы (злой дух) не услышал.

Имя человека, как его знак-индекс, имело особое значение в культуре народа Саха. Его нельзя было громко произносить на людях, особенно в детском возрасте. Знание имени человека позволяло злым духам вредить ему. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → уязвимость».

Поэтому, в семье детям давали прозвища:

19) Холобура, эн убайгын Киэсэни биһиги бары Бэдэр диэн ааттыыбыт. Бэдэр курдук буолбат дуо, убайыҥ, окко-маска ыттан түһэн?! (Кыталык, с. 90). Например, твоего брата Кешу мы зовём Рысью. Он ведь похож на неё, по деревьям лазит, ловкий такой.

Индексальный знак – имя человека специально подменяли, чтобы абасы (злые духи) не навредили ему. Громкое произношение имени считалось опасным и нежелательным. Поэтому тот случай, когда отец Вани всем показал полуторагодовалого сына и назвал его громко по имени, явилось нарушением этих традиций и обычаев. Впоследствии, как считали мудрецы, мальчик упал в погреб и повредил себе позвоночник.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Осенью Ваня возвращается к учёбе и учится играть на баяне:

20) Баяҥҥа саҥа оонньуурга үөрэнэн иһэн, кыракый да буоллар, мелодиялары айарга холоммутум. Ону учууталбар оонньоон иһитиннэрдэҕим аайы хайҕанарым (94). Я начал играть на баяне и стал сочинять, хоть и небольшие, мелодии. Я их играл (досл. давал слушать) учителю, она меня каждый раз хвалила.

Мелодии, которые Ваня сочинял, нравились учителю. Они были знаками того, что у мальчика был талант к музыке, соответственно, можно выделить когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → наличие таланта».

Ваня с детства также очень хорошо умел рисовать. Его творческие способности развивались и взаимодействовали друг с другом:

21) Бу хартыынам бүтэ илигиттэн, «табыллыыһы» диэн үөрэ санаабытым. Тоҕо диэтэххэ, уруһуйдаатаҕым аайы ханна эрэ ыраах хартыынам түгэҕэр нэһиилэ иһиллэр-иһиллибэт музыка чугаһаатар чугаһаан, күүһүрдэр-күүһүрэн испитэ (Кыталык, с. 96). Ещё до завершения этой картины я с радостью осознал, что она хорошо выйдет. Потому что, пока я рисовал, где-то глубоко внутри картины звучала тихая музыка, которая постепенно становилась всё ближе и ближе, громче и громче.

Звук, исходящий из картины, был для мальчика знаком-символом того, что она хорошо получится. Актуализируемая когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → предвосхищение успеха».

22) Кустук бүтэһик өҥүн түһэрбитим кэннэ, хартыынабыттан музыка эрэ буолбакка, бүтүн ырыа иһилиннэ. Ол ырыа олоҥхо курдук хаһан да саҕаламмыта, хаһан да бүтэрэ биллибэт, онно туох туойулларын туһунан кыра да буоллар өйдөбүл хаалараары, хартыынам бурдук ойуулаах муннугар маннык тыллар түспүттэрин суруйан бүтэрэн баран аахпытым (Кыталык, с. 97). Как только я дорисовал последний цвет радуги, из картины послышалась не только мелодия, а целая песня. Эта песня, словно олонхо, не имела ни начала, ни конца, и чтобы запечатлеть хотя бы кусочек этой песни, в углу картины, где была изображена пшеница, я записал её слова.

Завершив картину, Ваня услышал исходящую из неё песню. Этот звук стал символом вдохновения и музы, актуализируя модель «Слуховая перцепция → муза». Муза явилась ему в момент радости от завершённого творения. Весь процесс сопровождался звуком: сначала едва слышная мелодия изнутри холста к концу преобразилась в ясную песню, став знаком-

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

символом успеха и реализуя новую модель – «Слуховая перцепция → результат». Картина получилась настолько прекрасной, что казалась живой:

23) Хартыынам тыыннаах, ол иһин дууһалаах. Ол дууһата ырыалаах. Ол ырыаны иһиллиҥ туран, бэйэбин хартыынам иһигэр сылдьар курдук сананным уонна маннык кэрэ сиргэ төрөөбүппүнэн киэн тутуннум, дьоллоох да эбиппин дии сананным (Кыталык, 97). Картина моя живая, поэтому в ней есть душа. А у её души есть песня. Слушая эту песню, я представил себя внутри картины и почувствовал себя таким счастливым и гордым, что родился на такой прекрасной земле.

По словам мальчика, «картина пела», потому что была живой и обладала душой. Исходящие из неё звуки выступали знаками-символами одушевлённости, реализуя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → живое существо». Песня картины позволяла Ване создавать внутри неё собственный символический мир, в котором он буквально жил. Поскольку на холсте была изображена его родина – поле с танцующими стерхами – в этом мире он ощущал себя абсолютно счастливым.

Картина так понравилась ему самому, что Ваня, планировавший отдать её на выставку, передумал и захотел оставить себе:

24) Бу хартыынабын бэйэбэр букатын хаалларыахпын баҕарабын. Оронум үрдүгэр ыйыам, оччоҕо күн аайы туох туһунан ыллыырын истиэм этэ. Сибилигин даҕаны, төһө да суулана сырыттар, ырыата иһиллэргэ дылы. Ол эрээри, учууталбар биэрбэтэхпинэ, оскуолам чиэһин түһэн биэрэбин. Иккистээн манныгы кыайан уруһуйдаабаппын чопчу билэбин (Кыталык, 98). Эту картину хочу навсегда оставить себе. Повешу её над кроватью и буду каждый день слушать, о чём она поёт. Даже сейчас, в обёртке, как будто слышно её песню. Однако, если я её не отдам учителю, я предам честь школы. Второй раз я точно не нарисую такую же картину.

Картина обрела для Вани особую духовную ценность, став частью его самого, той частью, с которой невозможно расстаться. Исходящие от неё звуки были для него воплощением самой жизни, её глубокой красоты, что реализует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → красота». Единственным человеком, для которого он готов был пожертвовать этим сокровищем, стала девочка, в которую он был влюблён:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

25) *Арай Кыталык Кыыс миигиттэн бу хартыынаны бэлэх ылан, дьиэтигэр оронун үрдүгэр ыйыыра буоллар, баҕар уруһуйум ырыатыгар мин кинини сөбүлүүрбүн истиэ этэ (Кыталык, 98).* А если бы я подарил картину девочке Кыталык, она бы её повесила над своей кроватью и услышала бы от картины, как я её люблю.

Ваня верит, что картина способна говорить о том, о чём люди молчат. Он представляет, как девочка, повесив её над кроватью, услышала бы песню, рассказывающую в его любви. Таким образом, он наделяет картину символическим значением любви, передаваемым через её звучание, что актуализирует когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → любовь».

Ваня не хочет выставлять картину напоказ ещё и потому, что он боится, что злые люди своей критикой, косыми взглядами испортят её:

26) *Оттон өскөтүн айымньыбын харанҕа, ыар тыыннаах дьон үөхтэҕинэ, мөхтөҕүнэ, хасыһан туран куһаҕаны була сатаатахтарына, хартыынам хомойон, хараастан, кэлэйэн ыллаабат буолан хаалыа дии санаатахпына, үлэбин быыстапкаҕа биэриэхпин олох баҕарбаппын (Кыталык, 98).* Как подумаю, что люди с темными помыслами и злыми языками раскритикуют картину, специально будут искать плохое и осуждать моё творчество, из-за чего моя картина расстроится, опечалится и перестанет петь, у меня пропадает всякое желание выставлять свою работу.

Ваня страшится, что людская критика заставит картину умолкнуть – для него это равно духовной смерти. Мальчик проецирует на холст собственную душу и судьбу, ощущая его продолжением себя. Будучи всю жизнь объектом непонимания, он как художник боится, что его творчество не примут, и картина – хрупкое воплощение его «я» – будет отвергнута. Таким образом, звук (или его отсутствие) становится индикатором оценки, актуализируя модель: «Слуховая перцепция → критика».

В конце концов, Ваня решает выставить картину и получает за неё первое место в конкурсе рисунков и приходит к следующей мысли:

27) *Хартыынабын дьон сөбүлээбит, ырыатын ким да тохтоппотох, өйдөөбүттэр. Ол аата миигин да өйдүөхтэрин сөп эбит (Кыталык, 99).* Людям понравилась моя картина, никто не стал останавливать её пение, её поняли. Значит, и меня могут понять.

Будучи инвалидом детства и во многом не таким, как все, мальчик внутренне переживал из-за отношения к нему окружающих. Но эта победа в конкурсе окрылила его, и у него появилась

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

надежда на принятие обществом. Идея о том, что картина олицетворяла его самого, подтверждается вторым предложением, в котором он говорит, что если люди поняли пение картины, то и его поймут. Картина становится знаком-символом его личности, а звуки, издаваемые картиной – его жизненным путём. Выделим когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → жизненный путь».

Картина так понравилась зрителям, что учитель сказал Ване, что её отправят на выставку в Якутск. Всё лето он ждал результатов конкурса, но учитель говорил, что их еще нет. Осенью, придя в школу, среди мусора он находит свою картину:

28) *Бөһүөлэккэ үөрүүнү-көтүүнү ыһа турбут ырыа эмискэ ынчыкка кубулуйда. Тулам барыта өҥүн сүтэрэн, харааран хаалла. Кэннибин хайыспытым, мастерской дьиэтин ойоҕоһугар өрөһөлөммүт оскуола өрөмүөнүн бөҕүн быыһыттан, хартыынам бурдуктаах, хоһоонноох муннуга миигин ыҥырардыы тэлибирии, ынчыктыы сытар эбит. Сибэккибин, суумкабын сиргэ быраҕаат, хартыынабын быыһаары бөххө сүүрэн тиийдим (Кыталык, 100).* Только что игравшая в посёлке радостную мелодию музыка, превратилась в стон. Всё вокруг потеряло цвет, почернело. Оглянувшись назад, я увидел среди строительного мусора возле мастерской угол своей картины с пшеницей и словами песни, она, как будто зовя меня, тряслась и стонала.

Ваня услышал протяжный стон своей картины, которую, как оказалось, не отправляли на конкурс в Якутск, а выбросили, как мусор. Эмоциональное состояние героя описывается через восприятие звука: только что он радостный шёл в школу и слышал оптимистичную музыку, которая, внезапно превратилась, как он выразился, в стон, имплицируя его разочарование и грусть. Из контекста можно выделить когнитивно-семиотическая модель: «Слуховая перцепция → разочарование». Стон картины, таким образом, можно интерпретировать как знак-символ глубокого разочарования в людях, которые растоптали веру мальчика в лучшее:

29) *Хартыынам бүтэһигин ынчыктаан баран, тыыммат буолан хаалла (Кыталык, 100).* Картина, простонав в последний раз, перестала дышать.

Мальчику кажется, что картина издала свой последний стон и умерла, а вместе с ней, и его душа:

30) *Хартыынабын кытта «улуу худуоһунньук» дуһатын кыталыктар үҥкүүлээбит кумах кытылларыгар көмтүм, «здесь захоронена моя душа» диэн суруктаах кириэһи туруордум. Ыллыыр хартыынабын, «улуу худуоһунньугу», ийэбин, бэйэм дуһабын, Амма кэрэ көстүүлэрин аһыйан хас да чааһы быһа ытаатым*

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

(Кыталык, 100). Вместе с картиной я похоронил свою душу на песчаном берегу, где танцевали стерхи и поставил крест с надписью «здесь захоронена моя душа». Жалея свою певучую картину, «великого художника», маму, свою душу, прекрасные виды Амги, я проплакал несколько часов.

Для мальчика немота картины означала смерть не только её, но и его собственной души (модель: «Слуховая перцепция → смерть души»). Сидя у этого самодельного надгробия своего внутреннего мира, он уже потерял всякую надежду, как вдруг услышал знакомый звук кырыымпы – якутского инструмента, похожего на скрипку:

31) Кырыымпа тыаһын истэммин: «Бу тугуй?» – диэбитинэн ойон турдум. Таас Сирэй хайа диэкиттэн кыталыктар миигин көрбүтүнэн намтаан эрэллэр эбит (Кыталык, 100). Услышав звук кырымпы, со словами: «Что это?» – я вскочил. Со стороны горы Таас Сирэй стерхи летели вниз прямо на меня.

Кырыымпа – старинный струнный смычковый инструмент, якутская скрипка, в звучании которой слышны архаичные мотивы предков и душа народа Саха. Её мелодию часто сравнивают с курлыканьем стерхов. В момент глубочайшего отчаяния именно эти «птицы счастья» становятся для мальчика спасением. Их крики возвращают ему веру в прекрасное и вечное, даруя твёрдую решимость жить, расти и не сдаваться. Таким образом, курлыканье стерхов становится знаком-символом обретения надежды, актуализируя когнитивно-семиотическую модель: «Слуховая перцепция → спасение».

3 | Заключение

Таким образом, проведённый анализ репрезентации слуховой перцепции в романе Ивана Дьячковского-Кыталык Уйбаан «Кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой») в рамках когнитивно-семиотического подхода позволяет утверждать, что звук в произведении функционирует как базовый механизм означивания, трансформирующий акустические явления в сложные ментальные репрезентации и культурные смыслы.

Через систему когнитивно-семиотических моделей автор раскрывает, как слуховой опыт структурирует внутренний мир героя и отражает этнокультурные особенности якутской языковой картины мира. Модели «Слуховая перцепция → надежда», «Слуховая перцепция → идентификация личности» или «Слуховая перцепция → спасение» демонстрируют, как звук становится:

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1. инструментом познания и компенсации, так как для мальчика-инвалида слух выступает ключевым каналом взаимодействия с миром, позволяющим преодолевать физические ограничения;

2. носителем культурных кодов – специфические звуки (курлыканье стерхов, игра на кырыымпе, материнская песня) аккумулируют в себе мифопоэтические представления народа Саха о связи человека с природой, предками и духовными сущностями;

3. средством эмоциональной и экзистенциальной рефлексии – через звуковые образы передаются сложные психологические состояния (когнитивный диссонанс, влюблённость, отчаяние, творческое озарение), а также формируется символический диалог между героем и утраченными близкими.

Важно отметить, что в романе семантика звука динамична – один и тот же акустический феномен (например, крик стерха) может приобретать разные значения в зависимости от контекста («предупреждение», «благодарность», «надежда», «счастье»), что подчёркивает роль культурного и индивидуального опыта в интерпретации слуховых сигналов.

Можно сделать вывод о том, художественный текст становится пространством взаимодействия универсальных когнитивных механизмов и культурно-обусловленных семиотических систем. Слуховая перцепция в произведении не просто отражает реальность, но конструирует её, выступая мостом между физическим и метафизическим, индивидуальным и коллективным, человеческим и природным. Это подтверждает продуктивность когнитивно-семиотического подхода для анализа того, как через язык и художественные образы формируется, сохраняется и трансформируется этническая картина мира.

ЛИТЕРАТУРА

Башкова, И.В., Фельде О.В. (2024) Семантика слухового восприятия в первой книге повести В.П. Астафьева «Последний поклон» // Казанская наука. № 9. С. 188–191.

Богданова С.Ю. (2022) Когнитивная семиотика как междисциплинарная область в лингвистических исследованиях // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Сборник научных трудов. Иркутск. С. 16–22.

Иванова, Р.П. (2024) Когнитивная структура глагола слуховой перцепции иһит в якутском языке. Вестник Томского государственного педагогического университета, №1. С. 87–96.

Калинина, Л.В. (2023) Семантика восприятия: что можно видеть краем глаза и слышать краем уха. Отечественная филология. №4. С. 46–57. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-46-57.

Козлова Л.А., Кремнева А.В. (2021) Концептуальная метафора в когнитивно-семиотическом осмыслении // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 47–59. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-47-59.

Лю И. (2023) Лингвистическое моделирование ситуации объектного слухового восприятия в путевом очерке (на материале журнала «Вокруг света») // Актуальные проблемы

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

лингвистики и литературоведения: сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых учёных. Вып. 24. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет. С. 76–83. DOI: 10.17223/978-5-907572-02-7-2023-16

Слободян, Е.А. (2007) Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 243 с.

Токарева, М.В. (2012) Концептуализация слухового восприятия в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет. 180 с.

Хакимова, Г.Ф. (2005) Представление сферы слухового восприятия в русско-английском функционально-когнитивном словаре. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 160 с.

Чертыкова, М.Д., Каксин, А.Д. (2020) Концептуализация слухового восприятия в фольклорно-языковой картине мира (на материале героического сказания «Албынчы»). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение, №1. С. 100–111.

Шабанова, С.И. (2022) Семантическая классификация лексики слухового восприятия в повести А.П. Чехова «Степь». В сб.: Семантика. Функционирование. Текст. Киров: Радуга-ПРЕСС, С. 36–42.

Якупова, Л.Н. (2010) Лексико-семантическое поле слухового восприятия в башкирском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башкирский государственный университет. 180 с.

Яцковский, В.В. (2005) Роль процессов зрительного и слухового восприятия в формировании языковой картины мира: На материале английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. 197 с.

Zlatev J. (2012) Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning // Public Journal of Semiotics. 2012. Т. 4. №. 1. P. 2–24.

REFERENCES

Bashkova, I.V., Felde, O.V. (2024) Semantika slukhovogo vospriyatiya v pervoy knige povesti V.P. Astafyeva "Posledniy poklon" [Semantics of auditory perception in the first book of V.P. Astafyev's story "The Last Bow"]. Kazanskaya nauka, (9), pp. 188–191 (In Russian).

Bogdanova, S.Yu. (2022) Kognitivnaya semiotika kak mezhdistsiplinarnaya oblast' v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Cognitive semiotics as an interdisciplinary field in linguistic research]. In: Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennykh nauchnykh paradigm. Sbornik nauchnykh trudov. Irkutsk, pp. 16–22 (In Russian).

Chertykova, M.D., Kaksin, A.D. (2020) Kontseptualizatsiya slukhovogo vospriyatiya v fol'klorno-yazykovoy kartine mira (na materiale geroicheskogo skazaniya «Albynchy») [Conceptualization of auditory perception in the folklore-linguistic world view (based on the heroic epic "Albynchy")]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie, (1), pp. 100–111 (In Russian).

Ivanova, R.P. (2024) Kognitivnaya struktura glagola slukhovoy pertseptsii *ihit* v yakutskom yazyke [Cognitive structure of the auditory perception verb *ihit* in the Yakut language]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, (1), pp. 87–96 (In Russian).

Kalinina, L.V. (2023) Semantika vospriyatiya: chto mozhno videt kraem glaza i slyshat kraem ukha [Semantics of perception: what you can see out of the corner of your eye and hear out of the corner of your ear]. Otechestvennaya filologiya, (4), pp. 46–57. DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-46-57 (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Khakimova, G.F. (2005) Predstavlenie sfery slukhovogo vospriyatiya v russko-angliyskom funktsional'no-kognitivnom slovare [Representation of the sphere of auditory perception in the Russian-English functional-cognitive dictionary]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p. (In Russian).

Kozlova, L.A., Kremneva, A.V. (2021) Kontseptual'naya metafora v kognitivno-semioticheskom osmyslenii [Conceptual metaphor in cognitive-semiotic interpretation]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, (1), pp. 47-59. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-47-59 (In Russian).

Liu I. (2023) Lingvisticheskoye modelirovaniye situatsii obyektnogo slukhovogo vospriyatiya v putevom ocherke (na materiale zhurnala «Vokrug sveta») [Linguistic modeling of the situation of objective auditory perception in a travel essay (based on the magazine "Around the World")]. In: Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sbornik materialov X (XXIV) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh. Issue 24. Tomsk: National Research Tomsk State University, pp. 76–83 (In Russian).

Shabanova, S.I. (2022) Semanticheskaya klassifikatsiya leksiki slukhovogo vospriyatiya v povesti A.P. Chekhova «Step'» [Semantic classification of the vocabulary of auditory perception in A.P. Chekhov's novella "The Steppe"]. In: Semantika. Funktsionirovanie. Tekst. Kirov: Raduga-PRESS, pp. 36–42 (In Russian).

Slobodyan, E.A. (2007) Sistemnyy, funktsional'nyy i istoricheskiy aspekty semanticheskogo polya slukhovogo vospriyatiya (na materiale russkogo, pol'skogo i angliyskogo yazykov) [Systemic, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception (based on Russian, Polish and English languages)]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 243 p. (In Russian).

Tokareva, M.V. (2012) Kontseptualizatsiya slukhovogo vospriyatiya v sovremennom angliyskom yazyke [Conceptualization of auditory perception in modern English]. Diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. 180 p. (In Russian).

Yakupova, L.N. (2010) Leksiko-semanticheskoe pole slukhovogo vospriyatiya v bashkirskom yazyke [Lexical-semantic field of auditory perception in the Bashkir language]. Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet. 180 p. (In Russian).

Yatskovskiy, V.V. (2005) Rol' protsessov zritel'nogo i slukhovogo vospriyatiya v formirovanii yazykovoy kartiny mira: Na materiale angliyskogo yazyka [The role of visual and auditory perception processes in the formation of the linguistic world view: Based on the English language]. Diss. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 197 p. (In Russian).

Zlatev, J. (2012) Cognitive semiotics: An emerging field for the transdisciplinary study of meaning. Public Journal of Semiotics, 4 (1), pp. 2–24.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Раиса Петровна Иванова
Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии и социогуманитарных дисциплин,
Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

Адрес для корреспонденции:
678170, Республика Саха (Якутия), г. Мирный, ул. Тихонова, 5/1

Эл. адрес: raissa1@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-9757-1779

Raisa P. Ivanova
Candidate of Philological Sciences, associate professor, head of the English and Arts department, Mirny Polytechnic Institute (branch) of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Correspondence address:
5/1 Tikhonova Street,
Mirny 678170,
Republic of Sakha (Yakutia),
Russian Federation.

Email: raissa1@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-9757-1779

Для цитирования: *Иванова Р.П.* Актуализация когнитивно-семиотических моделей слуховой перцепции в якутском языке (на материале произведения Ивана Дьячковского «кустугу ситтэрбиэн» («Бег за радугой»)) // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-10

For citation: *Ivanova R.P.* Actualization of cognitive-semiotic models of auditory perception in the Yakut language (based on the work of Ivan Dyachkovsky “kustugu sitterbien” (“Running for the rainbow”)) // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-10

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 01.09.2025;
approved after reviewing 10.03.2026;
accepted for publication 26.06.2026.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-11

ПОДХОДЫ РОССИЙСКИХ СМИ К КОНСТРУИРОВАНИЮ ОБРАЗА ХАЙНАНЬСКОГО ПОРТА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ (2018–2025)

УДК 81-119

Айширинь Жумабай
Хайнаньский университет
Хайкоу, Китай

Цзэн Цзяфу
Хайнаньский университет
Хайкоу, Китай

Примечание
Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственного фонда социальных наук Китая в рамках проекта 2023 года «Исследование конструирования образа порта свободной торговли с китайской спецификой в многоязычных СМИ стран "Одного пояса, одного пути"» (проект № 23BXW058) и Научно-исследовательского проекта в области высшего образования провинции Хайнань (Hnky2023-1).

Аннотация
В условиях углубляющегося российско-китайского стратегического партнёрства медийная репрезентация Хайнаньского порта свободной торговли (ПСТ) становится ключевым фактором формирования его международного имиджа. В настоящем исследовании представлен системный сравнительный анализ дискурса двух ведущих государственных информагентств России — ТАСС и РИА Новости — на основе корпуса публикаций за 2018–2025 гг. С опорой на дискурсивно-исторический подход (DHA) и тематическое моделирование (LDA) в работе выявляются два полярных режима конструирования образа, обусловленных различиями в институциональной природе и редакционных приоритетах агентств. Установлено, что ТАСС, действуя как официальный государственный ретранслятор и опираясь на партнерские соглашения, реализует логику «самоконструирования», транслируя внутренний стратегический нарратив Китая об инновационном развитии региона. В противовес этому, РИА Новости, функционируя в рамках медиахолдинга «Россия сегодня», применяет стратегию «конструирования другими», адаптируя образ Хайнаня под прагматические запросы российской аудитории и редуцируя его до уровня туристической дестинации. Исследование доказывает, что дивергенция медиаобразов предопределяется институциональной идентичностью агентств: политико-экономическим фокусом ТАСС против социально-потребительского фокуса РИА Новости. Результаты работы вносят вклад в теорию трансграничной коммуникации и содержат практические рекомендации по совершенствованию стратегии продвижения региональных проектов КНР в условиях дифференцированных медиалогик.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хайнаньский порт свободной торговли, медийный дискурс, ТАСС, РИА Новости, международная коммуникация, критический дискурс-анализ

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Айширинь Жумабай, Цзэн Цзяфу, 2026

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGVISTIKA
ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-11

RUSSIAN MEDIA IN CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE HAINAN FREE TRADE PORT: A DISCOURSE STUDY (2018–2025)

UDC 81-119

Ayixiren Jumabayi
Hainan University
Haikou, China

Zeng Jiafu
Hainan University
Haikou, China

Acknowledgements
The reported study was funded 2023 Project of the National Social Science Fund of China: "Research on the Image Construction of the Free Trade Port with Chinese Characteristics in Multilingual Media of Countries along the Belt and Road" (Project No. 23BXW058) and Hainan Provincial Higher Education Scientific Research Project (Hnky2023-1).

Abstract

Within the context of the deepening comprehensive strategic partnership between Russia and China, the media representation of the Hainan Free Trade Port (FTP) has emerged as a crucial factor in shaping its international image. This study provides a systematic comparative analysis of the discursive strategies employed by Russia's two leading state news agencies – TASS and RIA Novosti – based on a comprehensive corpus of publications spanning from 2018 to 2025. Utilizing the Discourse-Historical Approach (DHA) and LDA topic modeling, the research identifies two distinct modes of image construction driven by divergent institutional logics, editorial priorities, and audience orientations. The findings reveal that TASS, functioning as an official government agency and operating through formal cooperation agreements, acts as a strategic relayer. It promotes a logic of "self-construction," whereby the media adopts and disseminates China's internal official narrative, emphasizing institutional reforms, the innovative economy, and high-level intergovernmental cooperation. Conversely, RIA Novosti, as part of the "Rossiya Segodnya" media holding, adopts a strategy of "construction by others." This approach reconfigures Hainan into a "market-oriented" destination, focusing on consumption, tourism, and practical utility tailored to the pragmatic interests of the Russian domestic audience. The study demonstrates that these discursive discrepancies are not merely products of external agreements but are fundamentally rooted in the agencies' internal institutional identities – specifically, the macro-political focus of TASS versus the socio-consumer orientation of RIA Novosti. The results contribute to the theory of cross-border communication by uncovering the mechanisms of external regional image formation and offer actionable insights for optimizing the international communication strategies of Chinese regional projects across diverse media landscapes.

KEYWORDS: Hainan Free Trade Port, media discourse, TASS, RIA Novosti, international communication, Critical Discourse Analysis

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Ayixiren Jumabayi, Zeng Jiafu, 2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Введение

Создание Хайнаньского порта свободной торговли (ПСТ), официально запущенное в 2018 году, стало одним из наиболее значимых проектов современной китайской стратегии открытости. ПСТ призван выполнять роль экспериментальной зоны для новых режимов либерализации торговли, инвестиций и административного регулирования, а также служить демонстрационной платформой китайской модели модернизации. В контексте международной коммуникации Китая Хайнань приобретает статус символического «окна», демонстрирующего гибкость, инновационность и ориентированность страны на глобальные рынки. Учитывая, что российско-китайские отношения в последние годы развиваются в формате всеобъемлющего стратегического партнерства, медийное представление Хайнаня в России становится важным индикатором механизмов репрезентации региональных проектов КНР в дружественном внешнем информационном контексте.

Предварительный анализ показал, что, несмотря на политическую близость стран и государственный статус медиахолдингов, ведущие российские агентства — ТАСС и РИА Новости — демонстрируют существенно различающиеся подходы к освещению Хайнаня. Эти различия проявляются как в объеме и тематической структуре сообщений, так и в языковых стратегиях описания региона. В связи с этим возникает фундаментальный исследовательский вопрос: почему внутри одного государственного медиасектора формируются контрастные образы Хайнаня и какие именно дискурсивные механизмы лежат в основе этого расхождения?

Для ответа на этот вопрос в данной работе применяется междисциплинарный подход, сочетающий методы тематического моделирования (LDA), корпусной лингвистики и дискурсивно-исторического анализа (DHA) публикаций за период 2018–2025 гг. В рамках исследования ставятся следующие задачи:

во-первых, выявить и сопоставить тематические повестки (agendas) ТАСС и РИА Новости;

во-вторых, проанализировать микростратегии, используемые для конструирования образов региона;

в-третьих, объяснить выявленные различия через призму взаимодействия внешних межгосударственных соглашений и внутренних институционально-редакционных логик медиа.

В конечном итоге исследование предлагает создание модели системного анализа причин дифференциации медиаобразов, что имеет значение как для теории медиакоммуникаций, так и для практики публичной дипломатии.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

1 | Литературный обзор

Изучение медийного конструирования международного образа территорий имеет междисциплинарный характер и опирается на несколько фундаментальных теоретических направлений.

1.1. Медийное конструирование национального и регионального образа

Ключевым исходным пунктом является концепция образа К. Боулдинга, согласно которой представления о странах и регионах формируются как культурно опосредованные когнитивные структуры, а не как прямые отражения действительности (Boulding, 1956). В развитии этой идеи сыграла роль теория репрезентации С. Холла, согласно которой медиа не только передают информацию, но и конструируют смыслы посредством языковых и знаковых практик (Hall, 1997).

Дальнейшее объяснение механизмов такого конструирования дают две влиятельные теории: McCombs & Shaw (1972) показали, что медиа определяют не только «о чём думать» (salience), но и «как думать» (attribute agenda). Этот переход от простого привлечения внимания к формированию отношения аудитории осуществляется посредством фреймирования. Как утверждает Р. Энтман (Entman, 1993), фрейм — это отбор и актуализация аспектов реальности, задающие интерпретацию событий. Таким образом, медиа создают рамки восприятия, влияя на политическое и экономическое позиционирование регионов.

За последние годы в Китае формируется корпус работ, посвящённых внешней коммуникации и «рассказу о Китае». Особое внимание уделяется региональным проектам как «локальным носителям» государственной стратегии открытости. Применительно к международным отношениям, эти концепции объясняют, как формируются образы стран и регионов. Китайские исследователи, такие как Чжан Кунь (2018), подчеркивают, что в эпоху глобализации ключевым фактором в создании образа региона является инновация нарративных стратегий для повышения международного признания. Ши Аньбинь и Ван Мо (2024) утверждают, что конструирование регионального образа должно создавать «макро-микро резонанс» с национальной стратегией. В этом контексте Хайнаньский ПСТ приобретает двойное значение: он является не только объектом регионального развития, но и витриной китайской модели открытости.

Анализ существующей литературы выявляет несколько ключевых тенденций и лакун в изучении международного образа Хайнаньского ПСТ. Во-первых, исследования географически смещены в сторону стран АСЕАН, как показывают работы Мяо Бо и др. (2025), тогда как медиапространство России, ключевого стратегического партнёра КНР, остаётся

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

практически неизученным. Во-вторых, значительная часть работ носит не эмпирический, а нормативный характер, фокусируясь на разработке идеальных моделей позиционирования, что отражено в исследованиях Ван Чуянь и др. (2025) и Тан Юэчэнь (2025). Существующие же эмпирические работы, например, Ли Ицяо (2024), зачастую указывают лишь на общие проблемы коммуникации, такие как языковые барьеры, но не содержат углублённого анализа самого медиадискурса.

Однако большинство работ фокусируется на западных медиа, национальном имидже Китая в целом либо на анализе политических нарративов. Региональные проекты, такие как Хайнаньский ПСТ, рассматриваются крайне редко, тогда как их символическое значение для внешнего позиционирования страны растёт. Кроме того, китайские региональные проекты часто становятся «тестовой площадкой» внешней коммуникации, но исследования того, как они отражаются в медиадискурсах дружественных стран, единичны.

1.2. Критическая парадигма анализа медиадискурса

Критический дискурс-анализ (CDA), сформированный в работах Н. Фэрклоу (Fairclough, 1995), Т. ван Дейка (van Dijk, 1998; 2006) и Р. Водак (Wodak, 2001), позволяет рассмотреть медийный текст как форму социальной практики, в которой отражаются власть, идеология и институциональные интересы. CDA применим к государственным медиа потому, что позволяет выявить институциональные механизмы влияния на текст. Это подход раскрывает идеологические установки через выбор языковых средств, выявляет способы легитимации политико-экономических проектов.

DHA (Wodak, 2001) особенно подходит для анализа ТАСС и РИА Новости, поскольку позволяет соотнести дискурс с политико-историческим контекстом, а также выявить стратегии номинации, предикации, аргументации, объясняя различия медиадискурса через институциональные логики. Именно DHA позволяет объяснить, почему два государственных агентства, имеющих схожий статус, конструируют принципиально разные образы одного региона.

Корпусные методы применяются для объективного выявления языковых паттернов: ключевые слова и коллокации, распределение предикатов, частотность номинаций (Baker, 2006). Они позволяют количественно подтвердить качественные выводы CDA. Именно такой подход применён в настоящем исследовании, что позволяет соединить макроуровневую динамику тем и микроуровневые языковые стратегии.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

2 | Материалы и методы исследования

Для систематического изучения дифференцированного конструирования образа Хайнаньского порта свободной торговли (ПСТ) в российских СМИ в настоящем исследовании применяется интегративный трёхступенчатый подход: (1) макротематический анализ с помощью моделирования тем LDA, (2) мезоуровневый анализ языковых характеристик с помощью корпусной лингвистики и (3) микроанализ дискурсивных стратегий на основе дискурсивно-исторического подхода (DHA). Данная методология основан на принципе триангуляции, который предполагает сочетание количественных и качественных методов для повышения валидности и глубины выводов, а также минимизации исследовательской предвзятости через перекрёстную проверку результатов.

2.1. Сбор данных и формирование корпуса медиатекстов

2.1.1. Источники данных

В основу аналитического корпуса вошли тексты двух ведущих российских государственных информационных агентств, выбор которых обусловлен их различной институциональной природой и редакционной политикой.

ТАСС (официальный сайт: https://tass.ru) — старейшее центральное государственное информационное агентство, исторически ориентированное на трансляцию официальной макрополитической и экономической повестки. Наличие долгосрочного соглашения о медийном сотрудничестве с правительством провинции Хайнань позволяет ТАСС выступать в роли авторитетного ретранслятора китайских официальных нарративов. Это делает его дискурс репрезентативным примером стратегии «самоконструирования», то есть формирования образа региона с внутренней позиции самого Хайнаня и его стратегических задач.

РИА Новости (официальный сайт: https://ria.ru) — государственное агентство, входящее в состав Международной медиагруппы «Россия сегодня» (наряду с агентством Sputnik). Редакционная стратегия данной структуры сфокусирована преимущественно на внутренней массовой аудитории, оперативном отклике на конкретные события и освещении социально-бытовых и потребительских тем. Такая прагматичная, рыночно-ориентированная логика определяет стратегию РИА Новости, которую следует охарактеризовать как типичный пример «конструирования другими», то есть формирования образа региона исключительно с внешней позиции — сквозь призму утилитарных интересов российской аудитории.

Выбор именно этих двух источников позволяет изучить и наглядно представить важный феномен: как две принципиально разные медиалогики (стратегическо-партнёрская и

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

социально-рыночная) параллельно функционируют и конструируют контрастные образы одного и того же объекта внутри единой государственной медиасистемы РФ.

2.1.2. Временной диапазон и сбор данных

Корпус исследованных сообщений (текстов в российских СМИ) охватывает период с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2025 г. — время становления и институционализации Порта свободной торговли Хайнань.

Сбор данных осуществлялся посредством веб-скрейпинга с использованием Scrapy (Python 3.12) с обязательным соблюдением этических норм (ограничение частоты запросов, отсутствие вмешательства в структуру сайтов).

2.2. Методологическая структура исследования

Исследование проводилось по принципу «от макроуровня к микроуровню», что соответствует логике социолингвистического и дискурсивного анализа.

Этап 1. Макроанализ: тематическое моделирование (LDA)

Цель первого этапа — выявить основные темы, представленные в дискурсах ТАСС и РИА Новости.

2.2.1. Техническая реализация

Тематическое моделирование проводилось с использованием библиотеки gensim (v4.3); предобработки: токенизация, лемматизация, удаление стоп-слов (NLTK); оптимизации количества тем на основе:

– Coherence Score (>0.50),

– Perplexity (< –8.0).

2.2.2. Цель анализа

LDA позволяет определить иерархию тематических блоков, динамику тематических изменений, различия медиалогик двух агентств. Метод хорошо зарекомендовал себя в анализе больших новостных корпусов (Huang et al., 2020).

Этап 2. Мезоанализ: корпусная лексическая и грамматическая диагностика

Цель второго этапа — выявить системные различия в номинативных и предикативных практиках, используемых СМИ.

2.3.1. Инструментарий

Анализ проводился в Sketch Engine — для выявления ключевых слов, коллокаций, статистических аномалий; Python + spaCy — для автоматического извлечения словосочетаний и глагольных конструкций.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Используемые метрики: TF–IDF (>5.0) — ключевые слова; MI-score (>3.0) — значимые коллокации; χ^2-тест ($p < 0.05$) — проверка значимости различий распределения номинаций и предикаций.

2.3.2. Обоснование

Корпусный анализ обеспечивает количественную объективность, позволяет выявить скрытые лексико-грамматические паттерны, служит эмпирической опорой для качественного CDA.

Этап 3. Микроанализ: дискурсивно-исторический подход (DHA)

На заключительном этапе проводится качественный анализ дискурсивных стратегий в соответствии с DHA (Wodak, 2001).

2.4.1. Аналитический фокус

Анализируются стратегии: номинации (какие лексические единицы используются для обозначения Хайнаня); предикации (какие действия, свойства и роли приписываются региону); аргументации (какие топосы лежат в основании медиальных выводов); перспективации (чья перспектива доминирует в тексте); интенсификации и митигации (как происходит управление фокусом внимания аудитории).

2.4.2. Преимущество DHA

DHA позволяет раскрыть, как институциональные интересы влияют на выбор языковых средств, почему ТАСС и РИА Новости по-разному конструируют образ одного и того же региона, как микролингвистические практики отражают макрополитический контекст.

2.4.3. Интеграция методов и логика объяснения

Три этапа анализа образуют единую систему: LDA показывает, что составляет медийную повестку; корпусная лингвистика показывает, каким языком эта повестка описывается; DHA объясняет, почему так устроен дискурс и какие институциональные логики стоят за медиальными различиями.

Такая трёхуровневая структура обеспечивает высокую валидность и репрезентативность исследования и позволяет достоверно описать различия между «самоконструированием» (ТАСС) и «конструированием другими» (РИА Новости).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

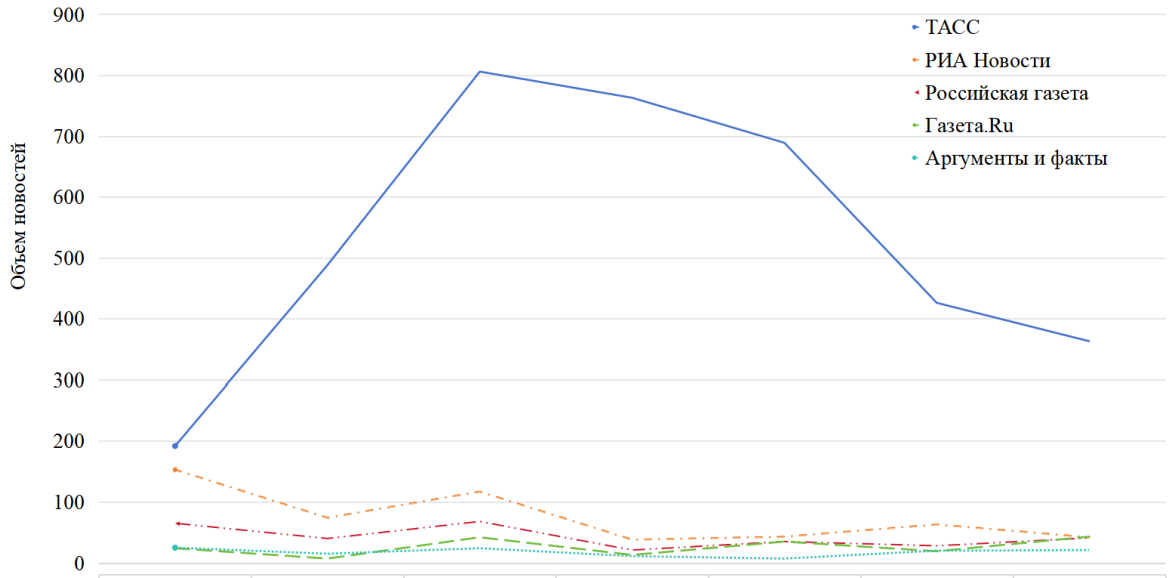
3 | Макроанализ дискурсивных повесток

3.1. Макроконтекст: распределение медийного внимания и влияние исторических факторов

Для оценки места Хайнаня в российском информационном пространстве был проведён сравнительный анализ объёмов публикаций в пяти ведущих СМИ. Как видно на Рис. 1, структура внимания имеет чётко выраженную иерархию типа «один доминирующий источник — несколько периферийных».

ТАСС является абсолютным лидером (≈1415 публикаций), многократно опережая РИА Новости (≈432) и прочие издания по количеству упоминаний ПСТ. Тем самым ТАСС оказывается основным центром производства знаний о Хайнане в российском медиапространстве.

Анализ динамики публикаций (Рис. 1) выявляет фундаментальное расхождение между агентствами, отражающее две различные медиалогики.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ТАСС	192	488	806	763	689	426	363
РИА Новости	153	74	117	38	43	63	42
Российская газета	65	40	68	21	35	28	41
Газета.Ru	24	7	42	13	35	19	43
Аргументы и факты	25	15	24	11	7	20	21

Рис. 1. Сравнение объёмов новостей о Хайнане в избранных российских СМИ (2018-2024 гг.)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

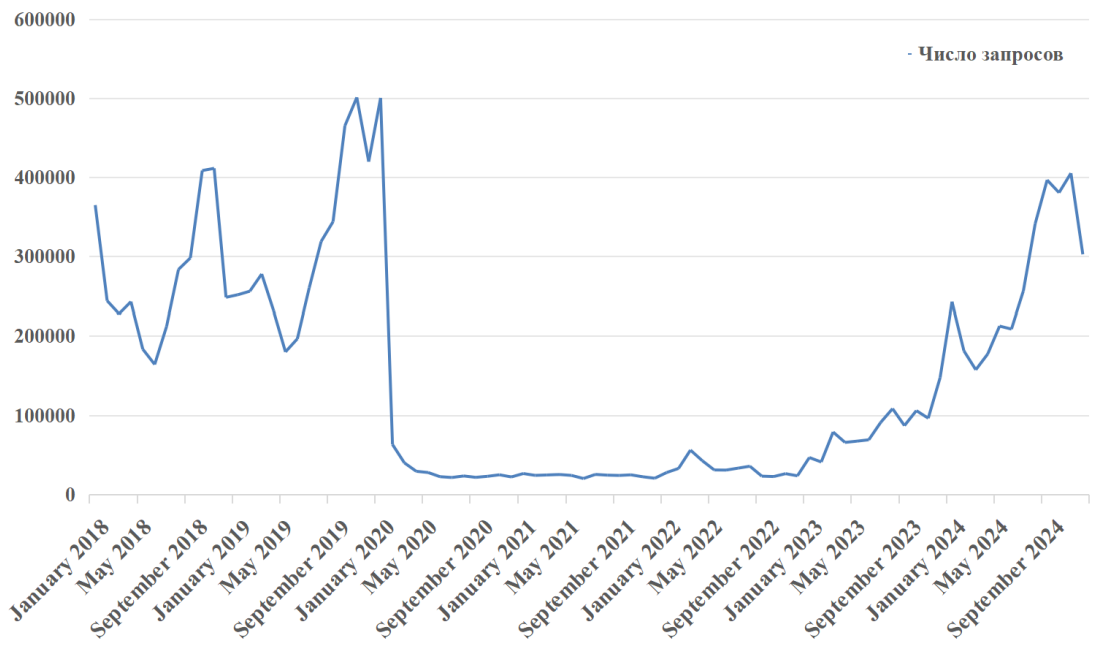

Рис. 2. Динамика числа запросов «Хайнань» в поисковой системе Yandex в России (2018–2024 гг.)

Источник данных: Яндекс. Вордстат (регион поиска ограничен Россией; данные на ноябрь 2025 г., с корреляцией r=0.85 к тенденциям СМИ).

(1) Рыночная логика (РИА Новости и ряд других СМИ)

Для РИА Новости и большинства коммерчески ориентированных СМИ характерна высокая корреляция между объёмом новостей о Хайнане и волатильностью туристического спроса.

Пики публикаций приходятся на следующие периоды:

2019–2020 гг. — рост выездного туризма;

2020–2021 гг. — резкое падение в период COVID-19;

с 2023 года — восстановление интереса к зарубежным поездкам.

Эта траектория практически совпадает с данными поисковых запросов «Хайнань» в Yandex (Рис. 2). Коэффициент корреляции r≈0.85 подтверждает, что для этих СМИ тема Хайнаня является производной от рыночного интереса, что соответствует модели «конструирования другими»: медиаповестка следует за поведением аудитории.

(2) Партнёрская логика (ТАСС)

В отличие от рыночной динамики, ТАСС демонстрирует устойчивую антицикличную траекторию: число публикаций не сокращается даже в период пандемии 2020–2022 гг., наоборот, их объём остаётся высоким и стабильным.

С точки зрения DHA, этот феномен напрямую связан с историческим и

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

институциональным контекстом: в 2018 и 2019 гг. правительство Хайнаня и ТАСС подписали два соглашения о стратегическом сотрудничестве, а 6 июня 2019 г. на сайте ТАСС был запущен специальный раздел «魅力海南·开放之岛» («Очаровательный Хайнань — открытый остров»)[72].

Эти соглашения обеспечили агентству привилегированный доступ к официальной информации и стабильный поток институциональных новостей, независимый от циклов туристического спроса.

Таким образом, ТАСС реализует партнёрскую медиалогическую модель, которая соответствует режиму «самоконструирования», когда образ региона формируется не как реакция на внешние события, а как часть системного институционального нарратива.

3.2. Моделирование тем LDA: сравнительная структура дискурсивных полей

Для выявления тематической архитектуры дискурса применялось тематическое моделирование LDA. Модели для каждого подкорпуса были оптимизированы по метрикам когерентности (>0.5) и перплексии (< –8.0). Анализ корпуса ТАСС (N=1415) выявил 11 основных тем (Таблица 1), которые формируют широкое и системное дискурсивное поле.

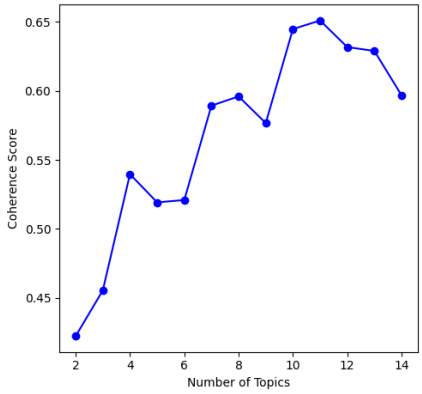

Рис. 3. Оценка согласованности тем (ТАСС)

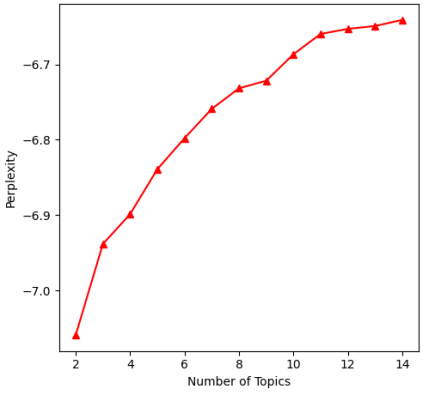

Рис. 4. Оценка перплексии тем (ТАСС)

[72] Jin, C.B. (2019) *TASS sheguan Hainan zhuanyun yunxing lianghao: Mei tian xiang 200 wan guoji yonghu tuiguang "Hainan tekan"* [TASS's official Hainan section runs well: Promotes "Hainan Special" to 2 million international users daily]. Hainan Daily. 15 November 2019.
Available at: https://www.hainan.gov.cn/hainan/jdsj/201911/bb5e7d94b91d4795bc79b4b33ae12a56.shtml (Accessed: 01 September 2025). (In Chinese).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

3.2.1. Тематическое поле ТАСС: многомерное «самоконструирование»

Анализ корпуса ТАСС (N=1415) выявил 11 устойчивых тематических кластеров (Таблица 1), охватывающих экологию, авиацию, инфраструктуру, Порт свободной торговли, инвестиции, международное сотрудничество, космос и туризм.

Это поле характеризуется широтой (разнообразие тематических блоков); структурностью (повторяемость кластеров в течение нескольких лет); стратегической ориентированностью (преобладание тем развития, модернизации и международных проектов). Важной особенностью данного дискурса является трёхэтапное становление институциональной повестки. Динамика тем (Рис. 5–6) отражает последовательное формирование стратегического нарратива.

Таблица 1. Ключевые темы в дискурсе ТАСС о Хайнане

№	Название темы	Ключевые слова
1	Охрана окружающей среды и экология сельского хозяйства.	тропический,Санья,морской,море,хозяйство,местный,сельский,защита, площадь,территория,вода,лес,животное,км,создать,работа,акватория,Тайвань, хайнаньский,учёный
2	Авиационные споры и открытие новых маршрутов.	рейс,турист,авиакомпания,река,туроператор,жемчужный,Хайкоу,аэропорт, ИрАэро,компания,самолёт,пассажир,Санья,тур,полёт,маршрут,клиент, Хабаровск,билет
3	Строительство транспортной инфраструктуры и новых энергетических транспортных средств.	аэропорт,автомобиль,Хайкоу,энергия,воздушный,транспортный,первый, Мэйлань,Санья,число,строительство,альтернативный,гавань,инфраструктура, станция,пассажир,средство,феникс,транспорт,план
4	Строительство портов свободной торговли и промышленное развитие.	развитие,компания,Санья,порт,проект,ключевой,администрация,экономический, зона,сфера,хайнаньский,местный,инновационный,создать,предприятие, торговля,крупный,передовой,формирование
5	Инвестиции и экономическое развитие.	свободный,торговля,порт,зона,инвестиция,создание,иностранный,программа, развитие,проект,система,капитал,предприятие,торговый,строительство, компания,сфера,услуга,план,экономический
6	Международное сотрудничество и форум в Боао.	сотрудничество,форум,развитие,экономический,мероприятие,мир,участие, конференция,состояться,организация,глобальный,взаимодействие,Азия, азиатский, участник,Боао,Пекин,отношение,соглашение,восточный
7	Выставка Consumer Expo, беспошлинные покупки и потребление.	товар,выставка,торговля,объём,Хайкоу,потребительский,беспошлинный, магазин,компания,продажа,первый,продукция,вырасти,рост,бренд,торговый, показатель,годовой,участие,увеличиться
8	Культурные, развлекательные и спортивные мероприятия.	кинофестиваль,фильм,Санья,участие,мир,конкурс,состояться,хайнаньский, режиссёр,яхта,игра,соревнование,мероприятие,организатор,фестиваль,кино, яхтенный,награда,пляжный,спорт
9	Авиация и космонавтика.	космический,запуск,станция,Вэньчан,ракета,космодром,орбита,модуль, магазин,Луна,аппарат,носитель,запустить,Земля,программа,корабль,Чанъэ, лунный,спутник,проект
10	Туризм и отдых.	Санья,туризм,туристический,турист,местный,культура,отдых,мероприятие, посетить,курорт,культурный,гость,Хайкоу,праздник,развитие,тропический, курортный,потребление,пляж,км

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

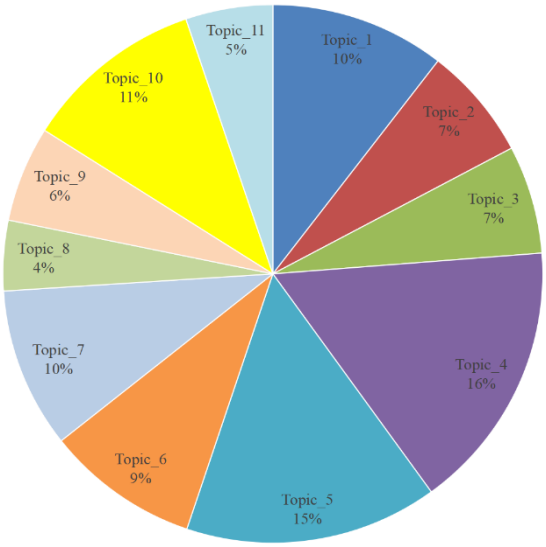

Рис. 5. Интенсивность тем (ТАСС)

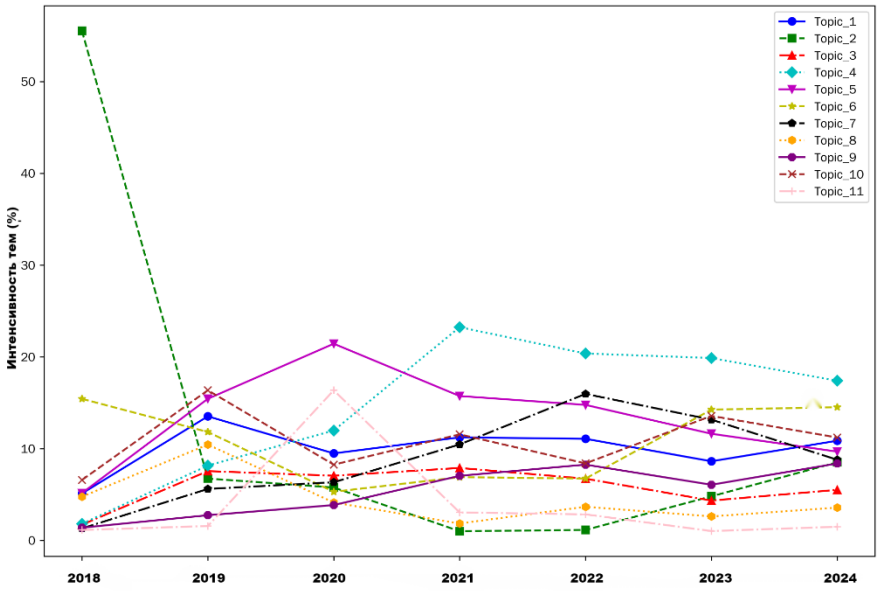

Рис. 6. График изменений интенсивности тем по годам (ТАСС)

Этап I (2018–2019): переход

Преобладают темы внешних событий («авиационные споры»), туризма и инфраструктуры. После подписания соглашения 2019 г. начинается расширение тематического поля.

Этап II (2020–2022): формирование тематического ядра

После опубликования «Общей схемы ПСТ» усиливаются следующие темы: Порт свободной торговли (Тема 4), инвестиции (Тема 5), международное сотрудничество (Тема 6). Создаётся институциональное ядро стратегического дискурса.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Этап III (2023–2024): диверсификация

Повестка становится сбалансированной: экономика + экология, космос + потребление, туризм + высокие технологии. Формируется многомерный образ Хайнаня как стратегического региона.

3.2.2. Тематическое поле РИА Новости: событийное «конструирование другими»

В корпусе РИА Новости (N=432) выявлено лишь 6 тем, что указывает на значительно более узкое и рыночно-функциональное дискурсивное поле (Таблица 2).

Тематика ограничена международными событиями, туристическими инцидентами, транспортом, пандемией COVID-19, безвизовым режимом, ценами и курортами.

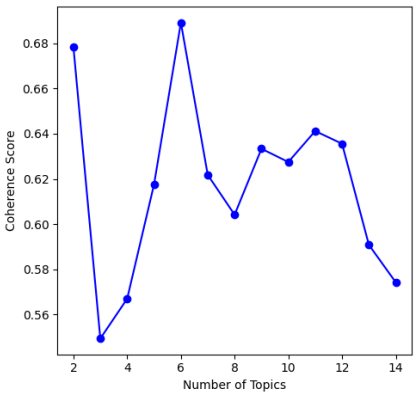

Рис. 7. Оценка согласованности тем (РИА Новости)

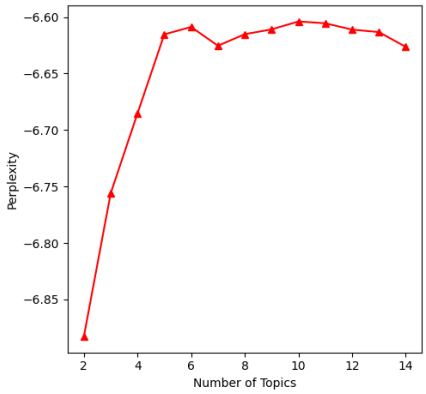

Рис. 8. Оценка перплексии тем (РИА Новости)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Таблица 2. Ключевые темы в дискурсе РИА Новости о Хайнане

№	Название темы	Ключевые слова
1	Международные отношения и сотрудничество	США, мир, форум, экономический, развитие, международный, южный, азиатский, тайфун, американский, военный, Боао, сотрудничество, море, компания, власть, первый, Азия, местный, Пекин
2	Авиационно-космические миссии	космический, Марс, миссия, ракета, аппарат, орбита, Земля, станция, Луна, зонд, модуль, исследование, Чанъэ, первый, носитель, планета, запуск, Чанчжэн, поверхность, космодром
3	Инциденты, связанные с транспортными спорами в сфере туризма	турист, туроператор, авиакомпания, рейс, река, жемчужный, аэропорт, самолёт, ИрАэро, Санья, пассажир, компания, полёт, Хайкоу, Ростуризм, Хабаровск, программа, приостановить, Казань, ситуация
4	COVID-19	коронавирус, вспышка, власть, заражение, здравоохранение, Ухань, пневмония, число, неизвестный, скончаться, организация, инфекция, заболевание, Хубэй, коронавирусный, материковый, установить, возбудитель, ситуация, происхождение
5	Туристические продукты	тур, отель, направление, турист, отдых, двое, рейс, Таиланд, цена, пляжный, перелёт, стоимость, спрос, курорт, вылет, Турция, пляж, туроператор, ОАЭ
6	Визовая политика и продвижение туризма	виза, турист, безвизовый, туристический, туризм, въезд, группа, групповой, гражданин, поездка, первый, тур, срок, режим, конкурс, граница, соглашение, обмен, мисс, мир

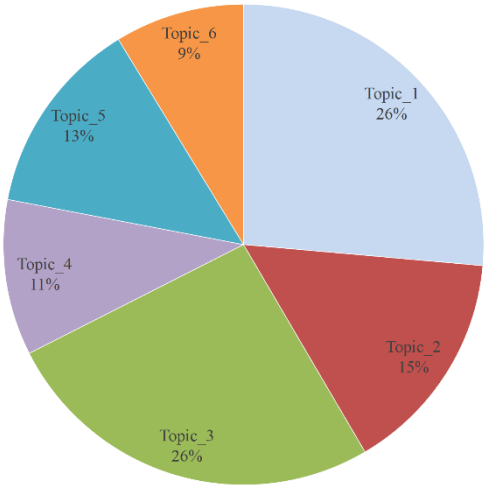

Рис. 9. Интенсивность тем (РИА Новости)

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

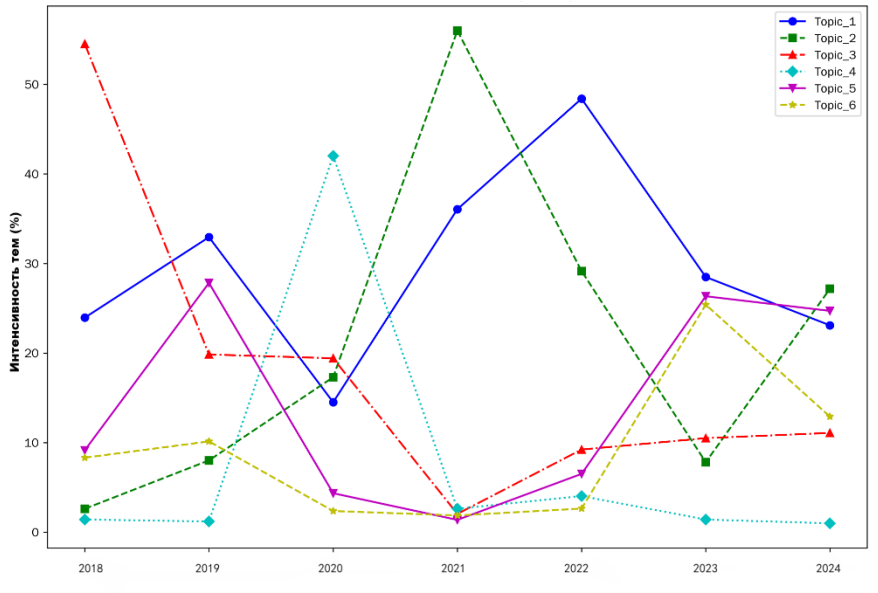

Рис. 10. График изменений интенсивности тем по годам (РИА Новости)

Динамика тем (Рис. 9–10) демонстрирует:

(1) «Пульсирующие пики»

Каждый всплеск связан с конкретным событием: 2018 — скандал с «ИрАэро» (туристические задержки и отмены)[73]; 2020 — пандемия[74]; 2021 — посадка марсохода «Чжужун»[75]; 2023–2024 — восстановление турпотока[76]. Это классическая модель реактивного освещения, характерная для рыночной медиалогики.

(2) «V-образное» восстановление туристических тем

Темы «курорты», «туры», «безвиз» исчезают почти полностью в 2020–2021 гг., а затем резко возобновляются с открытием границ. Это подтверждает, что медиаповестка РИА Новости следует за поведением аудитории, а не задаёт направления.

Таким образом, LDA-моделирование показывает: ТАСС выстраивает широкую

[73] RIA Novosti. (2018) *Okolo polutory tysyachi rossiyskikh turistov ne mogut vyletet s Hainanya* [About one and a half thousand Russian tourists cannot fly out of Hainan]. 9 December 2018. Available at: https://ria.ru/20181209/1547681618.html (Accessed: 7 August 2025). (In Russian).
[74] RIA Novosti (2020) *V gorode San'ya v Kitaye zakroyut vse turisticheskiye tochki iz-za virusa* [All tourist attractions in China's Sanya city to close due to virus], RIA Novosti, 25 January 2020. Available at: https://ria.ru/20200125/1563861504.html (Accessed: 7 August 2025). (In Russian).
[75] RIA Novosti (2021) *Kitayskiy apparat "Chzhuzhun" pristupil k issledovaniyam Marsa* [Chinese apparatus "Zhurong" begins Mars exploration], RIA Novosti, 22 May 2021. Available at: https://ria.ru/20210522/mars-1733424795.html (Accessed: 7 August 2025). (In Russian).
[76] RIA Novosti (2023) *Na ostrov Hainan otpravilsya pervyy posle pandemii reys iz Moskvy* [The first post-pandemic flight from Moscow to Hainan Island departs], RIA Novosti, 27 December.2023. Available at: https://ria.ru/20231227/khaynan-1918417648.html (Accessed: 7 August 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

стратегическую рамку — что такое Хайнань как часть проекта модернизации Китая; РИА Новости формирует узкое событийно-прагматичное поле — что Хайнань даёт российскому туристу или бизнесу.

Именно этот макроуровневый сдвиг — от стратегического актора к потребительской дестинации — задаёт основу всех последующих различий в микролингвистических стратегиях.

4 | Микропрактики конструирования образа: анализ дискурсивных стратегий

Переходя от макротематического анализа к микроуровню дискурсивных практик, необходимо чётко определить аналитическую оптику, сквозь которую будут интерпретироваться последующие примеры. В данном исследовании предлагается различать две фундаментальные стратегии конструирования имиджа. Для устранения терминологической неоднозначности необходимо зафиксировать, чья именно перспектива скрывается за префиксами «само-» и «другими»:

«Самоконструирование» (с позиции китайской стороны) означает конструирование образа региона с внутренней позиции самого Хайнаня. В этом случае российское медиа усваивает официальный китайский нарратив и транслирует его так, как регион сам желает быть представленным. Важно подчеркнуть: усвоение чужого голоса не означает, что агентство лишено собственной позиции. Напротив, выбор выступать в роли авторитетного ретранслятора является осознанной редакционной стратегией, продиктованной логикой межгосударственного партнёрства.

«Конструирование другими» (с позиции российского рынка) означает формирование образа исключительно с внешней, дистанцированной точки зрения. Медиа смотрит на Хайнань сквозь утилитарную призму интересов российского потребителя (туризм, цены, безопасность), игнорируя внутреннюю стратегическую логику развития самого региона.

4.1. Стратегии номинации: институциональное «самоконструирование» против рыночного «конструирования другими»

В рамках дискурсивно-исторического подхода (DHA) стратегия номинации (Nomination), то есть выбор лексических единиц для обозначения акторов, объектов или процессов, является ключевым инструментом конструирования социальной реальности и идентичности. Как утверждают Водак (Wodak, 2001), номинативные акты никогда не бывают нейтральными, они отражают идеологические позиции и властные отношения. Сравнительный анализ практик номинации в дискурсе ТАСС и РИА Новости позволяет выявить фундаментальную

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

дихотомию, которая служит микролингвистическим основанием для двух различных режимов конструирования образа Хайнаня. Эта дихотомия напрямую проистекает из различий в институциональной логике и целеполагании самих агентств: ТАСС реализует стратегию «самоконструирования», ретранслируя официальный административно-стратегический нарратив региона, в то время как РИА Новости действует в логике «конструирования другими», адаптируя образ под прагматические ожидания своей аудитории и рыночные критерии новостного отбора.

Данные корпусного анализа (Таблица 3) предоставляют количественное подтверждение этой системной разницы. Номинативная практика ТАСС характеризуется комплексностью и институциональной насыщенностью. Агентство последовательно актуализирует административно-политический статус Хайнаня, систематически используя лексему «провинция» и её уточняющие дериваты (например, «островная провинция», «южнокитайская провинция»), суммарная частотность которых составляет 1450 употреблений. Параллельно ТАСС активно конструирует образ региона как многомерного и приоритетного для национального развития объекта, используя такие номинации, как «ведущий курорт» или «ключевой кластер» (471 употребление). В противоположность этому, номинативный репертуар РИА Новости в отношении Хайнаня является узким и функционально редуцированным. Агентство преимущественно оперирует базовыми географическими понятием («остров», 506) и ограниченным набором туристических атрибутов («курорт», «пляжное направление», всего 42 употребления), при этом практически маргинализируя его институционально-стратегическое измерение (простое «провинция» — 213).

Таблица 3. Сравнительный анализ частотности номинативных конструкций для обозначения Хайнаня

Категория	Агентство	Номинативные существительные и фразы	Частот-ность
Географические атрибуты	ТАСС	остров, китайский остров, курортный остров, туристический остров	3843
	РИА Новости	остров, курортный остров	506
Административ-ное деление	ТАСС	провинция, островная провинция, китайская провинция, южная провинция, южнокитайская провинция	1450
	РИА Новости	провинция, китайская провинция	213
Туристические атрибуты	ТАСС	туристическое направление, популярное направление, первоклассный курорт, ведущий/южный китайский курорт, ключевой кластер	471
	РИА Новости	популярное (туристическое) направление, курорт, пляжное направление	42

Эта количественная дихотомия находит своё закономерное качественное воплощение в конкретных новостных контекстах. Институционально-насыщенная номинация ТАСС служит

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

строительным материалом для образа Хайнаня как субъекта государственной политики и стратегического развития. Такая практика является прямым следствием его роли официального ретранслятора, работающего в парадигме «самоконструирования». Функционально редуцированная номинация РИА Новости, напротив, последовательно формирует образ региона как объекта туристического и потребительского выбора, что соответствует её рыночно-ориентированной логике «конструирования другими». Таким образом, сам выбор номинативных средств становится индикатором и одновременно инструментом реализации двух различных медиалогик.

4.1.1. Институциональная номинация ТАСС: конструирование стратегического субъекта

Дискурс ТАСС служит ярким примером реализации стратегии «самоконструирования», которая институционально обусловлена его ролью официального правительственного информагентства. Эта роль предопределяет выбор номинативных практик, системно акцентирующих административный статус и стратегическое значение Хайнаня в рамках национальной политики КНР. Анализ выявляет три взаимосвязанные лингвистические практики, которые в совокупности формируют целостный образ региона-стратега.

Первой ключевой практикой является стратегическое якорение через термин «Порт свободной торговли». В дискурсе ТАСС этот термин функционирует не как абстрактный бренд, а как операциональное семантическое ядро, связывающее конкретные политические и экономические меры с общим курсом развития КНР. Эта практика отражает логику ТАСС как ретранслятора официальных нарративов, где каждая деталь должна подтверждать последовательность и предсказуемость государственной стратегии.

Пример: ТАСС в своем сообщении от 18 октября 2025 г. информирует об отмене пошлин и сроках перехода к новой системе таможенного регулирования, используя термин «Порт свободной торговли» как пример конкретных и предсказуемых шагов по реализации национальной стратегии.[77]

Пример: В материале от 14 августа 2025 г. создание коммерческого космодрома напрямую увязывается с режимом ПСТ, что расширяет идентичность Хайнаня от курорта до «драйвера

[77] TASS (2025) *Global Times: Hainan' stanet tsentrom razvitiya kommercheskoy kosmonavtiki KNR* [Global Times: Hainan will become the center for the development of China's commercial space industry], TASS, 15 April 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/23684261 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

для высокотехнологичных отраслей».[78]

Второй значимой практикой выступает административно-геополитическая фиксация. Последовательное использование официальной номинации «южнокитайская провинция Хайнань» является устойчивым институциональным маркером ТАСС. Эта синтаксическая конструкция выполняет двойную функцию: она демонстрирует административный статус острова в государственной системе КНР и одновременно позиционирует его как самостоятельного актора в региональной (южнокитайской) геополитике.

Пример: В новостях о российско-китайских связях[79] и технологических прорывах[80] данная номинация связывает локальные события (туризм, запуск спутников) с национальным курсом, конструируя образ Хайнаня как полноценного региона, реализующего государственную волю.

Третья практика заключается в расширении идентичности Хайнаня посредством позитивно-оценочной лексики. ТАСС активно использует такие эпитеты, как «ведущий» и «ключевой», экстраполируя их с традиционной туристической сферы на новые приоритетные отрасли в рамках ПСТ. Если в контексте туризма Хайнань предсказуемо позиционируется как «ведущий курорт»[81], то в других сюжетах он дискурсивно трансформируется в «ключевую площадку» для выставок[82], «ведущий центр» яхтенной индустрии[83] и «центр» развития коммерческой космонавтики[84]. Эта лингвистическая стратегия создает синергетический

[78] TASS (2025) *Gorod San'ya na Hainane zanyal lidiruyushchiye pozitsii v razvitii yakhtennoy industrii v KNR* [City of Sanya in Hainan takes leading position in development of yacht industry in China], TASS, 14 August 2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/24777621 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).
[79] TASS (2025) *Gorod San'ya zapustil kursy russkogo yazyka dlya rabotayushchikh s turistami* [City of Sanya launches Russian language courses for those working with tourists], TASS, 29 October 2025. Available at: https://tass.ru/obschestvo/25487343 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).
[80] TASS (2025) *"Hainan ribao": razvitiye Hainanskogo porta svobodnoy torgovli privlekayet vnimaniye* ["Hainan Daily": Development of Hainan Free Trade Port attracts attention], TASS, 18 October 2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/25384995 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).
[81] TASS (2025) *Hainan sozdast vsemirno uznavayemyy bredn parchovoy produktsii maloy narodnosti li* [Hainan to create world-famous brand of brocade products of the Li ethnic minority], TASS, 16 March 2025. Available at: https://tass.ru/nauka/23410975 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).
[82] TASS (2025) *Kitay osushchestvil uspeshnyy demonstratsionnyy zapusk rakety CZ-8A so sputnikami* [China successfully conducts demonstration launch of CZ-8A rocket with satellites], TASS, 11 February 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/23109233 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).
[83] TASS (2025) *Kitay uspeshno zapustil gruppu nizkoorbital'nykh sputnikov* [China successfully launches group of low-orbit satellites], TASS, 26 August 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/24872241 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).

[84] TASS (2025) *Kitay zapustil k svoyey orbital'noy stantsii kosmicheskiy gruzovik Tianzhou-9* [China launches Tianzhou-9 cargo spacecraft to its orbital station], TASS, 15 July 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/24513387 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

эффект лидерства, формируя образ диверсифицированного и динамично развивающегося региона.

Таким образом, номинативная стратегия ТАСС представляет собой целенаправленное лингвистическое воплощение его институциональной логики. Через неразрывную связь практик стратегического якорения, административной фиксации и оценочного расширения агентство конструирует многомерный образ Хайнаня как стратегического субъекта, чьё развитие является прямым отражением государственной воли Китая. Этот образ находится в полном семантическом резонансе с официальным дискурсом, что и составляет глубинную суть «самоконструирования».

4.1.2. Рыночная номинация РИА Новости: конструирование образа объекта потребления

В противоположность институциональной логике ТАСС, РИА Новости реализует стратегию «конструирования другими», которая напрямую проистекает из рыночно-ориентированной редакционной политики агентства и его фокуса на практических интересах российской аудитории. На лингвистическом уровне это приводит к последовательной коммодификации Хайнаня — дискурсивному превращению сложного региона в утилитарный товар на конкурентном туристическом рынке. Данная стратегия опирается на две системные номинативные практики.

Первая практика — товарное позиционирование через рыночную лексику. РИА Новости целенаправленно помещает Хайнань в систему координат потребительского рынка, оперируя лексикой сравнения, конкуренции и выгоды. Иллюстрацией служит новость от 4 октября 2025 г., в которой Хайнань номинируется как «популярное пляжное направление» и напрямую сравнивается с Таиландом по критериям «цены и удобства»[85]. Примечательно, что такие макрополитические элементы, как «безвизовый режим» или инициативы в сфере «шопинга», репрезентируются в тексте не как часть стратегической государственной программы КНР, а исключительно как «товарное преимущество» и «бонус», привлекательные для конечного потребителя. Подобная номинация лишает регион политической субъектности, сводя институциональные достижения к набору потребительских характеристик.

Вторая практика представляет собой метонимическое упрощение идентичности до

[85] RIA Novosti (2025) *"Aeroflot": spros na reysy mezhdu Rossiyey i Kitayem vyros v 1,5 raza* [Aeroflot: demand for flights between Russia and China increased by 1.5 times], RIA Novosti, 3 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250903/aeroflot-2039477739.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

туристического объекта. Сложная, многогранная идентичность Хайнаня в дискурсе РИА Новости систематически редуцируется до одного из его функциональных атрибутов — конкретного курорта или сервисной услуги. Например, в аналитическом материале от 15 октября 2025 г. рост туристического потока связывается не с провинцией Хайнань как целым, а локализуется вокруг «курортного города Санья»[86]. Причины регионального успеха объясняются в тексте сугубо практическими удобствами («безвизовый режим»), тогда как потребности целевой аудитории чётко ограничиваются концептами «пляж» и «оздоровление». Это классический пример работы медиа в парадигме «товар под спрос», в рамках которой институциональная сложность объекта полностью приносится в жертву его функциональной понятности для читателя.

В результате дискурс РИА Новости осуществляет глубокую деинституционализацию образа Хайнаня. Его стратегическая и административная многомерность замещается плоским, функциональным образом «туристического товара». Этот образ сконструирован не изнутри (с опорой на собственную нарративную рамку региона), а исключительно извне — исходя из ожиданий, стереотипов и сиюминутных потребительских интересов российской аудитории. Именно эта объективация раскрывает сущность прагматического «конструирования другими», характерного для медиа, функционирующих в логике массового рынка.

4.2. Стратегии предикации: агентность «самоконструирования» против статичности «конструирования другими»

В рамках дискурсивно-исторического подхода стратегия предикации позволяет проанализировать, какие действия, состояния или свойства приписываются социальным акторам через глаголы-сказуемые и предикативные конструкции. Выбор конкретных лингвистических средств позволяет не только описать реальную ситуацию, но и сконструировать представления о ней, определяя, воспринимается ли актор как энергичный инициатор изменений или как пассивный объект внешних обстоятельств (Wodak, 2001). Сравнительный анализ материалов ТАСС и РИА Новости даёт возможность выявить системное различие в предикативных стратегиях, отражающее фундаментальное расхождение их институциональных логик. ТАСС, следуя логике «самоконструирования», выстраивает образ Хайнаня как грамматического и социального субъекта, наделенного волей и

[86] RIA Novosti (2025) *Bezvizovyy rezhim dlya rossiyan snizit stoimost' poyezdok v KNR, schitayut v RST* [Visa-free regime for Russians will reduce cost of trips to China, Russian Union of Travel Industry believes], RIA Novosti, 3 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250903/rezhim-2039302763.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

способностью преобразовывать экономический ландшафт. В противовес этому, РИА Новости в рамках парадигмы «конструирования другими» формирует образ Хайнаня-дестинации — статичного фона или товара, чья ценность редуцирована до функции обслуживания внешнего спроса.

4.2.1. Динамическая предикация в дискурсе ТАСС: конструирование образа Хайнаня как стратегического актора

Предикативная стратегия ТАСС является лингвистическим воплощением его роли официального хрониста стратегических процессов. Анализ выявляет устойчивую модель: в подавляющем большинстве контекстов Хайнань выступает как грамматический субъект, от которого исходят инициативы. Динамику этой стратегии и её усиление в связи с развитием ПСТ иллюстрирует Таблица 4, где зафиксирована эволюция ключевых глаголов-предикатов. Переход от статичных глаголов состояния к динамичным глаголам действия маркирует трансформацию образа региона в активного участника глобальных процессов.

Таблица 4. Топ-10 глаголов, наиболее часто употребляемых с «Хайнань» в текстах ТАСС (2018–2024 гг.)

год	сказуемые глаголы (частотность)
2018	вырасти (3), приглашать (3), находиться (5), располагать (2), пройти (2), являться (3), стать (2), манить (1), фиксировать (1), быть (3)
2019	превратиться (50), проходить (10), представить (7), стать (9), планировать (7), быть (12), являться (6), ожидать (5), создать (5), мочь (5)
2020	превратиться (29), быть (41), планировать (24), запустить (12), входить (11), направить (9), функционировать (8), создавать (9), начать (7), создать (7)
2021	принять (24), быть (41), планировать (27), создать (16), продолжать (13), стать (13), провести (9), организовать (9), запустить (7), занять (7)
2022	быть (32), принять (14), играть (13), провести (12), уделять (9), планировать (10), готовиться (7), запустить (7), стать (10), обладать (6)
2023	провести (15), запустить (8), являться (9), иметь (8), поддерживать (7), принять (6), стать (6), предоставить (4), обладать (4), создать (4)
2024	обеспечить (6), играть (5), провести (5), запустить (5), предлагать (4), быть (9), ускорить (4), планировать (5), являться (4), иметь (4)

Одной из ведущих в дискурсе агентства является стратегия институционального преобразования. Группы глаголов, такие как «превратиться», «ввести» и «создать», подчёркивают способность региона выступать субъектом глубоких структурных реформ.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Например, в утверждении о том, что «южная провинция Хайнань к 2025 году должна превратиться в крупный международный центр образования и инноваций»[87], использован глагол «превратиться» с целью построения чёткой телеологической траектории, репрезентирующей развитие региона как реализацию осознанного плана. Аналогично, когда сообщается, что «правительство страны намерено ввести на этом тропическом острове специальный таможенный режим»[88], предикат «ввести» приписывает региону компетенцию по установлению новых правил игры, конструируя образ регулятивного инноватора.

Параллельно с этим ТАСС реализует стратегию проектного и технологического запуска, акцентируя роль Хайнаня как платформы для масштабных инициатив. Глаголы «запустить», «развить» и «занять» репрезентируют регион как узел индустриального прорыва. Так, новость о том, что «Китай запустил к своей орбитальной станции космический грузовик Tianzhou-9»[89], в контексте материалов агентства неразрывно связывается с инфраструктурой Хайнаня, укрепляя его имидж технологической базы. Метафорическое использование глагола «развить» («развить скорость легко»)[90] органично вписывается в общую риторику ускорения, а стремление Хайнаня к тому, чтобы местная продукция «заняла прочное место в списке ЮНЕСКО»[91], конструирует образ активной борьбы за международный статус.

Наконец, стратегия инфраструктурного обеспечения и ускорения закрепляет за регионом функцию гаранта глобальных потоков. Предикаты «обеспечить» и «ускорить» представляют Хайнань как ответственную часть глобальной архитектуры. Фраза о том, что «на Хайнане планируется обеспечить свободу торговли и инвестиций»[92], формирует образ Хайнаня как

---

[87] TASS (2021) *Provintsiya Hainan k 2025 godu mozhet stat' krupnym mezhdunarodnym tsentrom obrazovaniya* [Hainan province could become a major international education center by 2025], TASS, 23 July 2021. Available at: https://tass.ru/obschestvo/11970025 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[88] TASS (2020) *Hainan uprostil administrativnyye protsedury dlya biznesa yeshche v shesti industrial'nykh parkakh* [Hainan simplifies administrative procedures for businesses in six more industrial parks], TASS, 6 August 2020. Available at: https://tass.ru/ekonomika/9138135 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[89] TASS (2025) *Kompanii podpisali na Hainane 48 memorandumov i soglasheniy po yurisdiktsii* [Companies sign 48 memorandums and agreements on jurisdiction in Hainan], TASS, 27 October 2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/25461555 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[90] TASS (2021) *Vlasti Hainan zayavili, chto razvitiye svobodnogo porta ne predusmatrivayet kardinal'nykh mer* [Hainan authorities state that development of the free port does not involve radical measures], TASS, 17 April 2021. Available at: https://tass.ru/ekonomika/11176361 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[91] TASS (2025) *Kurorty goroda San'ya pomogayut turistam iz RF okunut'sya v zhizn' Hainanya* [Resorts of Sanya city help tourists from the Russian Federation immerse themselves in Hainan life], TASS, 13 July 2025. Available at: https://tass.ru/obschestvo/24502707 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).

[92] TASS (2020) *Provintsiya Hainan sozdast razvituyu transportnuyu sistemu k 2025 godu* [Hainan province to create advanced transport system by 2025], TASS, 5 October 2020. Available at: https://tass.ru/ekonomika/9629619 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

надёжного оператора международных механизмов, а цель правил, позволяющих «ускорить интернационализацию морских портов»[93], репрезентирует развитие как процесс, находящийся под полным административным контролем. Таким образом, через отбор глаголов, обозначающих волю и управление, ТАСС лингвистически воплощает образ Хайнаня как стратегического актора, чья агентность направлена на реализацию государственных задач.

4.2.2. Статичная предикация РИА Новости: конструирование обаза Хайнаня-дестинации

Предикативная стратегия РИА Новости служит инструментом реализации рыночно-ориентированной логики «конструирования другими». В отличие от дискурса ТАСС, здесь Хайнань последовательно лишается грамматической агентности, представая статичным объектом, чьё существование определяется внешними силами. В рамках практики позиционирования Хайнаня как пункта назначения роль региона сводится к синтаксической функциии обстоятельства места в высказываниях, где истинными агентами выступают туристы. Характерным примером является фраза: «Он напомнил, что в настоящее время основное направление в Китае для россиян – Хайнань»[94]. Здесь Хайнань — лишь пассивная метка («направление»), выбранная внешним потребителем. Даже когда остров формально становится подлежащим («остров Хайнань... предлагает отличные условия для отдыха»)[95], глагол «предлагает» несёт сервисно-пассивную семантику, описывая свойство товара, а не действие субъекта.

Логика «объективации» Хайнаня продолжается в сервисно-инфраструктурной предикации, где агентность полностью передаётся транспортным компаниям. Хайнань редуцируется до пассивной точки в маршрутной сети («Китай будет интересен туристам... включая Хайнань»)[96]. Сообщения о том, что «основной поток наших граждан идёт на остров

---

[93] TASS (2024) *Hainan vypustil mestnyye standarty besposhlinnoy zapravki sudov* [Hainan issues local standards for duty-free refueling of ships], TASS, 9 November 2024. Available at: https://tass.ru/ekonomika/22358287 (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[94] RIA Novosti (2025) *Bezvizovyy rezhim dlya rossiyan snizit stoimost' poyezdok v KNR, schitayut v RST* [Visa-free regime for Russians will reduce cost of trips to China, Russian Union of Travel Industry believes], RIA Novosti, 3 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250903/rezhim-2039302763.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[95] RIA Novosti (2025) *I snova leto: nedorogiye kurorty so skidkoy dlya plyazhnogo otdykha osen'yu* [Summer again: inexpensive resorts with discounts for beach holidays in autumn], RIA Novosti, 4 October 2025. Available at: https://ria.ru/20251004/puteshestviya-2046234022.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[96] RIA Novosti (2025) *Likhoradka chikungun'ya: simptomy, naskol'ko opasna i lecheniye v 2025 godu* [Chikungunya fever: symptoms, how dangerous it is and treatment in 2025], RIA Novosti, 4 September

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Хайнань»[97] или открываются «прямые рейсы на остров»[98], закрепляют образ Хайнаня как терминала, доступ к которому организуют третьи лица. Подобная стратегия помещает регион исключительно в поле потребительских предпочтений, полностью вытесняя его институциональную активность.

Особое место в дискурсе занимает предикация уязвимости, где Хайнань предстает как пространство воздействия природных стихий или внешних рисков. В конструкциях типа «на острове Хайнань эвакуировано не менее 110 тысяч человек»[99] или «“Рагаса” ударит по острову Хайнань»[100] агентами выступают тайфуны или эвакуационные службы, в то время как остров является лишь территорией, на которой возникают чрезвычайные ситуации. Даже информация о том, что туристы «благополучно вылетели» с острова после тайфуна[101], смещает фокус на благополучие граждан РФ, оставляя Хайнань в роли проблемной локации.

Таким образом, предикативная модель РИА Новости является системным отражением институциональной позиции агентства. Через локативные, сервисные и уязвимостные предикаты конструируется статичный, обезличенный образ дестинации-объекта. Эта грамматическая пассивность составляет прямую антитезу агентности, конструируемой ТАСС, и закрепляет дихотомию двух принципиально разных режимов медийной репрезентации региона.

4.3. Микростратегии аргументации, перспективации и интенсификации/митигации: «самоконструирование» против «конструрования другими»

В предыдущих подразделах было показано, как на уровне номинации и предикации в

2025. Available at: https://ria.ru/20250904/virusnaya-lihoradka-shikungunya-2039743345.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[97] RIA Novosti (2025) *Nikita Kondrat'yev: otmena viz dlya Kitaya trebuyet ser'yoznoy prorabotki* [Nikita Kondratiev: visa abolition for China requires serious study], RIA Novosti, 4 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250904/intervyu-2039565280.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[98] RIA Novosti (2025) *Posol'stvo v Kitaye prizvalo rossiyan otlozhit' poyezdki v stranu iz-za tayfuna* [Embassy in China urges Russians to postpone trips to the country due to typhoon], RIA Novosti, 22 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250922/kitay-2043516031.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[99] RIA Novosti (2025) *Rossiyskiye turisty, zaderzhavshiyesya na Hainane, vyleteli v Rossiyu* [Russian tourists who stayed in Hainan flew to Russia], RIA Novosti 2025, 26 August. Available at: https://ria.ru/20250826/turisty-2037578800.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[100] RIA Novosti (2025) *Tayfun dostig poberezh'ya kitayskoy provintsii Guandun* [Typhoon reaches coast of China's Guangdong province], RIA Novosti, 5 October 2025. Available at: https://ria.ru/20251005/tajfun-2046473814.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[101] RIA Novosti (2025) *V MER ne ozhidayut "vzryvnogo" turpotoka iz Rossii v Kitay* [Ministry of Economic Development does not expect an "explosive" tourist flow from Russia to China], RIA Novosti, 4 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250904/kitaj-2039549760.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

дискурсах ТАСС и РИА Новости систематически конструируются принципиально разные образы Хайнаня: стратегического актора и пассивной дестинации. Настоящий раздел содержит углубление этого анализа, в нём описаны результаты обращения к трём дополнительным микростратегиям в рамках DHA — аргументации, перспективации и интенсификации/митигации. Их комплексное применение позволяет выявить, как за формально схожими темами (инвестиции, туризм, сотрудничество) скрываются два различных режима интерпретации реальности, непосредственно вытекающих из институциональной логики каждого агентства.

4.3.1. ТАСС: триада авторитета в дискурсе «самоконструирования»

Дискурс ТАСС в освещении Хайнаньского ПСТ организуется вокруг устойчивой «триады авторитета», которая включает в себя апелляцию к институциональным источникам, принятие официальной «внутренней» перспективы проекта и управление информационным фокусом через интенсификацию успехов. В совокупности эти стратегии легитимируют развитие региона как объективный и управляемый процесс, лингвистически воплощая партнерскую роль агентства как стратегического ретранслятора.

Основой этого подхода является аргументация от институционального авторитета, формирующая фактологический нарратив. ТАСС систематически опирается на политические документы, документы государственных ведомств и официальную статистику, представляя события не в виде их интерпретации, а как неоспоримые факты. Так, развитие региона увязывается с выполнением конкретных графиков: «Как уточняется, подписание этих документов стало важным событием в преддверии перехода самой южной провинции КНР к офшорной таможенной модели — оно намечено на 18 декабря»[102]. Аргумент здесь строится на авторитете плана («намечено»), задающего легитимность всему процессу. Аналогично достижения в высоких технологиях подтверждаются ссылками на профильные структуры: «КНР во вторник провела успешный демонстрационный запуск ракеты-носителя CZ-8A ("Чанчжэн-8-эй") с низкоорбитальной группой спутников. Об этом сообщила Китайская корпорация аэрокосмической науки и техники (CASC)… старт был осуществлён с космодрома Вэньчан (южнокитайская провинция Хайнань)…»[103]. Использование цифр также может

[102] TASS (2025) *Srazu dva zapuska sputnikov osushchestvleno s kommercheskogo kosmodroma na Hainane s 30 iyulya* [Two satellite launches conducted from commercial cosmodrome in Hainan since July 30], TASS, 14 August. Available at: https://tass.ru/nauka/24724813 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).
[103] TASS (2025) *Uchastniki vystavki potrebitel'skikh tovarov CICPE na Hainane zaklyuchili sdelki na $12,6 mlrd* [Participants of CICPE consumer goods exhibition in Hainan conclude deals worth $12.6 bln], TASS, 21 April 2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/23735697 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

служить инструментом доказательства успеха реформ: «Теперь время оформления сокращено до семи дней. Ведущую роль город Санья сыграл также во внедрении стандартов, определяющих проверку транзакций в яхтенной индустрии по всей стране…»[104].

Стратегия перспективации в дискурсе ТАСС реализуется через режим авторитетного ретранслятора, так как агентство транслирует точку зрения официальных китайских институций. Освещение внутренних административных процессов, например, того, что «власти южной китайской провинции Хайнань в основном завершили подготовку к "закрытию" порта свободной торговли…»[105], создает эффект взгляда изнутри системы. При этом крупные мероприятия подаются как свидетельство растущего статуса региона: «На китайском острове Хайнань проходит очередной Боаоский азиатский форум…»[106], где Хайнань предстает уже не просто географической точкой, а глобальной институциональной платформой.

Дополняет эту триаду управление позитивным фокусом. ТАСС активно интенсифицирует экономические и социальные достижения, подчёркивая их масштаб: «Участники выставки потребительских товаров CICPE на Хайнане заключили сделки на $12,6 млрд.»[107] или указывая, что «город Санья активно работает над совершенствованием комплексных услуг в сфере яхтенного туризма, к концу 2025 года в нём было зарегистрировано в общей сложности 1 415 яхт.…»[108]. Таким образом, через апелляцию к структурам и управление фокусом внимания ТАСС лингвистически формирует образ компетентного стратегического актора, чьё развитие представляется неоспоримым фактом в рамках государственной стратегии КНР.

4.3.2. РИА Новости: прагматическая триада в дискурсе «конструирования другими»

В противоположность ТАСС, дискурс РИА Новости выстраивается вокруг триады

[104] TASS (2025) *Kitay uspeshno zapustil gruppu nizkoorbital'nykh sputnikov* [China successfully launches group of low-orbit satellites], TASS, 26 August 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/24872241 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).
[105] TASS (2025) *Xinhua: boleye 20 tys. chelovek evakuirovali na Hainane iz-za shtorma* [Xinhua: over 20 thousand people evacuated in Hainan due to storm], TASS, 24 August 2025. Available at: https://tass.ru/proisshestviya/24860269 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).
[106] TASS (2025) *Titov: novaya garmoniya pridet imenno s Vostoka* [Titov: new harmony will come precisely from the East], TASS, 28 March2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/23538273 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).
[107] TASS (2025) *Uchastniki vystavki potrebitel'skikh tovarov CICPE na Khaynane zaklyuchili sdelki na $12,6 mlrd* [Participants of CICPE consumer goods exhibition in Hainan conclude deals worth $12.6 bln], TASS, 21 April 2025. Available at: https://tass.ru/ekonomika/23735697 (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).
[108] TASS (2025) *Kitay uspeshno zapustil gruppu nizkoorbital'nykh sputnikov* [China successfully launches group of low-orbit satellites], TASS, 26 August 2025. Available at: https://tass.ru/kosmos/24872241 (Accessed: 11 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

прагматизма, реализующей логику «конструирования другими». Данная модель включает аргументацию от пользы для российской аудитории, внешнюю мозаичную перспективу и избирательную интенсификацию практической информации при игнорировании стратегического контекста. В результате Хайнань предстает как функциональная дестинация, ценность которой определяется исключительно категориями удобства и безопасности для российского потребителя.

Аргументативная стратегия агентства подчинена топосу пользы, где каждый сюжет отвечает на вопрос о том, что конкретное событие даёт россиянину. В контексте темы туризма ключевым доводом становится упрощённый доступ: «Он напомнил, что в настоящее время основное направление в Китае для россиян – Хайнань, и спрос традиционно высокий, так как на острове уже несколько лет действует безвизовый режим для граждан РФ»[109]. Здесь безвизовый статус репрезентируется как удобный сервис, а не элемент макроэкономики. Та же логика прослеживается в освещении темы транспорта, где акцент смещён на наличие прямых рейсов: «Также действует региональная программа прямых рейсов на остров Хайнань (Санья) из Санкт-Петербурга, Красноярска, Хабаровска, Казани, Новосибирска, Екатеринбурга, Уфы и Владивостока»[110]. Эксперты рынка также подчеркивают прагматику маршрутов: «…в компании Fun&Sun ожидают и роста турпотока на Хайнань: за счёт дополнительных рейсов через материковые города и отмены виз у туристов появятся более удобные маршруты на остров»[111]. Даже в кризисных ситуациях аргументация центрируется на защите «своих» граждан: «Посольство в Китае призвало россиян отложить поездки…»[112] или «Все задержавшиеся из-за тайфуна на китайском южном острове Хайнань российские туристы благополучно вылетели…»[113].

---

[109] RIA Novosti (2025) *V RST otmetili uvelicheniye sprosa rossiyan na poyezdki v Kitay* [Russian Union of Travel Industry notes increase in demand among Russians for trips to China], RIA Novosti, 15 October 2025. Available at: https://ria.ru/20251015/kitay-2048297860.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[110] RIA Novosti (2025) *"Aeroflot": spros na reysy mezhdu Rossiyey i Kitayem vyros v 1,5 raza* [Aeroflot: demand for flights between Russia and China increased by 1.5 times], RIA Novosti, 3 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250903/aeroflot-2039477739.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[111] RIA Novosti (2025) *Bezvizovyy rezhim dlya rossiyan snizit stoimost' poyezdok v KNR, schitayut v RST* [Visa-free regime for Russians will reduce cost of trips to China, Russian Union of Travel Industry believes], RIA Novosti, 3 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250903/rezhim-2039302763.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[112] RIA Novosti (2025) *Posol'stvo v Kitaye prizvalo rossiyan otlozhit' poyezdki v stranu iz-za tayfuna* [Embassy in China urges Russians to postpone trips to the country due to typhoon], RIA Novosti, 22 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250922/kitay-2043516031.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[113] RIA Novosti (2025) *Rossiyskiye turisty, zaderzhavshiyesya na Khaynane, vyleteli v Rossiyu* [Russian tourists who stayed in Hainan flew to Russia], RIA Novosti, 26 August 2025. Available at: https://ria.ru/20250826/turisty-2037578800.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Перспективация в РИА Новости носит мозаичный характер и строится на внешних точках зрения. Регион описывается глазами туроператоров: «Китай — экзотическое направление, быстро набирающее популярность. Остров Хайнань — главный пляжный курорт Поднебесной — предлагает отличные условия для отдыха. Это место называют "Восточные Гавайи"…»[114], — рассказывают в Tez Tour. Хайнань помещается в контекст «российского турпотока» через оценки экспертов РСТ: «По мнению экспертов, Китай будет интересен туристам из России и с точки зрения познавательного туризма, и как место отдыха на побережье, включая Хайнань»[115] или «Основной поток наших граждан идёт на остров Хайнань, на морское побережье, которое и так было безвизовое»[116]. В ситуациях риска остров и вовсе становится объектом пассивного мониторинга: «…на острове Хайнань эвакуировано не менее 110 тысяч человек»[117], «Ожидается, что "Рагаса" 24–25 сентября ударит по острову Хайнань…»[118] или «Данных о массовых заболеваниях чикунгуньей в крупных городах Китая (Хайнань, Шанхай, Пекин) нет»[119].

Завершает эту модель прагматический фильтр информации. РИА Новости интенсифицирует прикладные аспекты (рейсы, визы, безопасность), используя предикаты «лететь», «добраться», «эвакуировать». При этом наблюдается системное умолчание о стратегическом измерении ПСТ: в материалах практически отсутствуют упоминания о содержании внутренних реформ или макроэкономических показателях. Всё, что не имеет

---

[114] RIA Novosti (2025) *I snova leto: nedorogiye kurorty so skidkoy dlya plyazhnogo otdykha osen'yu* [Summer again: inexpensive resorts with discounts for beach holidays in autumn], RIA Novosti, 4 October 2025. Available at: https://ria.ru/20251004/puteshestviya-2046234022.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[115] RIA Novosti (2025) *V RST otsenili perspektivy otmeny Kitayem viz dlya rossiyan* [Russian Union of Travel Industry assesses prospects of China abolishing visas for Russians], RIA Novosti, 2 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250902/kitay-2039033277.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[116] RIA Novosti (2025) *Nikita Kondrat'yev: otmena viz dlya Kitaya trebuyet ser'yoznoy prorabotki* [Nikita Kondratiev: visa abolition for China requires serious study], RIA Novosti, 4 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250904/intervyu-2039565280.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[117] RIA Novosti (2025) *Rossiyskiye turisty, zaderzhavshiyesya na Hainane, vyleteli v Rossiyu* [Russian tourists who stayed in Hainan flew to Russia], RIA Novosti 2025, 26 August. Available at: https://ria.ru/20250826/turisty-2037578800.html (Accessed: 21 November 2025). (In Russian).

[118] RIA Novosti (2025) *Chislo evakuirovannykh iz-za tayfuna v Kitaye prevysilo million* [Number of evacuees due to typhoon in China exceeds one million], RIA Novosti, 23 September 2025. Available at: https://ria.ru/20250923/tayfun-2043827095.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

[119] RIA Novosti (2025) *V RST otmetili uvelicheniye sprosa rossiyan na poyezdki v Kitay* [Russian Union of Travel Industry notes increase in demand among Russians for trips to China], RIA Novosti, 15 October 2025. Available at: https://ria.ru/20251015/kitay-2048297860.html (Accessed: 20 November 2025). (In Russian).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

прямого отношения к опыту российского потребителя, остается за рамками дискурса. Таким образом, через аргументацию от пользы и мозаику внешних перспектив РИА Новости конструирует образ Хайнаня-дестинации — статичного и удобного места, лишённого собственной субъектности, что составляет полную смысловую антитезу стратегическому актору ТАСС.

5 | Заключение

Настоящее исследование, выполненное на стыке критического дискурс-анализа (DHA), корпусной лингвистики и тематического моделирования (LDA), было направлено на выявление механизмов и логик конструирования образа Хайнаньского порта свободной торговли (ПСТ) в дискурсе ведущих российских государственных информагентств — ТАСС и РИА Новости — в период с 2018 по 2024 гг. Анализ обширного корпуса текстов показал, что за кажущейся общностью в целом позитивного освещения Китая скрывается фундаментальная и системная дивергенция. Она порождает не просто разные акценты, а две принципиально несводимые друг к другу репрезентационные реальности одного и того же региона, основанные на конкурирующих логиках «самоконструирования» (ТАСС) и «конструирования другими» (РИА Новости). Полученные результаты позволяют не только описать траектории формирования медийного образа Хайнаня, но и предложить аналитическую рамку для понимания внутренней дифференциации дискурсивных стратегий в условиях формально партнёрских межгосударственных отношений.

1. Основные выводы: дихотомия репрезентационных режимов

Исследование выявило устойчивую дихотомию в конструировании образа Хайнаньского ПСТ, коренящуюся в глубинных институциональных логиках, стратегических целях и ориентации на аудиторию каждого агентства.

На макроуровне (анализ повестки и тематической динамики) были идентифицированы две противоположные модели.

Дискурс ТАСС, обусловленный институционализированным партнёрством с правительством провинции Хайнань, демонстрирует стратегическую автономию и проактивность. Его повестка характеризуется антициклическим ростом, независимым от конъюнктурных колебаний, и эволюционирует от событийного освещения к системному конструированию нарратива. В фокусе темы, коррелирующие с официальной стратегией развития: институциональные инновации ПСТ, высокие технологии, международное сотрудничество, что формирует образ Хайнаня-стратега.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Дискурс РИА Новости жёстко детерминирован рыночной прагматикой и интересами внутренней аудитории. Динамика публикаций носит реактивный, «пульсирующий» характер, синхронизированный со спросом на туристические услуги. Тематическое поле сужено и утилитаризировано (туризм, транспорт, цены, безопасность), что конструирует образ Хайнаня-дестинации как одномерного объекта потребления.

На микроуровне (лингвистический анализ) языковые стратегии последовательно материализуют эту макродихотомию.

ТАСС через институциональную номинацию («провинция», «порт свободной торговли»), динамическую предикацию («превратиться», «создать», «запустить») и «триаду авторитета» (аргументация от официальных источников, усвоение внутренней перспективы, интенсификация успехов) наделяет Хайнань агентностью. Регион предстаёт как суверенный субъект, целенаправленно реализующий национальный проект модернизации.

РИА Новости через рыночную номинацию («курорт», «направление»), статичную предикацию (Хайнань как место или объект действия) и «триаду прагматизма» (аргументация от пользы для россиян, мозаика внешних перспектив, фильтрация стратегического контекста) лишает Хайнань субъектности. Регион редуцируется до пассивного фона, чья ценность определяется исключительно внешними интересами.

Важно подчеркнуть, что выявленная дивергенция медиалогик объясняется не только наличием или отсутствием прямых партнёрских соглашений, но и фундаментальными различиями в институциональной природе и редакционной политике агентств. ТАСС, будучи старейшим центральным государственным информационным агентством, исторически ориентирован на трансляцию официальной государственной повестки и макрополитики. В свою очередь, РИА Новости входит в состав Международной медиагруппы «Россия сегодня» (наряду с международным агентством Sputnik). Редакционная стратегия данной структуры в значительной степени сфокусирована на внутренней и массовой аудитории, оперативном отклике и освещении социальных, культурных и бытовых тем. Опираясь на широкую сеть корреспондентов и специфику работы с общественным мнением, РИА Новости закономерно отдаёт предпочтение практическим новостям, имеющим непосредственное значение для граждан.

Таким образом, ключевой вывод заключается в том, что в рамках одного медиаполя именно институциональная принадлежность, целевая аудитория и конфигурация связей фундаментально объясняют выбор между стратегическим и рыночным/социальным дискурсивными режимами. Эти факторы, а не просто формальный государственный статус,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

являются решающими в задании «режима видимости» и определяют, будет ли регион представлен как стратегический актор или как утилитарный объект потребления.

2. Теоретический вклад и ограничения

Теоретическое значение работы заключается в концептуализации дихотомии медиалогик. Исследование предлагает и операционализирует аналитическую пару «самоконструирование» vs. «конструирование другими» для анализа репрезентаций в условиях асимметричного партнёрства. Это позволяет выйти за рамки бинарной схемы «позитивный/негативный образ» и объяснить внутреннюю разнородность «дружественного» освещения.

Методологическая триангуляция: работа демонстрирует эвристическую силу интеграции количественных (LDA, корпусная статистика) и качественных (DHA) методов. Такой подход позволяет соотнести вопрос «Что и как часто говорится?» с вопросом «Как и с какой позиции конструируются высказывания?», обеспечивая многоуровневый анализ.

Сдвиг фокуса на региональный проект: исследование смещает акцент с генерализованного образа Китая на конкретный мегапроект (Хайнаньский ПСТ) как самостоятельный объект символической политики, что открывает новые перспективы для изучения восприятия комплексных инициатив Китая за рубежом.

Ограничения исследования связаны, прежде всего, с его источниковой базой, сфокусированной на двух государственных агентствах. Для построения более полной картины необходимы дальнейшие изыскания с привлечением коммерческих медиа, социальных сетей и методов анализа рецепции (reception analysis) для понимания того, как сконструированные медиаобразы усваиваются аудиторией.

3. Практические импликации для коммуникационной стратегии

Результаты исследования позволяют сформулировать рекомендации для международной коммуникации Хайнаньского ПСТ.

Стратегия дифференцированной адресности: отказ от универсальных пресс-релизов в пользу целевой подачи информации. Для медиа логики «самоконструирования» (типа ТАСС) — акцент на глубине, эксклюзивности данных о стратегических реформах и инновациях. Для медиа логики «конструирования другими» (типа РИА Новости) — «переупаковка» стратегических инициатив в понятные формулы прямой выгоды для конкретных групп (туристов, предпринимателей, студентов).

Стратегия нарративного моста: сознательное связывание макрополитики с микроопытом. Крупные институциональные изменения (например, новые таможенные правила) должны подаваться через истории, демонстрирующие их конкретное влияние на снижение издержек,

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

повышение удобства или открытие новых возможностей для иностранных партнёров.

Стратегия полифонизации дискурса: для преодоления зависимости от единственного (официального) голоса и повышения доверия необходимо активно вовлекать в коммуникацию негосударственных акторов — российских выпускников хайнаньских вузов, успешных предпринимателей, работающих в ПСТ, независимых экспертов. Их аутентичные нарративы в социальных медиа могут стать мощным дополнением к официальному дискурсу.

В конечном счёте, проведённый анализ показывает, что эффективная международная коммуникация в современном сложном медиаландшафте — это не монологическая трансляция, а диалогическая работа по настройке резонанса. Она требует тонкого понимания различных институциональных логик медиа-партнёров и способности артикулировать собственную стратегическую повестку на языке практических смыслов и ценностей целевой аудитории, превращая информирование в совместное конструирование позитивного и многомерного образа.

REFERENCES

Deng, Y.B., Chu, C. and Zhang, Y. (2025) Tushi lilun shijiao xia Hainan sheng guoji xingxiang goujian yanjiu — jiyu X shuju de shizheng tansuo [Research on the construction of Hainan Province's international image from the perspective of schema theory: An empirical exploration based on X data], Xinmeiti yu shehui [New Media and Society], no. 1, pp. 110–125. (In Chinese).

Fan, H. (2024) Zhongguo guojia xingxiang guoji chuanbo de pinpaihua celüe tantao [Discussion on branding strategies for the international communication of China's national image], Duiwai chuanbo [International Communications], no. 11, pp. 49–53. (In Chinese).

Huang, J.J., Li, P.W. and Peng, M. (2020) Jiyu shendu xuexi de zhuti moxing yanjiu [Research on topic models based on deep learning], Jisuanji xuebao [Chinese Journal of Computers], no. 43(05), pp. 827–855. (In Chinese).

Li, Y.Q. (2024) Hainan zimai gang guoji chuanbo nengli tisheng celüe yanjiu [Research on strategies for improving the international communication capacity of Hainan Free Trade Port], Xinwen yanjiu daokan [Journal of News Research], no. 15(19), pp. 42–46. (In Chinese).

Luo, Z.W. and Wang, M. (2022) Pipan diyuan zhengzhi shijiao xia de guojia pinpai shijian [National branding practice from the perspective of critical geopolitics], Redai dili [Tropical Geography], no. 42(7), pp. 1169–1179. (In Chinese).

Miao, B., Tao, H.W. and Qin, Y. (2025) Dongmeng guojia dazhong meiti dui Hainan zimai gang de xingxiang goujian ji yingxiang yinsu fenxi [Image construction and influencing factors of Hainan Free Trade Port by mass media in ASEAN countries], Hainan daxue xuebao (Renwen shehui kexue ban) [Journal of Hainan University (Humanities and Social Sciences)], no. 43(06), pp. 38–47. DOI: 10.15886/j.cnki.hnus.202410.0325. (In Chinese).

Shi, A.B. and Wang, M. (2024) Quyu pinpai lilun shiyu xia difang guoji chuanbo xiaoneng tisheng lujing [Improving local international communication effectiveness within the framework of regional branding theory], Xinwen zhanxian [The Press], no. 2, pp. 42–44. (In Chinese).

Tang, Y.C. (2025) Zhongguoshi xiandaihua huayu tixi xia Hainan zimai gang guoji chuanbo yingxiangli yanjiu dongtai ji jiazhi [Research trends and value of the international communication

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

influence of the Hainan Free Trade Port under the discourse system of Chinese-style modernization], Xinwen chuanbo [Journalism Communication], no. 11, pp. 16–18. (In Chinese).

Wang, C.Y., Li, Z. and Zhao, H. (2025) Jiyu zageng lilun de Xifang zhuliu meiti guanyu Hainan zimai gang jianshe baodao de moxing goujian yanjiu [Study on constructing a model for Western mainstream media coverage of Hainan Free Trade Port construction based on grounded theory], Xinwen yanjiu daokan [Journal of News Research], no. 16(07), pp. 54–57. DOI: 10.26918/j.xwyjdk.2025.07.012. (In Chinese).

Yang, W. and Shangguan, W. (2024) Quanmian tisheng Hainan zimai gang guoji chuanbo xiaoneng lunxi [An analysis of the comprehensive improvement of international communication effectiveness of Hainan Free Trade Port], Hainan daxue xuebao (Renwen shehui kexue ban) [Journal of Hainan University (Humanities and Social Sciences)], no. 42(3). (In Chinese).

Zhang, K. and Wang, M.Q. (2018) Guojia pinpai de neihan, gongneng ji qi tisheng lujing [The connotations, functions, and enhancement paths of national branding], Xueshujie [Academics], no. 4, pp. 88–99. (In Chinese).

Anholt, S. (2007) Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Palgrave Macmillan.

Baker, P. (2006) Using Corpora in Discourse Analysis. Continuum.

Boulding, K.E. (1956) The Image: Knowledge in Life and Society. University of Michigan Press.

Dinnie, K. (2008) Nation Branding: Concepts, Issues, Practice. Butterworth-Heinemann.

Entman, R.M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm, Journal of Communication, no. 43(4), pp. 51–58.

Fairclough, N. (1995) Critical Discourse Analysis: The critical study of language. Longman.

Hall, S. (1997) Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Sage.

Hallin, D.C., Mancini, P. (2004) Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge University Press.

Kunczik, M. (1997) Images of Nations and International Public Relations. Lawrence Erlbaum Associates.

McCombs, M.E. and Shaw, D.L. (1972) The Agenda-Setting Function of Mass Media, Public Opinion Quarterly, no. 36(2), pp. 176–187.

Moilanen, T., Rainisto, S. (2009) How to Brand Nations, Cities and Destinations. Palgrave.

Stubbs, M. (1997) Whorf's children: Critical comments on critical discourse analysis, in Ryan, A. and Wray, A. (eds.) Evolving Models of Language. Clevedon: Multilingual Matters, pp. 110–116.

Thussu, D.K. (2018) International Communication: Continuity and Change. 3rd ed. Bloomsbury Academic.

Wodak, R. (2001) The discourse-historical approach, in Wodak, R. and Meyer, M. (eds.) Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, pp. 63–94.

Айширинь Жумабай
Доктор филологических наук, доцент, научный руководитель магистрантов, Институт иностранных языков Хайнаньского университета, Хайкоу, Китай.

Адрес для корреспонденции:
570228, Китай, г. Хайкоу, район Мэйлань, проспект Жэньминь, д. 58.

Эл. адрес: 996196@Hainanu.edu.cn
https://orcid.org/0009-0005-1143-2882

Ayixiren Jumabayi
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, supervisor of master's students, Institute of Foreign Languages, Hainan University, Haikou, China

Correspondence address:
58 Renmin Avenue, Meilan District, Haikou 570228, China

Email: 996196@Hainanu.edu.cn
https://orcid.org/0009-0005-1143-2882

Цзэн Цзяфу
Магистрант, Хайнаньский университет, Хайкоу, Китай.

Адрес для корреспонденции:
570228, Китай, г. Хайкоу, район Мэйлань, проспект Жэньминь, д. 58.

Эл. адрес: zengjiafu2002@gmail.com
https://orcid.org/0009-0005-9665-8812

Zeng Jiafu
Master's candidate, Hainan University, Haikou, China

Correspondence address:
58 Renmin Avenue, Meilan District, Haikou 570228, China

Email: zengjiafu2002@gmail.com
https://orcid.org/0009-0005-9665-8812

Для цитирования: *Айширинь Жумабай, Цзэн Цзяфу.* Подходы российских СМИ к конструированию образа Хайнаньского порта свободной торговли: дискурсивный анализ (2018–2025) // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 203–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-11

For citation: *Ayixiren Jumabayi, Zeng Jiafu.* Russian media in constructing the image of the Hainan free trade port: a discourse study (2018–2025) // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 203–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-11

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 10.05.2026;
accepted for publication 16.06.2026.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 81`27 DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-12

ЭРИТАЖНЫЙ РУССКИЙ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

РЕЦЕНЗИЯ

Kisselev, O., Laleko, O., & Dubinina, I. (Eds.). (2024). Russian as a Heritage Language: From Research to Classroom Applications (1st ed.). Routledge. Taylor & Francis Group. 278 p. ISBN: 9781040003848,1040003842

Продвижение русского языка за рубежом является одним из самых действенных инструментов наращивания «мягкой силы», а наличие большого количества русскоговорящих в странах СНГ и Восточной Европы облегчает эту задачу. Вместе с тем, даже в этих регионах русский язык постепенно утрачивает свои позиции из-за проводимой рядом государств осознанной и часто агрессивной политики дерусификации, «недостаточного финансирования и плохой координации между различными ведомствами» [Сатина, Семенова, 2024: 465]. Поскольку эффективность применения концепции «мягкой силы», по мнению исследователей, определяется факторами «запроса со стороны стран постсоветского пространства … и готовности внутренних структур, международных организаций к обеспечению доступа к изучению русского языка и погружению в русскую культуру» [Хусаинова, 2025: 113], «не просто абсолютным числом людей, которые им владеют, но и количеством стран, в которых этот язык пользуется популярностью /…/ зависит и от его официального или рабочего статуса, как в рамках ООН, так и других крупных международных организаций» [Пашаева, 2014: 76], важным ресурсом для России, особенно в странах со сложным или откровенно негативным отношением к Русскому миру, становится опора на носителей русского языка и их потомков.

В феврале 2024 года известное британское издательство Routledge выпустило в свет монографию «Русский язык как язык наследия: от исследований к обучению». Это коллективная монография под редакцией Ольги Киселевой, Оксаны Лалеко, Ирины Дубининой, объединившая 13 глав (включая вводную и главу-послесловие), написанных 24 учеными-лингвистами на материале, собранном в 10 странах (США, Канаде, Испании, Израиле, Кипре, Эстонии, Швеции, Нидерландах, Германии, Финляндии). По данным научно-

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

аналитической платформы Dimentions. A Digital Science Solution[120], за два неполных года книжная новинка получила чрезвычайно высокий коэффициент цитируемости, в 22 раза превышающий среднее число цитирований по той же области знаний [Dimentions, 2026].

Интерес академического сообщества объясняется, прежде всего, новизной предмета описания. В нашей стране, несмотря на успехи социолингвистики и внушительный пласт литературы, посвященной билингвизму, публикации о так называемых «эритажных/херитажных» языках (языках семейного наследия, «унаследованных» языках) малочисленны. За рубежом число исследований по этой проблематике тоже не слишком велико, поскольку появление эритажной лингвистики относят к концу XX века, датируя возникновение центрального понятия «эритажный язык» 1977 годом [Богоявленская, Трункина, 2023].

Как следует из названия, работа сочетает исследовательские и лингводидактические задачи. Редакторы последовательно проводят через все разделы и главы книги принцип отбора только тех материалов, в которых результаты анализа лингвистических и социолингвистических особенностей языка русской диаспоры как субдоминантного по отношению к языку зарубежной среды переводятся авторами в плоскость конкретных педагогических технологий. Соответственно, книгу можно рассматривать как полезный источник и для педагогов РКИ, развивающих собственно прагматические и социокультурные компетенции «наследственных» носителей русского (как правило, детей и внуков русских эмигрантов) во избежание негативных последствий субтрактивного билингвизма [Азизова, 2021], и для специалистов в области социальной лингвистики и социолингвистики, языковой политики и языкового строительства, культурной дипломатии и социальной адаптации мигрантов.

Билингвизм «эритажников» отличает их совершаемыми речевыми ошибками и от тех, кто изучает русский как иностранный, и от тех, кто использует его как родной или второй в среде, где русский доминирует [Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014: 4]. Носителя наследственного языка классифицируют как «нестандартного», то есть «не вполне полноценного носителя языка» [Ibid.]. Склонность изобретать собственные конструкции в нарушение общепринятых языковых правил продуцирует не только постоянный риск быть

[120] Dimentions объединяет функции полнотекстовой базы данных глобальных исследований, академических публикаций, патентов, грантов с инструментами анализа и визуализации их содержания.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

непонятым [Ibid.], но и неизбежный дискриминационный потенциал (формирует речевой портрет «чужака», указывает на принадлежность к меньшинству – иммигрантам или коренным народам, ассоциируется с безграмотностью, в том числе, из-за суженного регистра использования, зачастую ограниченного обиходно-бытовой сферой).

Поэтому, несмотря на общую для авторов монографии опору на обширную эмпирическую базу, в их подходе к обоснованию той или иной предлагаемой педагогической технологии можно выделить две составляющие: собственно лингвистическую или преимущественно социолингвистическую. В первом случае отслеживается индивидуальное внутриязыковое варьирование на всех уровнях языкового строя (фонетическом, морфологическом и т. д.). Во втором случае в центре внимания авторов оказывается социокультурная среда и статус русского языка как факторы его сохранности и эффективности усвоения наследственными носителями. Оба подхода представлены в книге примерно поровну, а если принять расширительное толкование предмета социолингвистики, включающее анализ обусловленных социальными факторами отклонений от литературной нормы, можно говорить о доминировании в составе авторов именно социолингвистов.

В первой главе, написанной редакторами книги и названной «Русский язык как язык наследия в XXI веке», педагогические технологии преподавания русского как языка наследия определяются взаимными лингвистическими и социокультурными различиями в билингвальной диаде, а также социально-демографическими и социолингвистическими особенностями иммигрантской общины. Далее лингвисты Т. Ионина и Т. Лучкина, изучающие речевые ошибки, предлагают оригинальную тестовую методику оценки уровня владения русским языком и приходят к выводу о высокой степени сходства речи носителей русского как родного и как языка наследия. О. Ненонен и А. Сергеева исследуют заметность наследственного акцента русско-финских билингвов в сравнении со студентами РКИ с родным финским и родным русским. Рассматривается прагматика обращений (О. Блачер, Б. Бремер) и просьб (М. Авраменко, Н. Мейр) с точки зрения их социальной конвенциональности (соответствия принятым формам вежливости с учетом различных ситуаций общения) и типичных для «эритажных» носителей ошибок (выраженная интерференция, обедненный языковой инпут[121]), которые определяются возрастом начала билингвизма.

Во второй части монографии рассматриваются особенности развития навыков письменной речи (ее восприятия и порождения). В отличие от устной речи, которая

[121] Адекватно воспринимаемый входящий языковой поток

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

формируется в основном спонтанно под влиянием, прежде всего, социосредовых условий, эти навыки под руководством опытного педагога, как показывает А. Петерс-Подгаевская, демонстрируют максимально сходную с обычными носителями траекторию развития, хотя и в замедленном темпе. А. Костина и Э. Бар-Ашер Сигал добавляют к условиям успеха частоту контактов с языком наследия в форме чтения на нем и его применения в формальной школьной среде. О. Паршина, И. Дубинина и О. Киселева обсуждают экспериментальные результаты отслеживания движения глаз при чтении у наследственных носителей русского языка, студентов РКИ, монолингвальных русскоязычных взрослых и детей 8–9 лет, обращая внимание на уровень предсказуемости слов как источник межгрупповой вариативности.

Наиболее интересными для читателя журнала «Социолингвистика» могут быть материалы, размещенные в третьем разделе монографии – «Русский язык в диаспоре». Авторы данного раздела, проводившие исследования в странах с различными культурами и условиями изучения русского языка, приходят к одинаковым выводам: на его усвоение влияют тип семьи, степень ее социальной адаптированности, ее языковые установки, возраст начала посещения ребенком-билингвом образовательных учреждений и возможность обучения на родном языке в институциональных условиях. Изучение русского как наследственного, как показывают С. Карпова, Н. Рингбом, А. Забродская, более успешно при активном использовании педагогами транслингвистических форм обучения. Важнейшей среди установок семьи иммигрантов, которую они транслируют детям, является стремление к сохранению своей этнической идентичности, приверженность русской культуре. Соответственно, как выясняет М. Низник в главе «Социальные, семейные и индивидуальные факторы сохранения русского языка как языка наследия в Израиле», продолжая собственные исследования мотивации изучения языка, наибольшие успехи показывают дети с позитивным отношением к своему двуязычию и с интегративной языковой мотивацией, то есть стремящиеся овладеть языком наследия как языком референтной группы. Вместе с тем, для третьего поколения иммигрантов, как показывает осуществленный автором обзор достижений предшественников, это становится весьма нелегкой задачей, поскольку по мере взросления второго поколения иммигрантов молодежь все больше тяготеет к окружающему большинству в плане использования языка и культурных потребностей. Поэтому степень межпоколенной сохранности языка зависит не только от родственных связей и семейных практик культурного участия, но и от наличия институциональной поддержки приобретения широких знаний об исторической родине, которые позволяют хранить и ценить свою гибридную идентичность. Среди форм этой поддержки (помимо социодемографических характеристик русской диаспоры и центров

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

изучения русского языка) О. Иванова и Н. Крессова-Иорданишвили в главе «Русский язык как язык наследия в Испании. Образовательные возможности для поддержания языка» выделяют работу общинных школ. Официальный уровень менее эффективен, чем общинный, поскольку проигрывает в систематичности, а также зачастую характеризуется дефицитом адекватных условиям русско-национального билингвизма ресурсов, в частности, преподавателей и методических материалов. Продолжая тему детерминант погруженности этнически русских детей в речевой поток на родном языке, В. Макарова и Н. Терехова, авторы последней главы раздела «Изучение русского языка детьми-мультилингвами в Канаде. Владение родным языком, отношение к языку и лингвокультурное воздействие», представляют ценный для организации обучения перечень наиболее тесных связей между языковыми и социальными характеристиками говорящего: частота коммуникаций между сиблингами и общения с русскоговорящими сверстниками, частота просмотров русских фильмов и степень увлечённости компьютерными играми на русском языке, регулярность исполнения русских песен. Отмечено, что посещение школ русской диаспоры содействует коррекции речевых ошибок и в целом повышению нормативности организации речевых актов.

Особого внимания заслуживает послесловие «Русский без границ», написанное Марией Полински, известной исследованиями кросс-лингвистической вариативности, языков наследия и редких языков (язык майя, языки народов Кавказа и др.), содержащее глубокое осмысление постсоветского статуса русского языка в мировом лингвистическом пространстве. Как и остальные авторы монографии, М. Полински считает «эритажников» отдельным типом носителей русского языка, которые значительно превосходят тех, кто изучает русский как иностранный, и своим языковым потенциалом, и потенциалом интеграции в полицентричный Русский мир. Интересно то, что, в отличие от многих отечественных исследователей, сетующих на снижение статуса русского языка как языка глобальной политики, торговли и науки, М. Полински обозначает оптимистичный взгляд на проблему. Она полагает, что его роль, напротив, возрастает за счет развития Интернет-технологий, миграционных процессов и появления большого числа русскоязычных диаспор практически по всему миру, а соответственно, все большего количества наследственных носителей как природных посредников между языком и культурой окружающего большинства и страной исхода русских эмигрантов.

Утрата единой советской идентичности и появление национальных государств на территории СССР привели к возникновению огромной социальной напряженности в Прибалтике и других странах, где русский утратил свой официальный статус, но сохранился

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

как многофункциональный язык, использующийся не только в быту, но и бизнесе, СМИ, торговле. Постсоветские волны эмиграции отличались от предыдущих тем, что не предполагали обязательного и окончательного разрыва социальных связей, напротив, они привели к сохранению и развитию разных форм коммуникации, хозяйственных отношений с семьей, привычным окружением и страной в целом. Плюрицентризм русского языка, который анализирует М. Полински, связан не только с расширением присутствия этнических русских, но и с децентрализацией языковой нормы (утратой Москвой монополии на право устанавливать и диктовать регионам единственно верный литературный вариант). Языковая асимметрия вариантов национального языка подчиняется тем же факторам, которые влияют на неравенство между разными национальными языками: численность популяции этноса, его экономическое и политическое могущество на международной арене, история, число и статус других языков, распространенных на той же территории. Те варианты русского, которые и ранее существовали в национальных республиках, но оценивались в таких признанных культурных центрах, как Москва и Петербург, как нечистые, засоренные диалектизмами, прошли через своего рода «эмансипацию» именно вследствие обособления новых национально-государственных образований от Латвии до Узбекистана.

На фоне плюрализации культуры в целом и мощного толчка со стороны онлайн-коммуникаций, приводящих к росту социальной и стилистической вариативности языка, теряет свою общепризнанность маркирование отклоняющихся от литературной нормы вариантов речи как «безграмотных», «косноязычных», «искаженных». В итоге, как показывает М. Полински, возникает новый социолингвистический феномен децентрализованного (регионализированного) и «трансплантированного» в большое количество отдельных, не похожих друг на друга, этнолингвокультурных ареалов, но глобального и тесно связанного с материнской территорией своего распространения «плюрицентрического русского языка». Сложилось парадоксальное сочетание падения политической роли русского и государственной финансовой поддержки его пропаганды с ростом географического охвата, социального, этнического и культурного разнообразия русскоговорящих. В заключение, считая необходимым выразить неприятие позиции России в российско-украинском конфликте, М. Полински высказывает явно политизированные надежды на то, что появление разновидностей русского языка призвано пошатнуть «имперскость» сознания русских, которое проявляется, в числе прочего, и в их осознанно или неосознанно снисходительном отношении к украинскому и белорусскому языкам. Автор полагает, что число изучающих русский язык как второй может сократиться, исследования в области русистики замедлятся, а в реальном лингвистическом

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

выигрыше окажется украинский язык, но при этом еще большее количество эмигрантов из России «пустят корни в существующих или новых глобальных сообществах», «способствуя тем самым подлинному плюрицентризму» [Kisselev, Laleko, Dubinina, 2024: 269].

Следовательно, если сегодня, как показывает М. Полински, можно говорить о появлении – по аналогии с британским, американским, индийским или китайским английским – израильского, немецкого или итальянского русского, чувство ответственности за сохранность которого испытывают не столько государственные, сколько общественные структуры, создаваемые самими русскими диаспорами, которые хотят передать свой социальный и культурный капитал потомкам и не стигматизируют языковые отличия, выстраивание механизмов институциональной поддержки эритажного русского – один из важнейших путей укрепления позиций русской культуры как неотъемлемой части мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Азизова Н. Б. (2021). Лингвокультурологические аспекты билингвизма // Academic research in educational sciences. № 2 (4). С. 1067–1073. DOI: 10.24411/2181–1385-2021-00703

Богоявленская Ю. В., Трункина Е. В. (2023). Понятие «эритажный язык» в современной лингвистике // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. № 1(3). С. 71–74.

Выренкова, А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. (2014). Грамматика ошибок и грамматика конструкций: "эритажный" ("унаследованный") русский язык // Вопросы языкознания. № 3. С. 3–19.

Пашаева Г. М. (2014). Языковое измерение soft power // Дискурс-Пи. № 11 (1). С. 75–82.

Сатина Т. В., Семёнова М. А. (2024). Языковая политика как инструмент «мягкой силы» государства: опыт России и Испании // Мир науки, культуры, образования. № 1 (104). С. 463–465. DOI: 10.24412/1991–5497-2024-1104-463-465

Хусаинова С. С. (2025). Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции // Россия в глобальном мире. Т. 28. Вып. 2. С. 111–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.8

Dimentions. A Digital Science Solution: Available at: https://badge.dimensions.ai/details/id/pub.1169121010. (Accessed: 12.01.2026).

REFERENCES

Azizova N. B. (2021). Lingvokul'turologicheskie aspekty bilingvizma [Linguocultural Aspects of Bilingualism]. *Academic research in educational sciences*, 2 (4), pp. 1067–1073. DOI: 10.24411/2181–1385-2021-00703 (In Russian).

Bogoyavlenskaya Yu. V., Trunkina E. V. (2023). Ponyatie "eritazhnyj yazyk" v sovremennoj lingvistike [The concept of "heritage language" in modern linguistics]. *Byulleten' gumanitarnyh issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve*, 1(3), pp. 71–74. (In Russian).

Dimentions. A Digital Science Solution: Available at: https://badge.dimensions.ai/details/id/pub.1169121010. (Accessed: 12.01.2026).

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Husainova S. S. (2025). Russkij yazyk kak instrument myagkoj sily evrazijskoj integracii [The Russian Language as a Tool of Soft Power for Eurasian Integration]. *Rossiya v global'nom mire*, 2, vol. 28,pp. 111–123 (In Russian).

Pashaeva G. M. (2014). YAzykovoe izmerenie soft power [The Language Dimension of Soft Power]. *Diskurs-Pi*, 11 (1), pp. 75–82. (In Russian).

Satina T. V., Semyonova M. A. (2024). YAzykovaya politika kak instrument «myagkoj sily» gosudarstva: opyt Rossii i Ispanii [Language Policy as a Tool of the State's Soft Power: The Experience of Russia and Spain]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (104), pp. 463–465. DOI: 10.24412/1991–5497-2024-1104-463-465 (In Russian).

Vyrenkova, A. S., Polinskaya M. S., Rakhilina E. V. (2014). Grammatika oshibok i grammatika konstrukcij: "eritazhnyj" ("unasledovannyj") russkij yazyk [Grammar of errors and grammar of constructions: "heritage" ("inherited") Russian]. *Voprosy yazykoznaniya,* 3, pp. 3–19. (In Russian).

А. Ю. Казакова

Анна Юрьевна Казакова
Доктор социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Отдел социологии и социальной психологии
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
117418 Российская Федерация,
г. Москва, Нахимовский просп., 51/21

Эл. адрес: kazakova.a.u@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8685-9515

Anna Yu. Kazakova
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Leading Researcher,
Department of Sociology and Social Psychology,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
51/21 Nakhimovsky Prospekt,
Moscow 117418,
Russian Federation.

Email: kazakova.a.u@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-8685-9515

Для цитирования: *Казакова А. Ю.* [Рецензия] Эритажный русский как естественный ресурс мягкой силы России. Kisselev, O., Laleko, O., & Dubinina, I. (Eds.). (2024). Russian as a Heritage Language: From Research to Classroom Applications (1st ed.). Routledge. Taylor & Francis Group. 278 p. ISBN: 9781040003848,1040003842. // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 239–247. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-12

For citation: *Kazakova A. Y.* [Review] Heritage Russian as a natural resource of Russia's soft power. Review of: Kisselev, O., Laleko, O., & Dubinina, I. (Eds.). (2024). Russian as a Heritage Language: From Research to Classroom Applications (1st ed.). Routledge. Taylor & Francis Group. 278 p. ISBN: 9781040003848,1040003842. // Sociolingvistika. 2026. No. 1. Pp. 239–247. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-12

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 28.11.2025;
approved after reviewing 11.04.2026;
accepted for publication 25.05.2026

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.
- Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец
Имя Отчество Фамилия – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.
Эл. адрес: name@mail.ru

Name P. Surname – degree, academic title, position, place of work, country.
https://orcid.org/0000-0000-0000-0000
Address: street house, city, country, index code.
Email: name@mail.ru

Требования к аннотации
В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.
Требования к оформлению списка ключевых слов
Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).
Требования к тексту статьи
Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.
Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование р а з р я д к и как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).
Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.
При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Статья из журнала
Биткеева А. Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии № 1 (61) С. 31–37
Материалы конференции
Михальченко В. Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения М. МГИМО С. 12–13
Книга (монография, сборник)
Михальченко В. Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков Вильнюс Мокслас 224 с
Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) Отв. ред. А. Н. Биткеева М. Азбуковник 471 с
Интернет-ресурс
Жукоцкая А. В. (2009) Феномен идеологии Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en Дата обращения: 12.11.2019

Образец оформления References
Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.
References должен быть оформлен согласно гарвардскому стилю ‘Harvard referencing’:

- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, для всех языков, кроме английского, напр. (In Russian).

Статья из журнала
Bitkeeva, A.N., Wingender, M. and Mikhalchenko, V.Yu. (2009) 'Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect' [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect], *Vestnik Volgogradskogo*

ISSN 2713-2951
http:// sociolinguistics.ru

gosudarstvennogo universiteta, 2, *Iazykoznanie*, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian)

Статья из онлайн журнала
Lamazhaa, Ch.K. (2014) 'Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy' [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals], *The New Research of Tuva*, 3. Available at: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138 (Accessed: 1 November 2019). (In Russian)

Материалы конференции
Golovko, E.V. (2016) 'Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii' [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation], in *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri"*, Abakan, pp. 9–12. (In Russian)

Книга (монография, сборник)
Borgoyakova, T.G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russian)
Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of modern language processes] (2015) Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow: Azbukovnik. 471 p. (In Russian)

Интернет-ресурс
Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources] Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (Accessed: 7 February 2024). (In Russia

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGUISTICS

№ 1
2026

Главные редакторы | Editors-in-chief
В.М. Алпатов | Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева | Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор и корректор | Editor and proofreader
Н.В. Рожкова | N.V. Rozhkova
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Компьютерная верстка | Desktop publishing
Т.Б. Лыскина | T.B. Lyskina
(Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Дата выхода: 13.07.2026 | Published 13.07.2026
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 13.7 | Format 60x84/8. Printed sheets 13.7

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1